

Сергей Черемнов

ГОРОДСКИЕ ДЕРЕВЕНСКИЕ

ПОВЕСТИ

рассказы

НОВЕЛЛЫ

Сергей Черемнов

ГОРОДСКИЕ
ДЕРЕВЕНСКИЕ

повести

рассказы

новеллы

Кемерово
2025 ©

В книгу вошли произведения автора, герои которых перебрались из деревни в город, но сумели сохранить традиционные ценности уклада жизни российской глубинки, атрибуты, отмеченные родовыми знаками своих предков. В книге читатель найдёт рассказы о тех, кто, живя в городе, продолжает общаться с землёй, обрабатывая и возделывая её, из года в год выращивая на ней привычный урожай. Здесь также есть истории о тех, кто скучает по сельскому быту и пытается вернуться к истокам существования своих прародителей.

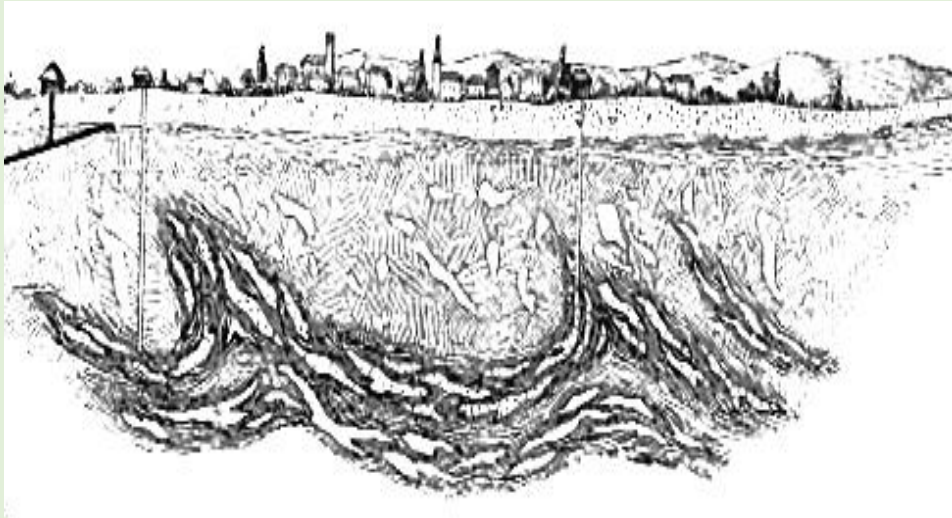
12+

Черемнов С.,
Городские деревенские. Повести, рассказы, новеллы
2025 г. – 220 с., илл.

Отрывки
из
повестей

Галкинус

1.

Василий Никанорович стал Галкинусом не сразу.

Сначала он был Василием Галкиным – простым советским коренным сибиряком, родившимся и выросшим в славном Прокопьевске – центре добычи коксующегося угля не только в Кузбассе, но и в России. В городе и моего детства, отрочества, юности.

Семья его родителей слыла многодетной во всякую советскую пору: и до войны, и после. Крестьяне по происхождению, они произвели на свет восьмерых детей, но вырастить удалось не всех: времена непростые, порой, тяжёлые, да и многие детские болезни – корь, скарлатина, простуды, доходившие до воспаления лёгких, – считались практически неизлечимыми.

Помню, как моя бабушка – баба Мотя – мама Василия без особого сожаления вспоминала смерть сыночка Коленьки: «Кашлял, кашлял и помер... Бог дал, Бог взял», – по-житейски мудро размышляла она.

В общем, вырасти и выйти в люди удалось лишь четверым. Василий был старшим, потом шли Виктор, Валентина и Юрий.

Вася был «старшеньким», а посему и лежала на нём ответственность за младших. Рос он быстро, был не по годам серьёзным и умным. Мне даже казалось, что его отец, а мой дед Никанор, побаивался слишком рассудительного старшего сына и относился к нему не только с некоторой опаской, но и с особым уважением.

Вася рано начал трудиться, хотя успел с хорошими отметками окончить школу-семилетку, получить «слесарную» специальность, как выражался он сам. И многие годы работал в угольной отрасли. А где же ещё в «жемчужине Кузбасса» (так величали некогда мой родной город, состоящий сплошь из шахт и шахтёрских посёлков) должны работать настоящие мужчины?!

Трудился Василий слесарем на обогатительной фабрике шахты № 3-3 «бис», позже ставшей шахтой «Центральной». Когда нужно было устранить сложную проблему в работе оборудования, начальство полагалось на Галкина. И он не подводил.

Так бы и прошла его жизнь в сибирском Прокопьевске, если бы в конце 1970-х в его биографию не вмешались человеческие отношения, правительство СССР и провидение, которое верующие считают Божьим, а атеисты – волею случая. И он оказался на другом краю Советского Союза. Впрочем, обо всём по порядку...

2.

Отец Василия родился в 1903 году в центре Великой Русской равнины, где располагалась часть Тамбовской губернии, в семье крестьян Галкиных.

В сельских метриках тех лет дни рождения, а иногда и годы – записывали со слов неграмотных родителей новорождённого. Поэтому в метрической книге церкви, к которой были «приписаны» чадородцы, можно было встретить такие записи: «Родился на третий день после Рождества» или «Появился на свет через неделю после благовещения Пресвятой Богородицы», – вот и пойми: это ещё конец марта или уже начало апреля? Часто дату рождения подгоняли к дате крещения ребёнка.

Говорили, что в метрике маленького Никанора поп написал что-то вроде: родился на второй неделе с того дня, как начали уборку ржи. По другой версии он появился на свет не то в июне, не то в июле. А когда конкретно, – поди, догадайся. Поэтому своего дня рождения Никанор Степанович Галкин точно не знал, оттого и не отмечал его.

Умел читать и писать, выучился этому в своей сельской глухомани, где школа появилась много раньше большевиков. Расписываться в документах мог, письма писал, а вот с газетой или книгой родные его не видели. К Богу относился спокойно, внешне даже равнодушно.

С малолетства работал, а вот ел в детстве не всегда вдоволь. Но это не помешало ему вырасти высоким, ширококостным, статным рыжеволосым красавцем. Его худощавое лицо украшал большой нос с горбинкой и тонкими крыльями, что придавало его профилю нечто среднее между образом римского патриция и гордым жителем Кавказа. А если брать в расчёт, что имя Никанор в переводе с древнегреческого означает «увидевший победы», то сдаётся, женский пол был к нему равнодушен. С виду был серьёзным, суровым, даже неприступным, но, сблизившись с кем-нибудь, раскрывался добротой души, а его редкая улыбка подкупала любого. Жаль, улыбался нечасто.

Со своей Матрёной – Матрёной Ермолаевной – они были земляками по рождению, однако повстречались уже в Прокопьевске, который в годы их молодости был деревней, не тянул даже на рабочий посёлок, которому надо было ещё очень постараться, чтобы стать городом.

Сюда маленький Никанор вместе со старшим братом Гришей прибыли из-под Тамбова вместе с родителями в конном обозе, чьим движением руководил их отец Степан...

Матрёна тоже родилась в российской Европе. Это случилось 2 апреля 1904 года – так записали в её метрике – в селе Волчье, что на речке Делеховке в Лебедянском уезде Тамбовской губернии, в семье крестьян Татарниковых. Оба её родителя были одногодками – с 1869 года.

Жизнь тяти и мамы на Тамбовщине была непростой, об этом Матрёна судила хотя бы потому, что те, предварительно помолившись Богу в каменной сельской церкви Сергия Радонежского с небесно-голубыми стенами фасада, согласились на переселение. Да не в Тамбов, находившийся от села в полутора верстах, а за тысячи километров, в дальние сибирские края. «За землёй, – вспоминала ставшая взрослой Матрёна. – На родине-то земли мало было...».

Это только казалось, что вокруг Волчьего степи без границ, однако всеми полями и лугами распоряжалась сельская община, старожилы села считали общину лишь чуть лучше помещика-крепостника, крутой нрав которого им ещё хорошо помнился. Их сельское общество было коллективным владельцем земли как внутри селения, так и наделной земли, из которой выделяла крестьянам участки во временное пользование – под посев и покос.

Причём, община давала земельный надел семье не по её общему количеству ртов, а только по числу едоков мужского пола. Но у Ермолая Татарникова был лишь один сынок Коленька, остальные – всё девки: старшая из детей Фёкла, потом шла одногодка с Колей – Матрёна, и была младшенькая – Екатерина.

Маленькая Мотя навсегда запомнила длинный обоз, который несколько месяцев плёлся по дорогам и по бездорожью из Окско-Донского междуречья в страшно далёкую Сибирь, где безземельным и малоземельным крестьянам, не избалованным богатствами урожая на выщелоченных, глинистых и тяжелосуглинистых почвах, обещали в собственность лучшие в мире чернозёмы.

Среди десятков телег, увлекаемых в дальние дали лошадьми, была и та, которой правил её невысокого роста отец Ермолай Никифорович. Он нередко соскакивал на землю, пытаясь помочь выбивающейся из сил кобыле. В нагруженной домашним скарбом телеге вместе с Мотей сидели её брат Коля, другие малыши, их мама Афимия Васильевна, в девичестве Шуваева, благообразная тихая женщина. С правой стороны телеги была привязана кормилица-бурёнка, она вышагивала важно, успевая на ходу срывать и пережёвывать придорожные травинки. В других повозках ехали родственники и деревенские соседи с детьми, коровами и скромным скарбом.

Многие путешественники, особенно женщины, украдкой вытирали слёзы по оставленным в Волчьем домам, родне, друзьям. Родители Мотиной матери: Мотин дед Василий Шуваев с женой Дарьей, – тоже отказались переезжать.

Старики Шуваевы родились в 1850 году – ещё в царствование Николая I, пережили непростую крестьянскую реформу Александра II, упразднившую в 1861 году крепостное право в Российской империи. Их возраст к началу переезда семьи Ермолая приближался к шестидесяти годам, что по меркам того времени – немало для изношенных тяжёлой работой людей. Девочка вздыхала по ним, вспоминая. Да только интересная дорога, проснувшаяся от зимних холодов, красивая природа, отвлекали от грустных мыслей, поглощая всё её внимание.

Одна из забав, которая разнообразила путешествие Матрёны, состояла в том, чтобы следить за Шариком, небольшим чёрного цвета псом с белыми

пятнами, висячими ушами, карими добрыми глазами, неопределённой породы, который неотрывно бежал за телегой Татарниковых. Обыкновенная дворняга, хотя и наделённая сообразительностью и трудолюбием, Шарик жил в их селе на каких-то странных условиях: конкретно не принадлежал ни одному двору, ежедневно обегая дома и кормясь подачками то на одной улице, то на другой.

В дальний поход за обозом он двинулся по собственной инициативе. И день за днём, неделю за неделей резво семенил за телегами, убегал вперёд, мчался то вправо, то влево – в поля или за деревья, возвращался к замыкающим повозкам, изредка беззлобно погавкивая на коров и лошадей.

На привалах пёс чаще всего садился на закрученный колечком хвост у костра Ермолаева семейства, вытаращив глаза и не шевелясь, наблюдал за тем, как колдовала над котлом Афимия Васильевна. Мотя украдкой, чтобы не заметили родители, совала собаке заветный кусочек. И пёс неторопливо и неприметно, понимая необходимость этой скрытности, уползал в траву или кусты и ел подачку. Видно, поэтому он чаще всего следовал за Татарниковыми, смешно мотая головой и виляя хвостом. А Мотя махала хворостиной и разговаривала с собакой, как с человеком.

Так день тянулся за днём...

Но однажды пёс исчез. Матрёна не увидела его утром, когда обоз двинулся в путь после очередной, сырой от проливного летнего дождя, ночёвки. Не появился он и к обеду, хотя девочка громко звала его и искала между телегами. Не было его и на второй день, и на третий. Мотя плакала, а Ермолай успокаивал её: «Можа, ещё придёт. Можа, заболел али волк ево забрал...».

3.

Двинувшись в неизвестную дальнюю даль, Мотины родители, возраст которых не достиг и сорока лет, наверное, не думали о том, что они стали крохотными «винтиками» небывалой для России земельной реформы, которую окрестили «столыпинской» – по имени председателя имперского правительства Петра Аркадьевича Столыпина. Российские крестьяне жаждали собственной земли, и он повёл страну по пути учреждения частной крестьянской земельной собственности.

Сотни тысяч семей во второй половине десятых годов прошлого века двинулись за Урал. И это не было ссылкой, шли добровольно. У решившихся на этот великий поход людей была надежда на лучшую долю, а у лучших умов страны – расчёт на серьёзное развитие сельского хозяйства, на соединение крестьянства с рыночной экономикой.

«Нам нужна великая Россия», – такую задачу поставил реформатор. И решение её видел в поощрении переселения крестьян из европейской части на пустые просторы Сибири. Государство платило переселенцам деньги и давало льготные кредиты.

В результате в Сибирь перебрались около трёх миллионов человек, сотни тысяч из них осели на Алтае. Татарниковы добрались до села Прокопьевского, названного в честь святого Прокопия Устюжского, и решили встать здесь на постоянное жительство. Хотели земли, и семье «отрезали» в собственность надел в несколько гектаров – с пашней и покосом – на южной границе села. Этот деревенский «угол» местные прозвали «Буфером». Название прижилось настолько, что впоследствии эту окраину Прокопьевска так и стали называть Буфером.

Татарниковы были очень рады своей земле, надеялись добросовестно работать на ней и за счёт этого обитать в достатке и спокойствии... Вряд ли они догадывались, что незримо их во всём поддерживал российский премьер, говоря: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете Россию!»

Благие намерения... Ими выслана известная дорога...

Столыпина ждала скорая трагическая гибель, а страну и её жителей – Первая мировая, две революции, а затем ещё и гражданская война.

4.

Впрочем, трудности вставали одна за другой, с первых дней окончания большого путешествия через всю Россию, длившегося больше трёх месяцев.

«Мы пришли сюда с Расеи», – всегда помнила Матрёна.

Когда Татарниковы и Галкины стояли в начале великого пути, на дворе занималась весна, а когда определились с новым местом проживания, настала короткая сибирская осень. В чистом поле, в платяной палатке в этих суровых краях не выживешь. Мужчины – бывшие односельчане – на

коротком совете решили рыть землянки. Ещё постановили копать колодцы. За дело взялись сразу под нудный шелест мелкого дождя.

Сеять что-либо в это время было уже поздно. Первая зима, проведённая здесь, оказалась слишком жёсткой и голодной. Перезимовали так тяжело, что до весны дожили не все. Особенно страдали дети. Километрах в двух от землянок приезжих появилось небольшое новое прокопьевское кладбище. Испугавшись сибирских морозов, несколько семей решили вернуться назад, в Волчье. Однако их короткий обоз в обратную дорогу переселенцы проводили без особого сожаления. Дел набиралось по горло.

У Ермолая и Афимии Татарниковых все ребятишки остались живы. Впоследствии, как выросли и обзавелись собственными семьями, все они «вошли» на Буфере в небольшую колонию выходцев из Тамбовской глубинки.

...В первую весну вспахали землю, посеяли хлеб и сразу начали строить бревенчатые избы-пятистенки с горницей и жилой комнатой и с обязательной большой русской печью посреди жилого пространства.

Дома строили коллективно, всем миром. Переселенцы привыкли, что на родине такую работу – «избяную помочь» – организовывали по решению сельской общины, которая в том же селе Волчьем руководила всей жизнью деревни: общественной, хозяйственной и даже семейно-бытовой. Нуждающийся в помощи крестьянин обращался за помощью к сельскому сходу. Бывало, что он сам «созывал» людей на помощь, обращаясь не ко всей общине, а к родственникам, соседям. На новом месте общины не было, но традиции взаимной поддержки сохраняли. Родные и близкие переселенцев организовали несколько строительных артелей-бригад и одновременно «рубили» дома сразу на всю улицу. Бригадиром одной из них стал Ермолай Никифорович. Руки у него золотые – ловко и ладно управлялся и с пилой, и с топором, и с рубанком. Земляки прозвали его «мастеровым» и беспрекословно выполняли все его распоряжения и команды.

Первое лето новосёлы спешили, поэтому работали без выходных, даже в те дни, когда по церковным и мирским правилам работать запрещалось. Люди трудились с какой-то особой внутренней радостью, подбадривая друг друга.

«Тюканье» топоров и «шарканье» пил слышалось весь световой день. Венцы срубов прирастали как грибы. Потом мужчины «раскатывали» стоящий на земле сруб, а затем собирали его уже на фундаменте. Самым важным этапом в строительстве был подъём матицы – центральной потолочной балки. К ней, как положено, привязывали горшок с кашей, а также хлеб, пирог, бутылку с брагой, которую, не переставая, «заводили» с первых дней переезда и умеренно употребляли за вечерним ужином. По верхнему венцу пускали севальщика, который разбрасывал зерно и покрикивал: «Хозяевам достатка и благости!» После еду с матицы снимали, и все садились за «матичный» обед.

Дома возводили быстро, уже к середине лета рубленые стены покрыли высокими скатными крышами с обязательным чердаком для всякого хлама. Жильё выходило просторным, а чтобы зимой в нём было тепло, печи в каждом доме Ермолай выкладывал сам. Огнеупорного кирпича в ту пору ещё не знали, печной кирпич лепили из местной тугой глины. Пацаны на телеге привозили её из ближнего оврага, затем глину разминали и «набивали» ею формы из дощатых ящичков. В них глина высыхала, превращаясь в крепкие ровные прямоугольники, из которых и «били» печи. Ермолай тихо колдовал над ними, с помощью помощников управляясь с каждой из них за один-два вечера.

С особой тщательностью он выводил самую верхнюю площадку печи – широкую перекрышу, едва не подходившую к потолку, на которой предстояло устроить тёплую лежанку для двух-трёх, а то и больше человек.

«Талока у тяти была большая, все соседи хату строить помогали», – вспоминала Мотя про те первые месяцы и годы новой жизни, наполненные общинной крестьянской работой.

Бабы и дети копали и налаживали огороды, делали гряды. Насажали «лучку» и «морквы», выращивали капусту и картошку, горох и бобы, репу и свеклу, тыкву, благо, семена привезли с собой. Повсеместно в новых огородах посеяли огурцы – издавна один из самых любимых и популярных овощей на Тамбовщине и в свежем, и в солёном виде. А кое-кто взялся выращивать помидоры. Хоть и не у всех крестьян в Волчьем они славились. Афимия умела возиться с прихотливыми помидорными кустами. Кстати, в Сибири помидоры начались именно с переселенцев.

Кто-то сумел привезти с собой «из Расеи» кур и «кочетов», которые отсиделись с хозяевами зимой в землянках, а теперь деловито топтались вокруг построек и постройщиков. А иные хозяйки-любительницы даже цветы посеяли. «Мы с сёстрами любили глядеть, как цветы цветут», – припоминала Матрёна.

Им, детям, доверяли пасти коров.

Вечерами накрывали на траве большой сытный ужин на всю честную компанию. А после ужина вели нескончаемые разговоры и пели родные песни. Громко выводила и маленькая Матрёна: «Сранила-а калечка са правой руки. Забила-а-сь сердечка а-а милам дружке...», – горланила она, не понимая, почему у мамы текут слёзы при первых же не словах даже, а звуках старинной песни, и всё время плачет она, пока звучит эта тягучая простая мелодия. Не понимая, что это грустит её женская душа, устремляясь в непостижимо далёкое родное село...

С родины приходили редкие весточки. Их читали всем миром, охали от новостей об уходе из жизни кого-нибудь из волчанцев, радостно кричали, услышав о свадьбе молодых или рождении малыша.

В одном из писем земляки сообщили, что в Волчье вернулся Шарик, много месяцев блуждавший по просторам Российской империи, нашёл-таки дом. «Ай да ну!» – недоверчиво качали головами начинающие сибиряки. А Матрёна заплакала: почему не пришёл сюда с ними...

5.

Из новых домов на окраине села Прокопьевского выросла целая улица с палисадниками и лужайками у сенных входов, точно таких, как на далёкой родине. Во дворах хозяева не забыли высадить принесённые из леса берёзки, «красношарки»-рябины и разные кусты...

Почему местные власти позднее назвали эту улицу Тогульской, сегодня никто и не вспомнит. Может быть, потому что, отдавая дань памяти тысячам жителей Тамбовской губернии, которые перебрались в Сибирь, название Тамбовская в Прокопьевске уже дали раньше улице в посёлке, что был на Ваничевой горе. А Тогульская, как выяснилось, – это в честь и по имени районного центра Тогульского района и села Тогул на берегу реки с одноимённым названием в Алтайском крае. Когда с 1930-х годов XX века началось интенсивное освоение Прокопьевского рудника, немало

селян Тогульского района ехали сюда, чтобы поискать счастья на строительстве шахт и добыче угля...

Соседнюю с Тогульской улицу называли Изоринская. На ней тоже разместились переселенцы.

Все они постепенно втягивались в жизнь сурового края. Ермолай Никифорович в свободное от посева, сенокоса или уборочной страды время ходил по дворам, нанимался на разную работу, которую хорошо умели делать его «золотые» руки. Он столярничал, мастерил бочки и телеги, клал печи, много ещё чего делал. Дело для него находилось почти в каждом дворе.

Сын Коля часто ходил с отцом по дворам соседних улиц, отец нанимался на работу – сын был на подхвате: подай, поднеси, поддержи.

Однажды произошёл случай, который Татарниковы запомнили надолго. Ермолай подрядился к знакомому батюшке – священнику местного прихода – почистить печь, она плохо топилась, дымила, давала мало тепла. Стоял конец марта – шла Страстная седмица Великого поста, когда даже такие не самые истовые христиане, как Ермолай с женой, придерживались древнего правила и не разрешали себе и детям «скоромные» продукты: мясо, молоко, яйца.

Большой просторный дом батюшки стоял на улице, которой позже дали название Российская. От своего дома они дошли сюда за полчаса. Отец нёс на плече мешок, в котором побрякивали инструменты, шагал размашисто. А Коля бежал за ним вприпрыжку налегке, великоватая, перешитая матерью из дедовой, шубейка съезжала в бок с худых пацаньих плеч, и он то и дело поправлял её.

Поп сам встретил работников у калитки. Он был непривычно одет в «гражданскую» светлую широкую рубаху, перехваченную в необъятной талии тонким кожаным ремешком, чёрные брюки и мягкие туфли. Ступая впереди, завёл их в избу, вымолвил одно лишь слово: «Работайте». Ермолай, сняв у порога обувь, сразу прошёл к широкой побелённой печи, сдвинул в сторону половики, начал раскладывать на полу инструменты.

А Коля робко осматривался. В светлом углу поповской кухни на специальной полке у потолка стояла потемневшая от времени икона Божьей матери с младенцем в деревянном окладе, возле неё виднелся тёмный корешок толстой книги, рядом теплилась лампадка. Пахло

ладаном. Но пуще этого запаха ноздри мальчика щекотал вкусный запах еды. У окна стоял приготовленный к обеду крепкий деревянный стол.

Время шло к полудню, и поп, не обращая на посторонних внимания, перекрестился, огладил широкую бороду и, усевшись за стол, пододвинул к себе блюдо, на котором, к удивлению Коли, лежала целая варёная курица. На глазах обомлевшего мальчика, он оторвал у курицы ногу, со вкусом откусил от неё и принялся жевать, задумчиво уставившись в одну точку.

– Отче! – глотая слюну, громко прошептал Коля. – Как же вы... А пост?!

Не переставая жевать, батюшка повёл светло-голубыми навывкате глазами, строго посмотрел на парнишку:

– Мне можно, – сказал охрипшим, но уверенным голосом. – Мне вечером на службу. Я там буду молить Бога за всех вас, за прихожан. Потому мне – можно! – и снова принялся за куриную ногу.

Потом дома Коля несколько раз пересказывал не верившим ему сёстрам эту историю, то смеясь, то вздыхая от воспоминаний об аппетитной куриной тушке...

Дети росли быстро.

Первым у Татарниковых женился Коля. И сделал это не по желанию родителей, что нередко встречалось в те времена, а по любви. Правда, для регистрации брака семнадцатилетнему малорослому Николаю пришлось приписать один год. Молодым построили дом на Тогульской и «нарезали» огород рядом с родительским хозяйством.

Вскоре вышли замуж и Фёкла с Екатериной. Построились с мужьями тут же, на Буфере. Ну, а где молодые семьи, там и дети – родителям и дедам с бабушками в радость.

Да только и без горя в человеческой жизни – а в жизни немалой тамбовской колонии тем более – не бывает, к сожалению. В 1924 году не стало Афимии Васильевны. Мотя сильно убивалась по маме, не верила, что её больше нет. Афимия ушла тихо и незаметно, вроде бы сильно не болела, только таяла с каждым днём, «сохла», как говорили родные. Отчего? Неизвестно. По одной из версий, которую, глотая слёзы, рассказывал всем Ермолай Никифорович, скучала по Волчьему...

А молодые переселенцы прочно пускали в Прокопьевске свои корни. Нашла своё счастье и Матрёна. Ни читать, ни писать она так и не научилась. На все просьбы дочери отдать её в школу Никифор отвечал одно: нечего девке по школам таскаться, пусть лучше у матери учится вязать и вышивать, а от грамоты будут одни проблемы. Впрочем, для нормального деревенского женского счастья в ту пору этого, действительно, особо и не требовалось.

Как уж они с Никанором Галкиным углядели друг друга, теперь неизвестно. Маленькая, словно девочка, симпатичная Мотя глаз не спускала со своего высокого статного жениха, не могла налюбоваться на него, серьёзного и молчаливого. Сидя в комнате, она напряжённо прислушивалась к разговору, что вели в горнице с её родителями засланные Никанором сваты, застенчиво краснела и нервно теребила концы повязанного на голове белого платка. Однако волновалась зря: сговорились нормально. И вскоре вышедшие из тамбовской глубинки крестьянские семьи Татарниковых и Галкиных сыграли хоть и скромную, но многолюдную свадьбу. Это случилось в 1925 году.

Первое время молодым пришлось пожить в доме у Мотиного брата Николая: к этому времени мамы и у Никанора уже не стало, а его отец Степан женился на вредной бабе много младше его. Впрочем, жильё молодой семье Галкиных справили быстро. Новоселье у них случилось в тот же год, когда через девять месяцев после свадьбы появился их первенец Василий. А родился он 26 октября 1927 года – в Прокопьевске метрики были точнее.

С домом же для молодых вышло так: дальние родственники Галкиных продавали готовый сруб, который Ермолай сторговал для дочери и зятя в обмен на лошадь и медный самовар, привезённый из самого Волчьего.

В доме молодых прорубили четыре окна, дабы стало как можно светлей и подольше задерживалось солнце. Посреди избы поставили русскую печь, увенчав её просторной перекрышей с уютной лежанкой, чтобы тепло спать в холодное время. Печь устроили с боковой нижней топкой и дверцей, в устье установили чугунную «доску» плиты, это позволяло топить печь не только дровами, но и каменным углём.

Обстановка у молодых была скромная, самая необходимая. В передней части дома – на кухне – обеденный стол да тройка табуреток, в дальнем

углу узкая железная кровать, застеленная серым суконным одеялом. Никанор любил лежать на ней, поужинав вечером после работы. Лежал, подложив под голову скрещенные руки, и молча глядел в потолок, думая о своём, или дремал, прикрыв глаза. Полки для посуды впоследствии заменил скромный буфет с точёными углами, в нём хранили глиняные миски и плошки, чашки с блюдами, железные кружки, гранёные стаканы и рюмки, алюминиевые ложки-вилки. Горшки и кастрюли по большей части «жили» на печке.

В другой половине избы, разделённой печью на две части, стояла железная кровать – супружеское ложе было пошире кухонного, накрыто светлой накидкой, на которой возвышалась горка мягких перьевых подушек. Здесь же посредине стоял стол для приёма гостей, у одной стены – обтянутый чёрным дерматином диван с двумя жёсткими откидывающимися валиками по бокам, комод, большой крашеный буфет. На этом буфете «жил» Бог – так шутил Никанор, говоря о том, что на верхней крышке буфета, невидимые постороннему глазу, лежали маленькая бумажная иконка с изображением Иисуса и карманная книжка в чёрной обложке с выцветшим названием «Псалтирь». И Матрёна, и её муж в Бога, конечно, верили, но как-то без исступления...

Позднее в хату поместили внушительных размеров шкаф для белья и одежды, его сработали из настоящего, покрытого светлым лаком дерева, и потому он был просто неподъёмным. Вся мебель была «артельного» производства, мебельных лавок Прокопьевск ещё не знал. Все полы в избе Матрёна застлала узкими полосатыми домоткаными половиками и самодельными круглыми ковриками, а стены над кроватями украсила дешёвыми магазинными гобеленами.

Дом молодых Галкиных вырос на углу улиц Зенковская и Изоринская, последняя шла параллельно соседней Тогульской. Интересно, что Изоринской улицу называли в память о деревне Изора, стоявшей когда-то на берегу одноимённой речки в бассейне реки Чумыш.

В своём палисаднике Никанор посадил берёзы и куст черёмухи. Для огорода новой семье отвели с полгектара земли встык с усадьбой Николая Татарникова...

Крестьянские посеы и покосы ещё частично сохранялись. Но уклад жизни бывших тамбовских крестьян сильно менялся. Ведь к этому времени

завершилась мировая война, произошла Октябрьская революция – царя скинули, и новая власть замирилась с «германцем». Всё это медленно, но неумолимо «докатилось» до сибирского села.

Бывшие тамбовчане старались не лезть в политику, не вступать ни в какие военные действия. Мужики собирались по вечерам у кого-нибудь в хате, курили самосад, громко вздыхали и, почёсывая затылки, неторопливо обсуждали, как жить дальше. Во многих семьях переселенцев молодые становились рабочими, шли на шахты, добывали уголь.

6.

Никаноровы родители тоже пришли на сибирскую землю из земли Тамбовской. Жили ли в Сибири до их переезда носители фамилии Галкиных? Скорее всего, да. А с переселенцами фамилия ещё прочнее закрепилась на территории будущего Кузбасса.

Происхождение этой фамилии неоднозначно. По одной из версий, она образована от прозвища Галка, в основе которого – название птицы. Или основой фамилии послужило закрепившееся мирское имя, образованное от древнего русского нецерковного имени Галка. Такое имя присоединялось родителями ребенка к имени, полученному им при крещении. Это имя употреблялось чаще крестильного имени и закреплялось за человеком на всю жизнь.

Есть и такая версия: Галками или Галкиными стали называть плотников из Галицкого уезда Костромской области. В начале XVII века именно здесь широкое распространение получили строительные отхожие крестьянские промыслы.

Причина этому – период смуты в России, который приводит к запустению пахотных земель. Местный летописец-документалист пишет: «А в тех пустошах по книгам пашни лесом поросло в кол и жердь и в бревно...». К сороковым годам XVII столетия состояние земледелия в Замосковном крае (это территория, окружавшая столицу государства, куда входил и Галицкий уезд) улучшается медленно. Чтобы увеличить доходы, помещики заменяют барщину оброком, который крестьяне вносят натурой. Видное место занимает и денежный оброк. Дабы заработать наличные деньги, крестьяне идут в отход. Местами отхода были города, особенно Москва и большие поселения по берегам судоходных рек – Волги, Оки.

Развитию отхожих промыслов помогала и принудительная отправка крепостных из Галичского уезда на строительство городов и укреплений. Благодаря этому галичские плотники и каменщики стали известны далеко за пределами края: «Окольные и тутошные люди привлекались к сооружению засек в Смоленской области на литовском рубеже». Их набирали для строительных работ даже в Петербург. Вот этих-то «рабочих» людей и стали отличать от других именем Галкин.

Согласно ещё одной точке зрения, фамилия Галкин происходит от женского имени Галина (греч. galene – безмятежность, спокойствие), а точнее – от его уменьшительной формы – Галка.

Между прочим, отмечают специалисты, «галкой» в народе называли подвижного, даже несколько вертлявого, непоседливого человека.

Возможны были и местные значения прозвища. Например, галка – кличка казаков Филоновской станицы (территория современной Волгоградской области). Корни происхождения прозвища, скорее всего, связаны с военной быстротой и ловкостью. Ведь казаки Филоновской – одного из поселений на реке Бузулук, упоминавшегося в перечне казачьих городков в 1698 году, – надёжно охраняли от лихих людей ближний большак, имеющий значение царского тракта. Так что, возможно, в жилах предков Галкиных течёт казачья кровь.

Есть и другие варианты. В самом начале XIV века в русской летописи встречается упоминание воеводы Петра Галки, сражавшегося с поляками. В дальнейшем, считают эксперты, его род разделился на две ветви: польскую, получившую титул графов Ледоховских, и русскую – дворян Галкиных. Последние первоначально селились на казацких землях, а затем – в Харьковской и Курской губерниях.

Немало упоминаний о Галкиных встречается в подушных книгах, с помощью которых велись учёт и перепись крестьян. Вот лишь некоторые примеры из территорий Центральной России: «Ивашко Галкин, крестьянин, 1498 г.; Галка, крестьянин Дятелинского погоста, 1500 г.; Василий Игнатьевич Галкин, псковского архиепископа дворянин, 1509 г.; Иван Галка Матвеев сын, послух, 1526 г.; Ондрей Галкин, московский дьяк, 1651 г.» (исследование Тупикова). «Кн. Иван Иванович Галка Хохолков-Ростовский, вторая половина XVI в.; Авдей, Андрей и Нефёд Андреевичи

Галкины, подьячие, 1620-е гг.» (исследование Веселовских). «В Вологде фамилия Галкин фиксируется с 1629 г.» (исследование Чайкиной).

Есть и примеры «движения» фамилии на Урал. Так, на территории будущего Камышловского уезда (сейчас в Свердловской области) фамилия Галкин фиксируется с XVII века: родственником мог быть крестьянин Евтихий Анфимович Галкин, переселившийся в деревню Комаровую из подгородной деревни в Чарондской округе (это неподалёку от Вологды) в 1663/64 году (перепись 1680 г.). В соседней деревне Мосиной проживал переселённый крестьянин Василий Фёдорович Галкин (перепись 1710 г.), в 1729 году его сын Гавриил Галкин отработывал заводскую повинность на Уктусских заводах.

В создании фамилии могла принять участие и топонимика. Вот лишь некоторые топонимические параллели, которые, например, могли дать фамилию проживающим там обывателям: село Галкинское (сейчас в Камышловском районе Свердловской области), деревня Галкино в Таборинском районе (также в Свердловской области), деревни с названиями Галкино, Галкины в ряде районов Кировской области. Такие примеры встречаются и в других губерниях.

Представители фамилии Галкиных внесены в Родословные книги Дворянских Депутатских собраний: в Калужской губернии – в 1819 году в 3-ю часть «Дворянство бюрократическое, приобретённое чином гражданской службы или пожалованием ордена»; Киевской губернии – в 1860 году во 2-ю часть «Военное дворянство, приобретённое чином военной службы»; Курской губернии – в 1795-1796 годы и в 1834-м – во 2-ю часть «Военное дворянство, приобретённое чином военной службы»; Новгородской губернии – в 1834 году в 3-ю часть «Дворянство бюрократическое, приобретённое чином гражданской службы или пожалованием ордена». Подобные записи об известных Галкиных в 18-19 веках сделаны также в Родословные книги Дворянских Депутатских собраний Санкт-Петербургской губернии, в Слободско-Украинской, Тверской, Тульской, Харьковской губерниях.

Среди известных носителей фамилии встречаются не только крестьяне, воины-князья или дворяне. Есть и учёные, крупные чиновники. Одним из них в XIX веке был Михаил Николаевич Галкин-Враской – известный

русский учёный-пенитенциарист и государственный деятель, эстляндский и саратовский губернатор.

Что касается национальной принадлежности носителей фамилии Галкин, то эксперты по антропонимике – науке, изучающей происхождение имён и фамилий людей – считают, что Галкины чаще всего относятся к русской, белорусской, мордовской, татарской или еврейской национальности.

При этом отмечается, что в русских популяциях усреднённое соотношение фамилий на -ов, -ев, -ёв к фамилиям на -ин, -ын возможно установить, как 70 к 30 процентам. А у белорусов соответствие суффиксов -ов, -ев, -ёв и -ин, -ын совершенно иное – 90 к 10 процентам.

Что касается еврейских корней фамилии Галкиных, то здесь эта фамилия относится к так называемым «патронимическим» еврейским фамилиям. То есть к тем фамилиям, которые были образованы от мужских личных имён. Как правило, таким именем чаще всего служило имя отца или, реже, деда. По звучанию подобной «патронимической» фамилии обычно достаточно легко определить, как именно звали главу данной семьи (то есть, первого носителя этой фамилии) в момент присвоения евреям фамилий.

Исследователи считают, что фамилия Галкин (Гелейсон) произошла от мужского имени Гелей/Галей – формы имени Гиллель. Одно из первых упоминаний евреев по фамилии Галкин относится к переписи ремесленников города Слуцка за 1811 год. В этой переписи значится Шломо Янкелевич Галкин, 1767 года рождения – отец ремесленника и мещанина города Слуцка.

На территории Российской империи еврейские носители фамилии Галкин жили и в Белоруссии – в таких городах и местечках, как Бобруйск, Рогачёв, Климовичи, Быхов, Могилёв, Чериков.

7.

В XVII веке на месте современного города Прокопьевска стояло село Монастырское, первое упоминание о котором относится к 1648 году. Оно основано русскими служилыми людьми и казаками. Населённый пункт вначале числился заимкой, потом деревней, наконец, с появлением церкви, селом. Первоначально его вольные хлебопашцы и охотники были приписаны к Рождественскому монастырю города Кузнецка.

Переименование села связано с христианским религиозным праздником – днём святого Прокопия Устюжского. Поэтому после строительства здесь церкви святого Прокопия оно стало называться Прокопьевским.

К середине XIX века Прокопьевское было самым крупным поселением в бассейне реки Абы, потому в 1911 году стало центром одноимённой – Прокопьевской – волости Кузнецкого уезда.

В начале XX века в Прокопьевском имелись начальная школа и церковь, здесь проживало около полутора тысяч человек. В основном они занимались земледелием и скотоводством, промышляли охотой и рыболовством. Большинство жителей относились к потомкам тех русских, кто прибыл в Кузнецкий уезд ещё в XVII-XVIII веках.

К началу XX века 50 гектаров земли в самом центре Прокопьевского принадлежали Кабинету Его Величества – для разработок каменного угля. Разведка его запасов и добыча из пробных штолен увенчались успехом. Именно «чёрное золото» определило судьбу только-только нарождающегося города на весь XX век.

В 1914 году по заданию франко-немецко-бельгийского акционерного общества «Копикуз», у которого было право на монопольную разработку ряда угольных месторождений в Сибири, выдающийся геолог Леонид Иванович Лутугин приступил к исследованию месторождения угля в будущем Кузнецком бассейне. Поисковые работы у села Прокопьевска вёл ученик Лутугина Василий Иванович Яворский. Он изучил левобережье реки Абы и в 1916 году составил первую карту выходов на поверхность угольных пластов. Чтобы начать добычу угля, необходимо было провести детальную разведку обнаруженных пластов.

Представители «Копикуза» наняли в разведочную партию людей из бывших приисковых рабочих, однако те, узнав о победе Февральской революции, забастовали и разбежались. Лишь в мае 1917 года тридцать старателей из Балыксы – вначале на лодках по Томи, затем на подводах через Кузнецк – доехали до Прокопьевского и приступили к геологическим трудам.

12 октября 1917 года в рудничной «Подневной книге» «Копикуза» появилась запись о том, что добыты первые промышленные пуды угля Прокопьевского рудника. Эта дата считается началом освоения месторождения.

А две недели спустя в Петрограде произошла социалистическая революция. Вскоре в Прокопьевском установили советскую власть. После Гражданской войны – в начале двадцатых годов – размеренная жизнь села начала непривычно ускоряться. В 1919 году здесь открыли штольню «Центральную», в 1921-м через Прокопьевское прошла железная дорога Кольчугино-Кузнецк. С открытием угольного рудника население села стало быстро увеличиваться за счёт приезжих.

Строительство первой шахты в Прокопьевске началось в 1923 году. Но в январе 1924 года её затопило водой. Зато заложенная одновременно с ней шахта № 2 была успешно запущена в строй. Вслед за ней строятся шахты № 2-бис, № 3 и № 4. В 1926 году заложена шахта «Центральная штольня» по проекту, разработанному Автономной индустриальной колонией «Кузбасс», созданной иностранными рабочими, которые по договору с правительством Ленина получили право на разработку угольных месторождений Сибири и строительство угледобывающих предприятий.

Уже к 1923 году основная масса прокопчан трудилась не в сельском хозяйстве, а в промышленности и на транспорте. Да и число жителей в селе за каких-то пять-семь лет увеличилось почти в десять раз.

В 1928 году село преобразовали в рабочий посёлок городского типа, которое вобрало в себя окрестные селения. 30 июня 1931 года посёлку присвоили статус города с населением 55 тысяч человек.

Так для Галкиных завершалась хлопотная сельская жизнь и начиналась новая, городская.

Ермолаю не нравилось, что его зятя начали отдаляться от крестьянских устоев. Нет, огороды у них были не хуже других, но в поле работать они не хотели, разве что на покосы ещё ездили всей гурьбой, ведь скотину держали постоянно. Но основным делом для них стала работа на предприятиях. Вкалывать там молодым приходилось немало, очень уставали, приходили со смен домой – сил хватало только на еду да на выпивку, что тестю тоже было не по душе. Зато заработки стали стабильными, что молодых привлекало особо.

Поработал в шахте и Никанор – на проходке выработок. При этом каждый раз, когда спускался под землю, испытывал страх перед непонятным ему подземельем и всю смену ждал только одного – её окончания и выхода на поверхность, к солнцу. Эти смены в темноте подземной ночи выматывали

душу, заставляли всякий раз пересиливать себя и свою боязнь перед неизвестностью подземелья, которое время от времени собирало свою кровавую дань шахтёрскими жизнями.

Мучился так Никанор, мучился и решил поискать другое занятие – на земной поверхности. Мужику, привыкшему добросовестно вкалывать руками, при желании найти дело было не так уж сложно. Он трудился в местном Зеленстрое – на благоустройстве улиц поселения, в Спецавтохозяйстве – возил на конной повозке бочки с отходами, нанимался на стройку...

Ему надо было кормить семью, которая всё росла. После Васи Матрёна родила двух дочерей и ещё одного сына, но эти детки прожили на свете недолго и ушли в мир иной. «Бог взял», – покорно вздыхала она, но, не отличаясь богомольностью, перекреститься при этом забывала.

В 1931 году схоронили Ермолая. После смерти жены Афимии он стал молчалив, задумчив, мало улыбался. Незадолго до кончины плохо видел, мало ходил, всё больше лежал на кровати. Его забрал к себе в дом сын Николай. Летом он ставил для отца палатку в палисаднике на траве, в которой тот дремал днём в жаркие, душные месяцы или сидел возле неё на лавке и громко протяжно вздыхал...

В 1934 году у Никанора и Матрёны родился и оказался живучим сын. Родители хотели назвать его Мишей – в честь председателя Центрального исполнительного Комитета СССР Михаила Ивановича Калинина, который в начале того же года побывал в Прокопьевске, но потом передумали и дали мальчику имя Витя.

В 1936-м появилась на свет дочка Валя.

И для Галкиных, и для города этот високосный год был удачным. Именно в том же году в Прокопьевске пустили первый электрический трамвай: для подвоза работников к угольным предприятиям задействовали три трамвайных вагона, присланных из Москвы. «Угольная жемчужина» стала третьим «трамвайным» городом в Сибири – после Сталинска и Новосибирска.

Согласно государственной статистике в 1939 году население города перешагнуло цифру 107 тысяч человек.

И одним из новых жителей города в 1939-м стал маленький Юра, который народился в семье Галкиных. Хлопот в доме, как говорится, был полон рот.

Мотя домохозяйничала, ходила за огромным огородом и детьми, обихаживала мужа. Поэтому на социалистическом производстве не трудилась и дня – и так крутилась лето и осень, зиму и весну, не приседая. Её маленькая фигурка то мелькала на грядках, то в сараюшке, где квохтали куры, а вечерами шумно вздыхала и призывно мычала корова и хрюкал поросёнок, то в доме с ребяташками.

8.

Но Вася был самым старшим, рано почувствовал ответственность перед младшими братьями и сестрой. Чем мог, помогал родителям, как мог, опекал младших. Словом, баловать было некогда, и, понимая это, он рос смыслёным, работающим ребёнком. Зная, что любознательный парнишка самостоятельно выучил алфавит и начал читать по слогам, Никанор отдал его в школу. Василий учился хорошо и с удовольствием.

Тридцатые годы – особые в истории шахтёрского города. Именно в это время складывается его облик, его образование, здравоохранение, культура. Вместе с первыми трамваями появились первый стадион, первая зона отдыха – Зенковский парк. Первые каменные школы и больницы – всё зарождалось в те далекие годы.

Газеты: центральная «Правда», краевая «Советская Сибирь», прокопьевская «Забой», – в один голос утверждали, что город день ото дня становится всё более крупным промышленным центром не только Западной Сибири, но и всей страны.

Правда шахтёры в массе своей газет не читали, зато хорошо знали, что в новом городе, просторно разбросанном по холмам и увалам, на всё многотысячное население, кроме трамвая, ходили всего два автобуса, в каждом – по 16 мест. Поэтому предпочитали селиться поближе к шахте.

Шахтовые посёлки быстро росли. В черте города появились новые жилые микрорайоны – Южный, Зиминка, Голубевка, Манеиха. Начал застраиваться Тырган. И чуть ли не в каждом создавали школы для детей.

При этом школа, где учился грамоте и набирался знаний Вася Галкин, всё-таки больше напоминала не городское, а деревенское учебное заведение. Вокруг деревянного двухэтажного здания с небольшими классами простирались широкие поляны, росли белоствольные берёзы. Было где разыграться ребятне на переменах и после уроков. Светлые классные комнаты украшали пёстрые занавески на окнах, на стенах – портреты

классиков марксизма, революции и русской литературы, руководители государства.

С ранних лет появился у Васи закадычный друг Андрей. Они были двоюродными братьями по линии Татарниковых. И расставались друг с другом в эти детские годы лишь на ночные часы. Про таких друзей говорят «не разлей вода».

В первом классе Вася, как и все первоклашки, бегал на переменах, орал от избытка застоявшихся на уроках чувств, играл в чехарду. Во втором классе попробовал курить табак-самосад, пучки буро-зелёных сушёных листьев которого без присмотра висели на чердаке их дома. Здесь же мальчишки нашли ручной резак, действующий по принципу миниатюрной гильотины, где к одной рукоятке присоединили сразу с десяток лезвий.

Как сумели, они нарубили табаку, свернули толстую неуклюжую самокрутку. «Зобнем по паре раз», – предложил Василию товарищ. Прикурили, по очереди затянулись и закашлялись так, что сознание у Васи померкло. В себя он пришёл оттого, что отец пребольно тряс его за ухо, в другой руке родитель держал ремень. «Ещё раз закуришь, прибью!», – авторитетно пообещал Никанор сыну, плохо соображающему от невыносимой тошноты и головокружения. С тех пор он больше никогда не прикасался к куреву.

В третьем классе Вася резко переменился: стал серьёзным, безразличным к школьным играм. У него появились родные младшие брат и сестра, и надо было помогать матери по хозяйству. Поэтому на школьных переменах, не теряя времени, он делал домашние задания.

К пятому классу он окончательно вывел для себя, что точные науки для жизни гораздо предпочтительнее. В шестом и выпускном – седьмом – любил уроки математики и физики. В отличие от многих одноклассников хорошо представлял, как по проводам «течёт» электричество, что такое радиоволны и почему «тарелка» радиоприёмника хорошо говорит человеческим голосом.

Оттого после семилетки с благословения семейного совета пошёл в ремесленное – на слесаря. После окончания он твёрдо собирался в шахту. Куда ж ещё в городе, который считался едва ли не угольной Меккой?!

9.

В родне было с кого брать пример, Никанор познал сам шахтёрский труд, как и многие его земляки, оторвавшиеся – к неудовольствию тамбовских старожилов – от крестьянского уклада. Во-вторых, местную молодёжь зазывали на шахту со страниц и местной прокопьевской газеты, и краевой «Советской Сибири». О шахтёрах писали не иначе, как о героях трудового фронта.

В гости к шахтёрам то и дело приезжали руководители Советского Союза. Школьников города не раз отправляли на массовки, которыми обставлялись эти визиты. И Вася своими глазами видел, как прибывший народный комиссар (а по-современному – министр) и горняки радостно жали друг другу руки и дружески похлопывали друг друга по плечам и спинам.

За короткую историю угледобычи в гостях у Прокопьевска часто были первые лица страны, чьи громкие имена не сходили с газетных полос.

26 декабря 1928 года его посетил народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Выступая в рабочем клубе имени Артёма, он сказал: «Прокопьевск сейчас – раскинувшееся село, но в скором времени он должен превратиться в большой промышленный город».

В августе 1931-го Прокопьевск прибыл народный комиссар по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР Климент Ефремович Ворошилов. Родившийся в Донбассе, он сам трудился в шахте в годы молодости. Он спустился в лаву, где работала бригада Ивана Акимовича Борисова, впоследствии первого кузбасского стахановца. Ворошилов с восхищением отметил: «На таких угольных пластах, как у вас, да с такими ударниками – не работа, а большое удовольствие!»

В августе 1933 года в городе побывал народный комиссар тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе. Он осмотрел строительство шахты имени Сталина (впоследствии шахта «Коксовая»), которая должна была стать второй из самых крупных в мире после американской шахты «Орион». Товарищ Серго спустился под землю, обследовал подготовительные выработки. Выступая перед горняками, подчеркнул: «Знайте, Магнитка и Кузнецк на ваших плечах, и коксовым углем вы обязаны обеспечить эти два комбината».

В сентябре 1934 года в «угольную жемчужину» страны приехал председатель Совета народных комиссаров – Правительства СССР – Вячеслав Михайлович Молотов. Визит тоже был очень важным, после таких гостей город, как правило, получал хорошие финансовые «вливания» на развитие социальной инфраструктуры, на строительство жилья и благоустройство. Однако на этот раз приключился конфуз. Во время следования с железнодорожного вокзала в центр города машина, где сидел Молотов, нечаянно съехала на обочину. Никто при этом не пострадал. Однако этот инцидент инкриминировали секретарю горкома партии Александру Яковлевичу Курганову и водителю машины Виктору Арнольду как попытку организации террористического акта. Началось серьёзное расследование заговора, которое затянулось надолго, цепочку «заговорщиков» выявляли, арестовывали, и подозреваемые исчезали в молохе правоохранительной системы.

Под подозрение в заговоре попал и родной дядя Василия Галкина Матвей Кремнёв – муж тётки Екатерины, младшей сестры Матрёны, работавший в городской артели по заготовке кож. В июле 1936 года к нему домой приехали на грузовике люди в форме. В своём доме на Буфере подозреваемого не оказалось: он за городом косил с родными траву. Следователи помчались туда, арестовали его прямо на лугу, грубо затолкали в кузов и увезли. Больше его никогда не видели, а в семьях Татарниковых и Галкиных об этом старались не говорить и не вспоминать. Забегая вперёд, расскажем, что секретарь горкома Курганов сидел в лагерях до «хрущёвской оттепели», водитель злополучной машины Арнольд был расстрелян в 1942 году. А Васиного родственника реабилитировали после смерти Сталина. Оказалось, что ни в каком заговоре он не участвовал, его просто оговорили, что бывало нередко. Оправдали, к сожалению, посмертно.

Только в мальчишескую пору Вася не придавал значения таким событиям. В пятом классе он стал пионером. В комсомол не вступил: в школе – не успел, потом как-то не случилось...

Василий с интересом обсуждал со сверстниками каждое новое угольное предприятие, которое появлялось на карте Прокопьевска. Мальчишкам казалось, что шахты строились очень быстро.

В 1931 году в строй вступили шахты «Манеиха», № 5-6, позже переименованная в честь наркома К. Е. Ворошилова, и «Чёрная гора». В 1932-м сдали в эксплуатацию шахту «Зиминка 1-2». В 1934 году открыли шахту № 7 (получившую позднее имя М. И. Калинина). В 1935 году начала работать шахта имени Ф. Э. Дзержинского. В декабре 1935-го государственная комиссия подписала акт о приёме первой очереди шахты-гиганта имени И. В. Сталина. В 1937 году вступила в строй шахта «Маганак». В 1939-м пустили шахту «Красный Углекоп», в 1940-м заработали шахты «Южная» и «Восточная».

И это не весь список! Теперь становится понятным, почему в атмосфере трудового энтузиазма многие молодые прокопчане мечтали стать героями-шахтёрами.

Не смущало даже разрастающееся за счёт шахтёров кладбище на Буфере. Часто хоронили здесь гибнувших на подземной работе горняков, редкая неделя обходилась без печального события. В такие скорбные дни похоронная процессия двигалась по улице Зенковской, медленно выползая из-за пригорка тёмной лентой человеческих фигур. Духовой оркестр пронзительно исполнял похоронный марш, деревянное место последнего горняцкого приюта всегда было отделано малиновым плюшем и чёрными лентами.

А ребяташки влезали на заборы, чтобы получше рассмотреть торжественную процессию. И это казалось Васе достойным продолжением романтики героических горняцких будней: погиб в настоящей битве за уголь...

Осенью 40-го года первенец молодой семьи Галкиных поступил в ремесленное училище, на специальность подземного слесаря. Матрёне с Никанором и выбор сына, и учебное заведение нравились ещё тем, что в течение учёбы – все три года – сын будет находиться на государственном обеспечении. Для семьи с четырьмя малолетними едоками это немаловажно.

По этому случаю Никанор с Матрёной решили устроить семейное торжество с блинами и бутылкой «казённой поллитровки». Правда, водка была припасена впрок – ко дню великого Октября. «Ладно, – веско сказал глава семьи. – Ещё прикупим. А сёдни антось её, стряпай, мать!»

У Моти как раз подошла квашня на кислые блины. «Кочегарь-ка печь, отец!» – деловито распорядилась она и принялась хлопотать у плиты.

В семье Матрёнины блины очень любили, поэтому все засуетились. Никанор затолкал в тлеющую топку пару поленьев, а потом, как дрова занялись, угля подкинул и пошуровал кочергой. Вася из тёмной кладовой принёс в избу ведро с квашнёй. Витя с четырёхлетней Валею вертели под ногами у взрослых в предвкушении вкуснятины. Годовалый Юра молча сидел в своём углу, перебирая игрушки-чурбачки и изредка поглядывая на старших.

Семью прямо-таки завораживало то, как худенькая невысокая, покрасневшая у плиты Мотя ловко жонглирует огненными блинами.

Наконец все расселись за столом, где в центре возвышались сковородки с блинами, и в ожидании предстоящего гастрономического священнодействия смотрели на главу семейства. Никанор с торжественным видом сколупнул сургуч с бутылочного горлышка, вынул пробку, понюхал содержимое бутылки и наполнил рюмки. В это время жена, придерживая на коленях младшего, который тянул руки к еде, деревянной ложкой разложила по блюдцам сметану.

– Ну, – поднял рюмку родитель. – За тя, сынок! – и одним глотком выпил водку.

Матрёна выцедила спиртное маленькими глоточками, не поморщившись. Василий долго примеривался к своей рюмке, резко выдохнул и глотнул обжигающую жидкость, задохнулся, закашлялся, стирая кулаком со щёк побежавшие слёзы.

– Фу-у! – произнёс он. – Ну её! – и отодвинул от себя рюмку.

– Давайте есть, – произнёс Никанор и первым обмакнул в сметану четвертину блина.

– Ешьте, а то стынет, – проворковала Мотя, обводя взглядом своих золотистоголовых чад.

Все разом потянулись к блинным горкам. Ели и на все лады нахваливали маму, а та похихикивала от удовольствия. Сама не ела – кормила с руки младшего...

Тут в сенях раздался стук: «Эй, Галкины, дома?»

– Дома, дома! – враз загомонили все.

В избу вошёл Николай – точная копия Матрёны только в мужеском облики: тот же рост, лицо, глаза и улыбка. За ним увязалась в гости его дочурка Аня.

– Заходи, Ермолаич, заходи, Аня, – поднялся навстречу им глава дома.

– Садитесь с нами, чайку попейте... – пригласила Мотя. – А чево один? Иде жена твоя?

– Ха-ха! Как знал, шёл! – обрадовался Николай Татарников. – А Хритинья дома осталася, с малыми. Чево празднуете, Никанор? – а когда узнал причину семейного торжества, потрепал Васю по спине. – Давай, племяш, учись хорошенько!

Дети уплетали блины, а для взрослых Матрёна достала из подпола солёных огурцов, капусты, нарезала белого как сахар сала и чёрного хлеба. Никанор долил гостю в Васину рюмку, плеснул жене и себе. А когда содержимое поллитровки закончилось, взрослые и дети стали пить густой ароматный чай с вареньем. Гость и хозяйева завели нескончаемый разговор о делах многочисленной родни, который, как водится в российских семьях, переходит на дела государственные, в том числе, и международные. Главной темой в те дни была такая: быть ли войне с немцем, и когда она начнётся?

Прихлёбывая горячий чай из блюдца, Никанор спокойно рассуждал:

– Не полезут! Побоятся, получат по зубам...

– Дак, как же! – горячился Николай. – Они, вон, Европу себе взяли! Французов-то – чик, и нету! Так и могут...

– Не, не могут! Говорю, не дурак, немец-то. Танков у нас у нас-то, самолётов-то... Мы быстро им рыла начистим!

Старшие пацаны слушали взрослых, затаив дыхание, Валя нянчилась с Юрой, а Матрёна убирала со стола...

10.

Может быть, потому война для многих началась неожиданно – не ждали, не верили...

Хотя разговоры о том, что «немец что-то затевает», в начале 1941-го мужики вели при любом удобном случае: и когда Николай или кто другой приходили в гости к Никанору с Матрёной, и когда молодые Галкины

сидели за столом у родни или у соседей. «Не посмеют! – часто сходились на одном спорщики. – А если полезут, так мы их...».

Поэтому их, как всю страну, трагические события начавшихся 22 июня 1941 года масштабных военных действий фашистов против СССР повергли в шок.

В этот воскресный день погода стояла сухая и безветренная, ясная и не жаркая. Мотя про такие дни говорила: «Вёдро на дворе». Небо было абсолютно чистым. С утра Никанор с Василием у палисадника пилили на чурбаки осиновые бревёшки, чтобы колоть их на дранку, которой собирались перекрыть прохудившийся угол крыши. Витя бегал со сверстниками на улице, Валя с Юрой играли в доме. Там же Матрёна готовила обед.

Ничто не предвещало страшной беды и после того, как, наевшись наваристых щей и варёной картошки с топлёным маслом и передохнув, все снова разошлись по своим делам.

Отец семейства ловко тюкал топором по гладким, без сучков и трещин, чуркам, откалывая одну за другой тонкие пластинки, старший укладывал дранку ровными кучками, чтобы удобнее было поднимать их на крышу. После обеда прошло часа два, когда с улицы примчался Витя и завопил во всё горло:

– Война... война началась! Все говорят! Радио включайте! – глаза у запыхавшегося мальчишки горели огнём.

Окно кухни было открыто, Мотя услышала крики сына, и не успели мужики торопливо зайти в дом, как чёрная тарелка на стене громко заговорила голосом народного комиссара иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова: «...Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины...».

Все Галкины сгрудились в горнице у комода, над которым висели радио и портрет Иосифа Сталина в деревянной рамке под стеклом, и слушали. «...Наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполняют долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору...», – говорил стране комиссар.

– Мы же их разобьём! Да, бать? – Витя рубанул рукой воздух.

– Молчи же ты! – дал ему подзатыльник отец, а Вася показал брату кулак. «...Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу», – неслось из круглого динамика.

Никанор дрожащими пальцами пытался свернуть самокрутку.

«Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом», – Матрёна слушала радио, раскрыв рот и часто моргала.

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!», – торжественно закончил Молотов.

– А я что говорю! – запрыгал Виктор.

– Да помолчи, дурья башка, – цыкнул на него отец. – Крышу, видно, уже не доделаем...

– Ой, нету мочи! – охнула Мотя и схватилась за грудь. – Сердцем зашлась... Василий молчал, растерянно поглядывая на родителей. Матрёна показала пальцем на малышей – пятилетнюю Валю и двухлетнего Юру, которые продолжали играть в куклы и кубики, не обращая никакого внимания ни на радио, ни на взрослых:

– Глянь-ка, кому война, а имя и горя нету... – лицо её вдруг побелело до неузнаваемости, Мотя заплакала.

Она в очередной раз была на сносях, рождения ребёнка ждали к началу осени.

Никанор начал торопливо переодеваться в выходное.

– Куды? – встревожилась Мотя.

– В город. Узнаю чево, – не глядя на неё, пробурчал глава семейства и ушёл.

Вслед за ним заторопился и Вася, решив на всякий случай сходить в своё училище. Матрёна с малыши осталась дома.

Весь остаток дня к ним в дом шли люди. Приходили сёстры: то встревоженная Фёкла, то зарёванная Екатерина. Со слезами на глазах женщины взволнованно судачили о том, что теперь будет. Заглянул брат

Николай, приходили соседи – говорили об одном: началась война, заберут на неё мужиков, как будем жить дальше?

Вернувшийся из города Никанор сообщил, что в военкомате сказали, что надо ждать повестки.

11.

Мобилизация началась скоро. Через какую-то неделю сибиряков стали призывать на фронт. Один за другим уходили на войну и зрелые мужики, и молодые парни. Женщины и дети плакали, провожая отцов, мужей и братьев.

Получил повестку родной старший брата Никанора – Григорий. Он ушёл на войну в первые месяцы. Другой его брат, Николай, работал на добыче угля и ему дали бронь – воюющая страна очень нуждалась в «чёрном золоте».

Не взяли на войну и самого Никанора. Медкомиссия обнаружила, что у него в юности были сломаны несколько рёбер, из-за чего начался скрытый плеврит лёгких, о котором он даже не догадывался. Несколько рёбер врачам пришлось удалить. Его признали негодным к окопной жизни, вместо этого он получил повестку в трудовую армию. И его увезли на лесоповал в рабочий посёлок Мундыбаш – здесь, километрах в ста южнее Прокопьевска, на склонах гор заготавливали лес для шахт. Тяжелее работу придумать трудно, однако ширококостный, жилистый от природы, Никанор вкалывал не хуже многих других. Даже числился на хорошем счету, перевыполняя сменную норму.

Посёлок Буфер опустел, будто вымер, жизнь здесь напряглась и притихла: не было слышно смеха ребятни, играющей на улице, зычных бабьих голосов. В первые дни его обитатели часто бегали в магазин – запастись спичками, солью. Через некоторое время с прилавка начали исчезать продукты, и скоро ввели карточки.

При встречах с роднёй и соседями в глазах у Матрёны стоял немой вопрос: как жить-то сейчас? Многодетную, безмужнюю, беременную маленькую Матрёну к работам не привлекали. Она и без этого пахала как лошадь: на огромном огороде, у плиты и стирального корыта дома, на отвалах породы возле шахты, где люди собирали куски угля для домашних печей. А мысли с утра и до поздней ночи были одни и те же: думала о Никаноре,

о том, как прокормить детей, да приготовиться к длинным сибирским холодам.

Первая военная зима была для Галкиных, пожалуй, самой трудной.

Василий стал в семье старшим мужчиной, как мог, помогал матери после учёбы. Каждое утро, отправив старшего в училище, Матрёна вначале спешила в огород; здесь требовали ухода ряды картошки, которая была главным продуктом на семейном столе, овощные грядки надо полоть от сорной травы, не полей водой вовремя помидоры и огурцы – завянут и не получишь урожая. Восемилетний Виктор мигом повзрослел, оставил уличную беготню, постоянно находился при матери: таскал воду, дёргал сорняки, тяпал картофельные кусты. На семейном совете Василий с Матрёной решили – во что бы то ни стало осенью отправить парнишку в первый класс.

После обеда Мотя с Витей отправлялись на шахту имени Дзержинского. Здесь на шахтовом отвале окрестные жители собирали уголь.

Откатчики выталкивали из-под земли на поверхность очередную вагонетку, наполненную породой, которую «отбили» проходчики, прокладывая в земном «нутре» проходы к угольным пластам: штольни, квершлагы, штреки, уклоны. Вагонетку подводили к краю отвала и переворачивали. Сборщики угля кидались к сыплющемуся из неё на землю содержимому. Опытным глазом они умели отличать в этом множестве камней угольные куски, выхватывали и складывали их – каждый в свою кучку. В отличие от породы угольные комки были более лёгкими. На фоне общей сероватой массы породы они были темнее по цвету, поблёскивали ровными изломами на дневном свете.

Юркий Витя первым кидался к вагонетке, у Матрёны сердце замирало: не засыпало бы сына. Сама она палкой выковыривала из породы куски топлива. К вечеру на отвале появлялся Василий, перед собой он толкал небольшую тележку, в которую Галкины складывали собранный за день уголь, везли его домой и ссыпали в устроенный под домом специальный закут. В семье хорошо знали, что каждая тележка – это тепло в доме на два-три зимних дня...

Валя помогала семье тем, что присматривала за маленьким Юрой, сидела с ним дома, развлекала малыша, как могла. Появилась у неё и ещё одна обязанность: днём она слушала военные сводки «от Советского

информбюро», которые сообщал диктор Левитан, и подробно пересказывала родным за ужином, куда отступили наши войска и сколько уничтожили немецких танков и самолётов.

Эта обязанность возникла случайно ещё в самые первые дни, когда её стали оставлять дома одну с младшим братом. Однажды в углу, где играли дети, мелькнула мышь. Брат не обратил на неё внимания, а перепуганная до смерти девочка мгновенно вскочила на стол и сидела там, боясь спуститься на пол. От нечего делать, она дотянулась до «тарелки» радио на стене и включила её. За день несколько раз передавали неутешительные сводки Информбюро, смышлёная Валя запомнила их и вечером за столом воспроизвела информацию по памяти.

И когда на другой день Матрёна, уходя с Витей за углём, наказала дочке: – Не боись ты энтава мыша, он ить такой малый... – её слова не прибавили девочке храбрости.

Наглая мышь не боялась малышей и выгуливалась в горнице, как только старшие покидали в дом. Валя спасалась от неё на столе, слушая радио. Так и повелось...

12.

С началом войны жизнь круто менялась и во всём Прокопьевске. Стали больше добывать угля и отправлять на меткомбинаты. Посыльные из военкоматов разносили по дворам и квартирам повестки с требованием явиться на сборный пункт для мобилизации в армию.

23 августа 1941 года в городе начали формировать стрелковый полк № 1250 – в него призвали около двух с половиной тысяч человек. В этот полк попал и брат Никанора Григорий Галкин. Первым комполка у прокопчан стал майор Пётр Николаевич Гушкевич. Такие же полки из Ленинска-Кузнецкого, Сталинска и Кемерова вместе с Прокопьевским полком образовали 376-ю стрелковую Кузбасскую дивизию.

Родные за первые месяцы войны успели получить от Григория лишь несколько солдатских треугольников – коротких писем, из которых следовало, что везут их к Ленинграду.

Первые бои для прокопчан были страшными. 29 декабря 1941-го Кузбасская дивизия прибыла на Волховский фронт. И на следующий день в составе 59-й армии сразу же получила боевое крещение: вступила в бой в районе города Чудова. Боевая задача была простой и невыполнимой:

оказавшийся в руках немцев город нельзя было сдавать – он открывал путь к южным окраинам находящегося в блокаде Ленинграда.

Как следует из оперативных донесений, к началу боевых действий дивизия была обеспечена полностью только винтовками. В распоряжении полков находилось лишь 8,3 процента от положенного числа ручных пулемётов, станковых пулемётов – 4,6 процента. Миномётов, автоматов, средств связи не было вообще. Личный состав не имел зимнего обмундирования. Из-за отсутствия транспорта дивизионная артиллерия не смогла принять участия в первом бою.

Дивизию бросили на штурм высокого, хорошо укрепленного берега реки Волхов. Цель, поставленная командованием фронта, – любой ценой захватить Чудов. Под шквальным огнём врага сибиряки устремились в атаку и выполнили задачу: им удалось выйти на западный берег реки Волхов и вплотную подойти к главной полосе обороны противника.

Бились с врагом крепко и остервенело, будто породу рубили в забоях. Недаром ещё осенью 41-го, в ходе сражений за Одессу, в каких участвовали полки из донецких шахтёров, немцы выпустили такой приказ: «Моряков и шахтёров в плен не брать, а немедленно уничтожать».

Однако удержать плацдарм не удалось. Противник контрнаступлением отбросил дивизию. В последующие дни атаки кузбассовцев продолжались, но без успеха. При этом наши несли огромные потери: только за первые четыре дня боёв не стало половины личного состава дивизии.

7 января 1942 года 376-ю дивизию опять бросили в наступление. Однако без поддержки танков, артиллерии и авиации наступление не имело успеха, и 10 января было остановлено. Где-то в этих боях не стало Григория. В Прокопьевск пришло извещение: «Пропал без вести». С тех пор родные больше никогда и ничего не смогли узнать о Григории Степановиче Галкине...

13.

В первые месяцы войны в Прокопьевск начали прибывать промышленные предприятия, культурные и научные учреждения, эвакуированные с западных территорий страны. С заводами, фабриками, институтами приезжали их специалисты, рабочие основных специальностей.

Одним из первых в город привезли оборудование Киевской табачной фабрики и московской фабрики «Дукат». В военное время их технология легко перестраивалась с производства папирос и сигарет на выпуск патронов. Фабрика делала и папиросы в коробках «От сибиряков – фронтовику».

Прибыли станки и конвейерные линии гиганта советской промышленности – Харьковского электромеханического завода. Москва поставила прокопчанам серьёзную задачу: 1 декабря 1941 года развернуть на базе оборудования ХЭМЗ выпуск бомб, снарядов и двигателей для подводных лодок.

13 октября 1941-го из Донбасса в Прокопьевск «прикатил» Краснолучский машиностроительный завод. Его преобразовали в механический завод для обслуживания шахт, ремонта шахтного оборудования.

Прокопьевский государственный союзный завод лампового хозяйства (ЗОЛХ), выпускающий светильники для подземных работ шахтёров, самоспасатели, трансформаторы и пускатели, доукомплектовали эвакуированным оборудованием, и заводчане за считанные недели освоили производство гранат, мин, запалов.

Но больше, чем боеприпасов, от Прокопьевска требовали угля. Промышленная ось Урал-Кузбасс становилась главной опорой военной экономики, Кузнецкий бассейн – главной «кочегаркой» страны, а Прокопьевск – основой в добыче советского угля.

Из-за войны срок обучения Василия сократили – индустрия города требовала кадров. Иногда вместо учёбы ребят посылали помогать госпиталям – в Прокопьевске их развернули семь. Сюда везли только тяжелораненых, на длительное лечение. Дети, школьники, комсомольцы и взрослое население города помогали в уходе за ранеными.

Василий Галкин с друзьями пешком добирался до длинного, г-образного здания на улице Шишкина на Тыргане, где размещался эвакогоспиталь № 1026/3616. Здесь ребята мыли, скребли, помогали убирать за ранеными в палатах и подвалах трёхэтажных корпусов. Однако самым тяжёлым испытанием была не эта работа. Порой юношам нелегко было видеть, как исходят болью и умирают на больничных койках искалеченные войной солдаты. «Каждого второго мы возвращаем на фронт, – объяснял

мальчишкам главврач госпиталя. – А остальных или комиссуем, или хороним».

– Когда же погоним фашистов с нашей земли? Почему так долго воюем и отступаем? – удивлялись мальчишки. Но взрослые молчали...

Василий торопился освоить азы и тонкости слесарного дела, получить документ о специальности и – скорее бы в шахту. На шахте успел поработать его отец, в шахте трудился отцовский брат Николай.

Кроме того, 15-летнему Василию не терпелось начать зарабатывать деньги, чтобы помогать матери и младшим выжить в трудные времена. А в шахте, кроме пайкового «тормозка», куда входили хлеб, сало, сахар, несмотря на войну, платили и наличные.

В многочисленной родне Галкиных каждая семья выживала, как могла. Продовольственное снабжение перевели на карточки. По карточкам получали хлеб. Причём, машиностроитель Прокопьевска в день получал 700 граммов хлеба, шахтёр – до килограмма. Зато на так называемых иждивенцев: неработающих взрослых и детей, – приходились хлебные крохи. Мясо, крупа, жиры выдавались людям только по карточкам.

Матрёну выручал огород: картошки и овощей хватало. Но Валя часто мечтала вдоволь поесть хлеба. И когда Василий иной раз вечером приносил оставшуюся от «казённого» обеда в училище хлебную корочку, она чаще всего доставалась сестре.

Виктору в выходные поручали торговать на небольшом стихийном рынке, образовавшемся неподалёку от дома. Здесь редкие покупатели нет-нет да брали у мальчишки приготовленные матерью пучки зелёного лука и редиски, миску огурцов. Вырученные копейки шли в тощий семейный бюджет. Раз в месяц из трудармии немного денег присылал семье Никанор. За семейным столом Василий читал вслух короткие отцовские письма, полные тоски и надежды на встречу с семьёй.

Кто-то из большой родни Татарниковых-Галкиных выживал за счёт известкового «бизнеса». Этим промыслом, например, занялась жена сгинувшего на фронте Григория Степановича Галкина Катерина. К нему она вынуждена была обратиться с первых военных месяцев, ставших едва ли не самыми трудными, пока люди приспособлялись к тяготам и лишениям, втягивались в тыловую «военную» жизнь.

Рядом с Тогульской и Изоринской улицами шла Западно-Сибирская железная дорога. Кто-то обнаружил, что в щебне на высокой дорожной насыпи попадает розово-коричневатый камень-известняк. И вот уже стайки сборщиков известняка с утра до позднего вечера стали бродить вдоль насыпи: в руках – палка, чтобы ковыряться в щебёнке, за спиной мешок – складывать ценные находки. Внимательно осматривали склоны насыпи. Со стороны они чем-то напоминали грибников, которые прерывали свои поиски лишь на минуту-другую, чтобы переждать пролетающий мимо грохочущий состав поезда.

Потом собранные камни кололи молотками на мелкие кусочки, устраивали костры: кто – во дворах, кто – в овраге за огородами. Сначала разжигали дрова, затем подкладывали в огонь каменный уголь, а когда уголь разгорался докрасна, насыпали сверху слой известняка.

Процесс занимал несколько часов, иногда длился до утра. Пережжённую белую каменную известь перемазанные сажей добытчики выбирали из прогоревшего костровища и продавали на рынке, обычно насыпая порциями в металлические миски граммов этак по 250-300. Несмотря на войну, у заботливых домочадцев известь пользовалась спросом – для побелки стен и потолков, печей. Её добавляли в цементный раствор для крепости.

Мотиного брата Николая Татарникова на фронт не взяли, а работать под землёй не пустила медкомиссия – оказался слабоват грудью, худосочен и мал ростом. Вместе с тем, ему, небольшому, жена Хритинья родила пятерых: сыновей Ивана и Анатолия и дочек Полину, Анну и Машу. Причём, Ивану шёл восемнадцатый год, и парень рвался на фронт. Чтобы прокормить семью, Николай едва ли не сутками плотничал на хоздворе шахты «Центральная».

14.

В самые последние дни лета 41-го года у Моти родилась дочка. Она была крохотной даже для новорождённой, отказывалась есть и без перерыва громко плакала. Грудного молока у Матрёны не было, и она кипятила для Гали, так назвала ребёнка, коровье молоко. Регистировать дочку Матрёна не спешила, материнский опыт подсказывал, что та – не жилец на этом свете. Через полтора месяца дочка угасла... «Бог взял», – вздохнула Матрёна и смахнула слезинку.

Под её диктовку Василий вечерами писал письма отцу в Мундыбаш, излагая ему подробности их нелёгкой жизни.

Старший сын Никанора пошёл в отца: высокий, стройный, русский красавец с голубыми глазами, с по-настоящему мужским ястребиным профилем. Однако, к огромному огорчению Василия, в шахту его не пустили. На придирчивом медосмотре выяснилось, что одна нога у него короче другой, чему ни он, ни отец никогда не уделяли особого внимания. Матрёна острым материнским глазом подмечала, что её старший при ходьбе странно пританцовывает, но не придавала этому значения. И во время производственной практики, которая проходила под землёй, физический недостаток Василия никто не заметил.

В общем, выпускник ремесленного училища получил направление на работу на поверхности. Решение докторов Василия просто шокировало: разрушилась мечта его жизни. Пару дней после этого заключения он не ел, молча лежал в горнице, хмуро глядя в потолок. Но к началу третьих суток стряхнул с себя оцепенение, встал, оделся и ушёл, сказав матери: «Надо в город». Вернулся вечером и бодро объявил: «Иду слесарем на угленакопительный комплекс шахты Сталина. Здесь будут обогатительную фабрику строить. Вот так! – и добавил, глядя на мать просящими глазами. – Есть хочу, мам...».

Матрёна мало что поняла про работу сына, но тихо радовалась за него, ласково гладила по голове сына, торопливо поглощающего варёную картошку с квашеной капустой, и приговаривала: «Ешь, сынок, ешь, кормилец. Я тебе картох намяла...».

Ещё один тяжёлый военный год, 1942-й, уходил в историю. Василию исполнилось шестнадцать, и через несколько дней ему принесли повестку из военкомата – надо было встать на военный учёт. Однако физический недостаток и здесь послужил препятствием: признали, что к строевой службе не годен.

Зато на трудовом фронте сгодился, да ещё как! Николай Иванович, бригадир слесарей первого создаваемого в Прокопьевске обогатительного производства, не нарадовался на сообразительного расторопного безотказного юношу, который на лету схватывал тонкости работы.

Удивительно, матери тех лет мечтали, чтобы дети побыстрее росли, чтоб помогать старшим. Правда, и Матрёне казалось, что её мелюзга растёт медленно. Виктору шёл девятый год, и он уже ходил в школу. Шестилетняя Валя присматривала за трёхлетним Юрой.

Вечерами «галчата», как, шутя, называли их родные и соседи, подолгу хороводились возле кухонного стола: до последней крошки съедали ужин, потом слушали рассказы уставшего после смены Василия – про дела на работе, про жизнь в городе. Ещё он читал им письма отца из трудармии.

Читали и солдатские треугольники с фронта: их писал Николаю и Хритинье Татарниковым их старший сын Иван, его призвали в армию, и он служил в штабе одного из военных фронтов. Николай сам умел читать, но Хритинья приносила письма сына к Галкиным. Ей нравилось, как Василий с выражением перечитывал скупые солдатские строчки. Она слушала очередное послание с фронта, покачиваясь на табурете и бесшумно глотая слёзы, и одна солёная капелька всегда повисала на её коротком, заострившемся от недоедания, носу.

В завершение вечерних посиделок Валентина пересказывала сводки Информбюро.

Особо слушали сообщения девочки о боях в Сталинграде. Однажды пересказывая информацию, Валя сказала, что враг рвётся к Сталинграду и Воронежу, усилились налёты немецкой авиации, что бомбовым ударам регулярно подвергаются крупные промышленные центры и железнодорожные узлы в Тамбове, Мичуринске, Котовске...

– Танбов! – встрепенулась Мотя, услышав знакомое название. – Неужто и Танбов немец захватит?

– Не, мам, – уверял старший сын. – Наши насмерть стоят! Сталин приказ дал: «Ни шагу назад!»

Матрёна вздыхала: «Когда ж погонят супостата?»

Из Прокопьевска на фронт к этому времени забрали уже несколько тысяч мужчин. Однако никто не отменял главной задачи рудника – давать стране всё больше угля, да непростого, а коксующихся марок, чтобы металлурги плавил хороший металл для оружия.

Железная дорога проходила в полукилометре от дома Галкиных. И они видели и хорошо слышали, как в оба конца с небольшими паузами день и ночь идут эшелоны. «Чёрным золотом» горняки питали Сталинский и

Магнитогорский металлургический комбинаты, Томскую железную дорогу, многочисленные электростанции воюющей страны.

В 1942 году в угольной промышленности города женщины составляли третью часть подземных рабочих. За семейным столом Василий читал вслух заметки из газет, принесённых с работы: про первую женщину – забойщика с шахты имени Сталина Александру Леонову, про первую женщину – начальника шахты «Зиминка» Марию Косогорову.

«Родина зовёт на подвиг, – громко, с выражением читал он своим внимательным слушателям. – Мужчины один за другим уходят на фронт. «Скоро, девчата, вам полегчает, – неловко пошутил мастер с девушками – откатчицами вагонеток во время их короткого отдыха. – Забойщиков-то совсем не остаётся». «Вот-вот, не остаётся, – встрепелась откатчица Саша Леонова, – Но не останавливать же шахту из-за этого. Нам надо идти на их место! Мы – молодые. Здоровые. А откатчицами могут быть и пожилые, в угольном забое-то им не сдюжить...». Вскоре была создана первая в Кузбассе молодёжная бригада забойщиц, а Александра Леонова стала её вожаком. Одна за другой появляются на шахтах молодёжные женские бригады забойщиц: на шахте «Зиминка», № 3-3 «бис», имени Ворошилова».

– Вот как работать надо! – подвёл итог Василий, обводя глазами серьёзные лица младших.

А ещё в газете часто были такие заметки: «Т. И. Орлов, забойщик шахты № 3-3 «бис», пишет в письме своему фронтовому другу: «Когда я рубаю уголёк, то мне кажется, что я вместе с тобой дерусь за нашу Родину. Весть о том, что мой товарищ, с которым я много лет работал в одном забое, получил ранение от вражеской пули, усиливает мою ненависть к супостатам-фашистам. Заверяю, что и в дальнейшем мы будем так же драться за уголь, за нашу победу над врагом».

15.

...В начале 43-го Валентина выучилась читать. Она освоила алфавит с помощью «Букваря», которым пользовался Витя. Как-то раз она показала свои способности за семейным столом, прочитав по слогам несколько строчек.

– Мам, я осенью пойду в школу? – пристала она к матери.

– Уймися! – отмахнулась от дочки Матрёна. – Не в чём тебя в школу пускать. А Юрку на кого бросим? – и она сердито загремела горшками и кастрюлями у печи...

Если в первый военный год угледобыча сокращалась: одной из причин была отправка опытных рабочих на фронт, – то в 42-м общая добыча топлива на 13 шахтах города превысила довоенный уровень. В 1942 году газета «Правда» назвала прокопьевских шахтёров настоящими гвардейцами тыла.

Матрёна заметила, что зимой Васина зарплата, и без того невысокая, стала меньше, при этом сын чуть ли не ежедневно задерживался после смены: то в погрузке дополнительного угля участвовал, то сверхурочно ремонтом оборудования занимался. А ведь в семье с малыми детьми каждая копейка была на учёте.

– Пошто? – спросила она сына за ужином, пересчитав выложенную им на стол получку. – Мож, заженухался, завёл кого? Невестку важишь, что ли?

– Скажешь тоже, мам, – смутился Василий. – У меня работа да дом... Если б завёл, ты бы узнала. Мы деньги фронту отдаём! Чтобы наши победили.

В 1942-м прокопьевские комсомольцы и молодёжь вели сбор денег на строительство эскадрильи «Комсомол Кузбасса», в 1943 году – на строительство танков для Нежинско-Кузбасского механизированного корпуса. Часто подписывались на облигации государственного военного займа.

А 1943 год начался с новостей. 26 января вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Кемеровской области. Столицей стал молодой город Кемерово. Эту новость «принёс» домой Василий: он был взбудоражен этим известием и без конца отвлекался от ужина:

– Сталин знает, что надо делать! – уверял он семью. – На работе говорят, что теперь от наших шахт стране больше пользы будет.

– Ешь давай, – отвечала Матрёна. – Нам бы война скорей кончалась, да отец в дом вернулся...

– На работе обсуждают: почему Кемерово, а не Прокопьевск? – не унимался старший сын. – Ведь и по численности, и по территории наш город побольше, и, вообще, шахт у нас в два раза больше. И Прокопьевск наш – посредине области, а Кемерово – с краю... Ну, посуди сама, мам,

внутри нашего города аж целых три района! – продолжал обосновывать он свои доводы.

Сыпал фактами и аргументами о том, что Прокопьевск поделён на три района – Калининский, Ленинский и Южный, что в городскую черту включены Усяты, Зенково и посёлок шахты «Южной», что угольщики важнее всех остальных профессий...

Младшие заворожённо замерли, слушая взрослые разговоры.

– Да уже ешьте вы! – сердилась мать.

– Мужики наши в Кемерово ездили, – опять отложил ложку Василий. – Разваленный, говорят, грязный, по улицам пройти невозможно...

Матрёна шлёпнула его по затылку:

– Вот чаю не дам те, узнаешь тогда!

– Почему, на худой конец, не Сталинск? – неизвестно у кого спросил настойчивый парень. – Мужики говорят, что, правда, и там без нашего угля ничего не могут. Но, ведь это же Сталинск!

– Ох, молчи, – испуганно ворчала Матрёна. – Смотри, добуробишься...

И буквально на следующий день Валя тожественно объявила всем за семейным ужином, что наша армия прорвала блокаду Ленинграда...

– Намучились, бедные, – сказала Мотя. – Да ешьте вы, окаянные! – сердито стукнула она по столу маленьким кулачком. – Вот я вас рогачём! – нарочно тянулась она к ухвату.

...В честь этого события шахта «Зиминка» стала инициатором соревнования за сверхплановую добычу угля в фонд помощи Ленинграду. Директор Косогорова сама спустилась в забой и отработала с отбойным молотком в руках три смены.

А 2 февраля окружённая под Сталинградом группировка фашистов капитулировала, в том числе 24 генерала и фельдмаршал Паулюс.

– Антихрист этот Палис! – была уверена Мотя.

Василий читал семье строчки из шахтовой многотиражки, что «победа в Сталинградской битве имеет решающее значение для исхода войны».

К весне 43-го во многих домах Прокопьевска с питанием было туговато. Не сыто жилось и всей стране. Производство продуктов было сориентировано на фронт. Не у всех, как у Галкиных, были свои огороды. Чтобы как-то ослабить проблему, умные головы во Всесоюзном

центральном совете профсоюзов издали постановление «О расширении индивидуального огородничества рабочих и служащих». Документ разрешал выделять рабочим и служащим земли для подсобных хозяйств и под огороды.

На холмистых полях вокруг шахтовых посёлков предприятия Прокопьевска с весны 1943 года начали активно выделять своим работникам участки: на семью – по три сотки. Люди сажали на них картошку, сеяли просо, овёс, ячмень. В домашних хозяйствах начали выращивать свиней, держать кур.

В мае Матрёна с ребятишками копала свой необъятный огород. Лишь четырёхлетнему Юре лопаты не хватило, и он перебирал деревянные кубики, сидя на краю пашни. «Давайте, давайте! – подгоняла детей мама. – Патом передохнёте. Зато в зиму с картохами будем.

Как и всем, Галкиным хлеба не хватало, однако у Матрёны был свой секрет, как можно справиться с этим – с детства она умела делать оладушки из картошки. Правда, этот секрет был известен не только ей, а ребятишкам всё равно хотелось поесть хлеба вдоволь...

В 1943 году недалеко от Буфера, в районе Тупика, начали строить новые корпуса завода «Электромашина». Путь Василя на работу пролегал мимо высокого деревянного забора, которым строители отгородили большую стройплощадку от городских улиц. Видно было, что предприятие будет крупное, основательное.

Скоро стены цехов «переросли» ограждение, и, проходя мимо, Вася с удовольствием наблюдал, как встают новые цеха.

Летом работы по дому великое множество. Утром Матрёна – куриц накорми, Васю на работу проводи. Потом остальным детям завтрак собери. Затем – прополка грядок с ребятишками, после – с Виктором заготовка угля, чтоб не пропасть в холода.

Светлыми летними вечерами семья подолгу сживала за кухонным столом, обсуждая газетные новости и военные сводки.

В 1943-м в Прокопьевске было немало событий. Пустили новую шахту «Тырганские уклоны», расширили мощности шахт имени Сталина, Ворошилова и Калинина. Вообще всех прокопьевских шахтёров в тот год собрали под «крышу» нового комбината «Кузбассуголь» – он стал крупнейшим в стране добытчиком коксующихся углей.

На семейных посиделках они с особым вниманием следили за битвами, за тяжёлыми боями на Курской дуге.

– Брянский, Юго-Западный, Степной, Центральный, Воронежский, – повторял Вася за сестрой названия фронтов. – Мы их скоро победим! – заверял родных.

– Ох! – охала Матрёна. – Тогда и отца отпустят...

На работе Василий ходил в передовиках. Не раз бригадир ставил его на самые ответственные участки, Вася умел найти общий язык даже со старшими по возрасту мужиками. Поэтому в конце года выпала молодому Галкину удача – шахтовый партком выделил ему приглашение на предновогоднее городское торжественное собрание.

Оно проходило во дворце культуры имени Артёма, который в городе именовали «кирпичным». Здесь в не самый морозный день – 23 декабря – в большом зале собрались лучшие люди города: представители многочисленной армии шахтёров и вспомогательных производств. Гремел маршами духовой оркестр, стояли очереди в буфет.

Василий то и дело одёргивал одетую поверх светлой отцовой рубахи старенькую куртку, которую накануне мать почистила и погладила. Ботинки на нём тоже были с отцовской ноги. В буфет он пойти не рискнул, хотя деньги с собой были. Долго выискивал своё место в зале, оно оказалось в конце партера. И оттуда внимательно рассматривал украшенный кумачом и портретами вождей зал с белыми колоннами и лепниной балконов.

В президиуме мелькали знакомые по газетным фотографиям лица с рядами орденов и медалей на пиджаках. Ту же Марию Прохоровну Косогорову он узнал сразу. За образцовое выполнение правительственного задания её сегодня наградили орденом Трудового Красного Знамени.

А когда в зале громко прозвучала его фамилия, имя и отчество, от волнения его сердце едва не выскочило из груди. На ватных негнущихся ногах Василий по проходу вышел к сцене, споткнувшись, поднялся по ступеням и получил первую в жизни почётную грамоту.

– Представляешь! – взахлёб рассказывал потом матери. – Сам первый секретарь спасибо за труд сказал и руку мне пожал. Вот так... Смотри, мам... Вот так!

– Да ни скачи! Давай, ешь, говорю, – привычно отмахивалась Матрёна, отворачивалась, чтобы сын не заметил её счастливую улыбку.

В конце праздничного – с блинами по случаю награды – ужина Валентина заученно «оттарабанила» сводку Совинформбюро: «В течение 23 декабря южнее Невеля наши войска продолжали вести наступательные бои, в ходе которых заняли несколько населённых пунктов»...

16.

В ту зиму прокопчане стали инициаторами трудовых вахт в честь освобождения и восстановления Донбасса.

Отступая, фашисты разрушали в Донецком бассейне всё, что можно, причём с таким иезуитским расчётом, чтобы не только вывести из строя шахты и заводы, но и затруднить их восстановление. Они взрывали стволы шахт, копры, надшахтные сооружения, насосы главных водоотливов, затапливали горные выработки. Из 1341 предприятия, действовавшего в Донбассе до войны, пригодных для эксплуатации осталось всего 61. И рабочих рук здесь катастрофически не хватало: десятки тысяч жителей стали жертвами, были замучены и расстреляны в гестаповских застенках.

Как-то Василий пришёл с работы с горящими глазами:

– Мам, у нас добровольцев на Донбасс записывают, там надо шахты восстанавливать... Я поеду! Можно?

– Чиво удумал! – разъярённо всплеснула руками Матрёна. – А их на кого бросишь с голода помирать?! – ткнула пальцем на угол, где возился с игрушками пятилетний Юра. – Не пущу!..

Не проходило недели, чтобы они не написали письмо в Мундыбаш. Мотя просила Василия: «Надо отцу весточку подать про наше житьё». Тот брал у Вити небольшой лист бумаги – половина тетрадного – и под диктовку матери исписывал его мелкими буквами. А та, поглядывая в заиндевелое окно тёмного зимнего вечера, наговаривала ему незатейливые семейные новости, в которых грамотный сын заменял материны «пошто», «вчера», «ён» и другие на «почему», «вчера» и «он». Заканчивала она свои многочисленные послания мужу всегда одним и тем же вопросом: почему стал реже писать своим деткам и жене?

Никанор, действительно, отвечал на три-четыре послания из дома одним коротким письмом, больше похожим на записку, смысл которой сводился к тому, что сильно устаёт, работы много, скорей бы кончилась война.

Матрёна очень похудела. «Кожа да костя», – невесело усмехаясь, говорила она о себе. И чувствовала, что с Никанором что-то не так...

А война всё длилась и длилась. Тем, кто осознанно жил в эти опалённые войной дни, недели, месяцы и годы, казалось, что она будет идти бесконечно и никогда не кончится. Взрослые Галкины терпели и до спазмов в животе ждали победы. Выслушивая по радио или от Вали новости с фронта, знали, что зимой 44-го Красная Армия окончательно сняла блокаду Ленинграда, что весной наши войска перешли через границу СССР и начали бить врага на территории стран Восточной Европы. Весеннее тепло, как всегда, пролетело в огородных хлопотах. Летом Вале исполнилось уже восемь лет, и она всё настойчивее требовала от матери отдать её в школу: «Мам, ну, мам, – заводила она почти каждое утро. – Я в школу хочу...». И каждый раз приводила какой-нибудь аргумент, типа: «Я тогда сама буду твои письма папке писать, вот хоть каждый день».

Матрёна отмахивалась, даже сердилась на дочь, дескать, как та не понимает, что некому будет с младшим дома оставаться, когда все уходят по делам. Обещала, что школа никуда не денется и в следующем году, лишь бы войны не стало...

Свою лепту в решение Валиной судьбы внесли старшие братья. Однажды вечером выходного дня Василий принялся убеждать мать: раз союзники высадили десант во французской Нормандии и открыли второй фронт, немцы вот-вот окончательно сдадутся, и война закончится. Поэтому нет смысла ещё на год откладывать школу для Валентины.

– Да и ходить ей не в чем... А кто её, малую, туда водить-то будет? Мне некогда, – ворчливо развела руками Матрёна.

– Так я могу, мам, – предложил Витя, который уже закончил три класса. – Отведу и всё покажу.

Мотя повздохала и начала шить дочери школьную форму из каких-то нарядов своего простенького гардероба.

...Витя выполнил своё обещание лишь один раз, да и то наполовину. Первого сентября 1944 года он за руку привёл сестру в школу № 5. Красивое кирпичное двухэтажное здание Вале очень понравилось. Они с братом пробрались к входу через толпу радостно гомонящей ребятни, зашли внутрь. Здесь две учительницы в длинных строгих платьях встречали первоклашек.

– Всё – подтолкнул Виктор Валентину по коридору. – Дальше иди сама, – и убежал.

Девочка растерянно оглядывалась. Но тут учителя подошли к ней.

– Как тебя зовут? – спросила та, что помоложе.

– Валя Галкина, – ответила Валентина.

Женщины уткнулись в свои тетради со списками первоклашек.

– Ага, – удовлетворённо ткнула в бумагу карандашом та, что возрастом постарше. – А лет тебе сколько?

– Восемь! – гордо сообщила девочка. – Девятый пошёл.

– Тогда тебе ко мне, – протянула руку учительница. – Меня зовут Екатерина Григорьевна. Пойдём, провожу в класс...

Так завязалась Валина любовь к школе. Первый класс пролетел незаметно. Училась она с удовольствием, на уроках схватывала всё на лету. Хорошо читала, быстро считала у доски, буквы в тетради выводила каллиграфическим почерком. Домашние задания выполняла самостоятельно, да старшим и некогда было проверять девочку. Зато в тетрадках и в классном журнале у неё были пятёрки. А когда Валентина заканчивала первый класс, закончилась и война...

17.

9 мая 1945 года в Прокопьевске на городском стадионе «Шахтёр» состоялся огромный 50-тысячный митинг в честь победы над Гитлеровской Германией. Народ ликовал, плакали женщины, надрывались ораторы. В этой огромной толпе Василий Галкин тоже чувствовал себя счастливым. Он слушал людей, вглядывался в их радостные и горестные лица и думал о том, что теперь очень скоро отец вернётся домой, и заживут они хорошо и сыто.

Но Никанору продлили службу в трудовой армии. Приказа о его демобилизации из Мундыбаша всё не было: для восстановления разрушенного хозяйства стране по-прежнему нужен был уголь. А без леса крепить шахтовые выработки не умели – для стоек, удерживающих при выемке угля свод забоя, использовали брёвна. Рабочих рук для их заготовки не хватало, вот и продлили срок трудармейцам военного призыва.

«Мы так ждали победы, – писал родным Никанор Степанович летом 1945-го. – Так радовались. Думали, нас отпустят домой. А нас не пускают...».

Вот настолько сильно было востребовано экономикой СССР «чёрное золото» Прокопьевска. И прокопьевские горняки добывали его всё больше и больше. Всего за годы войны шахты города отгрузили народному хозяйству 25 миллионов тонн топлива. Причём, перед шахтёрами ставили задачу повысить и качество угля. Василий Галкин напрямую занимался её решением.

Он по-прежнему трудился на обогатительном производстве шахты «Коксовая». А в 1946 году здесь вступила в строй полноценная обогатительная фабрика с самым современным на то время оборудованием – пятью сепараторами УШ-3, которые доводили уголь до высокого качества. Техника требовала хозяйского глаза и постоянного ухода – этим и занимался из смены в смену слесарь Галкин со своими товарищами.

...Никанор вернулся из Мундыбаша только в 1947-м. Ну, как вернулся: в ответ на Мотины слёзы и причитания в письмах приехал домой, не спросив у начальства, без разрешения и документов. Радости в семье было много, жена и дети хороводом ходили вокруг похудевшего и осунувшегося отца, Матрёна подкладывала ему за столом лучшие куски.

А тот дня через три решил устраиваться на работу. Как и везде, на шахте «Чёрная гора» не хватало рабочих рук, и его взяли под честное слово, что вскоре привезёт паспорт.

Отдел кадров каждый день напоминал об этом новому рабочему. И Никанор поехал в Мундыбаш за своими документами. Здесь его арестовали за то, что уехал в Прокопьевск без разрешения.

Только в заключении он томился недолго: суд оказался скорым, но ему повезло – приговор был оправдательным, учли, что он всю войну провёл в трудармии, на лесоповале, а теперь устроился не куда-то – на шахту, где рабочие руки были на вес золота.

Попрощавшийся было со свободой, Никанор на радостях напился с какими-то незнакомыми попутчиками в поезде, который вёз его к родному дому. Утром проснулся в вагоне с похмельной головой, без вещей. «Чудеса, однако!» – со смешком рассказал он дома жене о своих приключениях. И та его простила...

В 1948-м в стране учредили День шахтёра. С тех пор для Прокопьевска этот праздник стал главным. Ведь угледобывающих предприятий в городе год от года всё прибывало. После войны в эксплуатацию были введены шахты «Северный Маганак» – в 1947 году, «Зенковские уклоны» – в 1948-м, «Красногорская» – в 1949-м, «Зиминка 3-4» – в 1953-м, «Прокопьевская» – в 1956-м. И везде требовались горняки.

Редкая семья в городе не отмечала этот день за большим столом – со спиртным, особыми закусками и песнями. Эта традиция появилась и в семье Галкиных.

Правда, все шахты рудника относились к числу сверхкатегорийных – опасных по внезапным выбросам угля, породы и газа. Уголь ценнейших марок залегает здесь в мощных пластах крутого падения, для которых учёные не могли придумать выемочную технику. Поэтому добыча велась в основном вручную, с применением взрывчатки, лопат и транспортёров. Горняков часто преследовали аварии, травмы, нередко – со смертельным исходом. Уж кому, как не жителям Буфера с его обширным городским кладбищем, этого было не знать.

Работа в шахте тяжёлая, однако и престиж профессии был очень высок, а достойная зарплата позволила шахтёрским семьям довольно быстро выгодно выделиться в послевоенное десятилетие – в питании, одежде, домашней обстановке, семейном отдыхе...

...19.

Первым из детей в семействе Галкиных обзавёлся своей семьёй старший Василий.

Высмотрел он свою Фаину на фабрике. Симпатичная, темноглазая и тёмноволосая невысокая девушка приглянулась Вале с первой случайной встречи, когда его в тёплый весенний день вызвали устранить поломку электродвигателя, которая случилась в её дежурство – она с недавнего времени работала на предприятии мотористкой.

С тех пор он – к тому времени уже старший мастер участка ремонтников обогатительной фабрики – регулярно начал заглядывать в службу мотористок, где она работала. Однако серьёзной Фае не нравилась настойчивость уверенного в себе высокого парня, она стеснялась его внимания, насмешек работниц-коллег, которые нарочно во всеуслышание сообщали ей: «Вон твой идёт!» Девушка пряталась от него, избегала

встреч. А Васю Галкина её поведение «заводило» ещё сильнее. Однако познакомиться поближе ему всё никак не удавалось

Но однажды он не обнаружил девушки в её смену. Не было её и на другой день, на третий...

– Уволилась твоя ненаглядная, – уперев руки в крутые бока, весело сообщила ему крупная улыбчивая дивчина – бригадирша мотористок. – А ты не грусти, у нас в бригаде невест ещё много.

С неделю он ходил, как в воду опущенный, настроение было на нуле. Пока бригадир Николай Иванович, не заметил, что с его любимцем что-то не так: работа у парня не спорится. Он без обиняков выспросил у Васи причину и тут же посоветовал:

– Так поезжай к ней домой!

– Да не знаю я, где она живёт – беспомощно развёл руками Василий.

– Тю! – рассмеялся опытный бригадир. – Иди в отдел кадров, там скажут...

– Точно! – хлопнул себя по лбу Галкин, крутнулся на каблуках и убежал.

– Эти влюблённые – ровно дети, – усмехался ему вслед Николай Иванович, поглаживая седые усы.

Оказалось, что живёт Фая в посёлке Маганак с родителями в небольшом деревянном домике на улице Железнодорожной, круто сбегаящей с высокого пригорка к самым рельсам проходящей неподалёку железной дороги.

Он поплутал по незнакомым местам, прежде чем оказался у калитки нужного дома с маленьким ухоженным палисадником. Робко взошёл на крыльцо, осторожно постучал. Дверь открыла Фая. Увидев его на пороге, девушка очень смутилась и убежала в дом.

– Фая, кто там? – донёсся из комнат зычный голос Фаиной матери Лукерьи.

– Ты к кому? – выглянув из сеней на улицу и увидев незнакомого парня, строго спросила она. – Хозяина нету, на смене он...

– Это ко мне, мама, – из-за её спины поспешно вынырнула Фаина, успевшая одеть нарядную кофточку и накинуть поверх на плечи газовую косынку. – Пойдём! – она решительно развернула Василия в сторону улицы и взяла под руку.

– Жених что ли? – растерялась Лукерья. – Вот отец-то узнает! Он тебе... – но что сделает дочери отец, молодые так и не узнали – уже вышли на улицу.

– Говори, зачем пришёл? – строго спрашивала девушка незваного гостя. – Только правду говори.

Василий буквально вспотел от её прямых вопросов, но честно во всём признался...

Свадьбу сыграли поздней осенью, уже по снегу. Торжество по городским послевоенным обычаям было немногочисленным и скромным: в горнице у Галкиных за составленными вместе столами собралась родня, ели соленья, картошку, курятину, блины – то, что наготовила Матрёна с помощницами, пили тоже «своё», «самодельное».

В этот день на улице разыгрался буран. И Вале с Виктором, то и дело бегавшим во двор – к колодцу за водой для бесконечного мытья посуды, для чая, – приходилось то и дело совать ноги в растоптанные валенки. День был субботний, а Валентина в школу не пошла. «Брат женится, надо маме со свадьбой помочь...», – отпросилась она у классного руководителя. Жить молодой семье предстояло пока в Васином родительском доме. «Поживём вместе, сынок, – объявил на свадьбе подвыпивший Никанор Степанович. – Ничего, потеснимся. А денег подкопим, построим вам свой дом...».

– Знамо, построим, – согласно кивала подвыпившая Матрёна Ермолаевна. Потом она, чуть покачнувшись, уселась на место, обвела гостей долгим взглядом и громко запела свою любимую: «Сранила-а калечка са-а-а правой руки...», – и потекли у неё по щекам слёзы. Всё застолье дружно подхватило слова, облачённые в протяжную немеркнущую мелодию: «Заби-и-и-лась сердечко а ми-и-и-лам дружке-е...».

И лишь молодожёны молча влюблённо смотрели друг на друга. С того дня она всегда называла его Васильком, он её Фяюшкой...

Тёще с тестем: домохозяйке Лукерье и шахтёру Николаю, – серьёзный работающий зять пришёлся по душе. Руки у него были умелые, любое дело спорилось. Но особенно хорошо разбирался он с поломками любой, сложной по тем временам, техники, будь то велосипед или мотоцикл, радиоприёмник или электроутюг. Прознавшие о его талантах соседи то и

дело обращались к молодому умельцу за помощью. Правда, и обижались за то, что за ремонт ни денег, ни спиртного не берёт.

...В начале 1950-х годов новой молодой семье в Прокопьевске жилось нескучно: здесь один за другим открывались клубы, кинотеатры. На городском стадионе регулярно проходили футбольные матчи местной команды «Шахтёр» с соперниками по первенству области. Болельщики приходили сюда тысячами, многие – семьями с детьми. Город рос и хорошел на глазах. Здесь проживала уже почти четверть миллиона человек, работы хватало всем: полтора десятка шахт и десятки крупнейших заводов зазывали на свои производства. Школы, училища, техникумы давали образование, специальность и надёжную путёвку в жизнь.

В 1951 году в городе появился драматический театр. Основой для него стала сцена Дворца культуры имени Артёма. Василий с Фаиной не раз бывали на спектаклях, смотрели «Любовь Яровую», «Кандидата партии», «Голос Америки».

Но больше театра горняки любили ходить в кино. В те годы при шахтах угольщики повсеместно возводили ДК и клубы, в которых обязательно был зал с кинопередвижкой. В дневные часы там крутили фильмы для детей, а вечером в зал набивались взрослые.

Особым спросом пользовались сеансы в главном городском кинотеатре имени Николая Островского. Его построили в самом центре Прокопьевска ещё в эпоху немого кино – в 1932 году – красивое здание в стиле конструктивизма. На южном фасаде здания устроили и четырёхколонный портик, и прямоугольные пилястры с ионическими капителями и базами, и фриз, и треугольный фронтон. Первоначально кинотеатр носил имя первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Роберта Эйхе. А когда секретаря, как повсеместно тогда было принято, репрессировали, кинотеатру дали имя писателя. Уже в 1935-м кинотеатр одним из первых в Сибири стал звуковым.

Чаще всего молодожёны ходили смотреть фильмы в клубах шахт «Чёрная гора» или имени Дзержинского. Кстати, здесь после фильма были и танцы. А выход «в Островского» считался настоящим праздником.

От Буфера до центра города – не близко, шагать надо минут сорок пять, а то и целый час. С автобусами в пятидесятые годы приходилось непросто:

вместо стандартного автобуса жителей перевозила будка-вахтовка на базе обычного грузовика, в народе её прозвали «душегубкой», потому что в неё набивалось пассажиров как сельдей в бочке. Для тёплых месяцев года сметливый Василий нашёл другой вариант: приобрёл велосипед с багажником, на который усаживалась его милая, и они пускались в путь, как говорится, наслаждаясь свежим воздухом. «Опять на этом лисапете, – ворчала Матрёна. – Глядите, ни расшибитесь...».

Вообще в 50-е, особенно в первой половине десятилетия, многим казалось, что послевоенная жизнь быстро налаживается. Заработная плата в угольной отрасли постоянно росла. А при плановой экономике цены были едиными на всей территории СССР. Их устанавливал не рынок – правительство. Более того, всё первое послевоенное десятилетие – каждую весну, в марте-апреле – цены буквально на все товары для населения ещё и снижались.

Конечно, и потребности у людей были не столь высоки. Например, радости Фаины не было предела, когда Василий купил ей новое зимнее пальто. Вечер ходила вокруг небольшого зеркала под одобрительными взглядами домочадцев. Валентина смотрела на невестину обновку с нескрываемой завистью.

– А знаешь? – не выдержала Фая. – Хочешь, отдам тебе своё старое пальто? Оно ещё хорошее...

– Хочу! – обрадовалась золовка предложению невестки и, не теряя времени, тоже начала примерять пришедшийся ей впору подарок, в котором потом две зимы ходила.

...Молодая семья Галкиных прожила с родителями около двух лет, прежде чем Никанор Степанович с Матрёной Ермолаевной решили, что накоплено достаточно средств, чтобы начать строительство дома для Василия.

В «пятидесятые» в людях ещё только формировалась уверенность, что на помощь государства надо надеяться буквально во всём. Пережившие страшную войну, люди ещё не отвыкли рассчитывать на свои силы, в том числе и в строительстве собственного жилья. «Казённых» квартир строили мало, и доставались они только особо ценным специалистам и руководителям. Рядовые граждане «строились» сами.

Конечно, теперь в Сибири желающим построить дом уже не выделяли, как было в детские годы Матрёны, много земли – давали по шесть соток... Но и тут Никанор решил не ввязываться в «земельный» вопрос. Участок на улице Изоринской, который достался им с Матрёной от родителей, а тем, в свою очередь, ещё от столыпинской реформы, был так велик, что по нынешним меркам вполне хватало, чтобы и ещё один дом поставить, и хороший надел выделить молодым под огород.

Зимой прикупили лес для будущей стройки. Долго судили-рядили на семейном совете, где ставить новый дом, с Николаем Татарниковым советовались, усадьба которого вплотную примыкает к Никаноровой земле. Решили, наконец, пристроить новую жилплощадь к родительской хате: во-первых, можно сэкономить на одной, общей для обоих домов, стене, во-вторых, под одной крышей надёжнее и теплее в сибирские зимы. Да и сильна ещё была старая традиция, по которой дети должны жить рядом с родителями: легче можно преодолеть невзгоды, без которых в жизни не бывает...

По давнему обычаю, после того как дети вырастали и обзаводились своими семьями, они всё равно продолжали жить совместно с родителями. Помещение на обе семьи представляло собой уже две смежные избы, каждая из которых имела свой вход, свои сени и свою печь.

Ставить пристройку решили к той стене дома, которая выходит на улицу Зенковскую. За прошедшие годы вокруг Никанорова жилища разрослись кусты черёмухи, в полный рост вымахали берёзы. Жаль было рубить эту красоту, но ничего не поделаешь, часть деревьев пришлось убрать под стройплощадку. Никанор нанял плотников, да и сам, придя со смены, брался за топор или пилу. Сыновья Василий с Виктором, тоже высоким красивым парнем с фамильным орлиным профилем Галкиных, которому вот-вот стукнет восемнадцать, были хорошими помощниками.

К середине лета положили последний венец и настелили пол и потолок, а к концу лета изладили крышу. Печь в новом доме Никанор выкладывал сам – хорошо помнил уроки старших. Печки в избах теперь делали по-новому: от огромных, на старорусский лад, народ отказывался, больно много с ней хлопот, да и места немало занимает. Вместо печных полатей люди привыкли спать в кроватях. А новые небольшие печи из кирпича с

чугунной плитой на две-три конфорки удобнее топились калорийным прокопьевским углём.

Вот и зажила в Прокопьевске новая молодая семья Галкиных своей отдельной, самостоятельной жизнью...

*Из повести «Галкинус (Семейные хроники в государственном разрезе)»,
Владимир, 2020 год*

До свиданья, детский сад!

– Дорогие родители, уважаемые гости! – подрагивающим от волнения голосом объявила Дарья Ивановна. – Сегодня в нашем детском саду самое большое торжество. Для наших выпускников, будущих первоклассников, это самый трогательный праздник!

Мы стояли, разбившись по парам, слушали воспитательницу и разглядывали своих родителей. Мама сидела во втором ряду, рядом с отцом Димки, и часто-часто моргала глазами, полными слёз. Почти все мамы прикладывали к лицам платочки и хлюпали носами. Даже заведующая детсадом Нина Владимировна «рассиропилась» и с умильной улыбкой поглядывала на нас. На входе в группу толпились нянечки и воспитатели из других групп.

Родителей сегодня собралось много, потому что праздник проходил в субботу – в первый день лета. Хотя самого лета не чувствовалось. На улице было пасмурно и очень прохладно. И в нашей группе ощущалась зябкость. Но если родителям разрешалось сидеть в верхней одежде, то детям пришлось снять куртки, кофты и свитера, чтобы выглядеть нарядно. На мне была новая, в светлую клеточку, рубашка с коротким рукавом и чёрные шорты. От этого мёрзли руки и колени. Оля, с которой мы стояли в паре, красовалась в длинном тёмно-синем платье в белый горошек. Её ладонь в моей руке была тёплой, и, наверное, только это помогало мне не стучать зубами от холода, а может быть, от волнения.

После Дарьи Ивановны вперёд выступила Нина Владимировна, шумно высморкалась и начала:

– Мы провожаем наших лучших ребят в школу... – всхлипнула заведующая.
– И надеемся, что они хорошо запомнят последний день в саду! С нашими выпускниками мы связываем свои надежды, и, конечно же, хотим, чтобы они были счастливее нас! – она снова приложила к носу платок, замахала свободной рукой, будто отгоняя от себя надоедливую муху, и отвернулась...

«Ещё вчера, – размышлял я, слушая её, – даже не смог бы подумать, что она умеет плакать», – и прослушал начало стиха, который читал Димка:

– ...И с волнением смотрят мамы на вчерашних дошколят. И теплеет взгляд у папы, и подмигивает брат... – он умолк и потупился.

За ним продолжила Оля:

– Даже бабушка украдкой поднесла к глазам платок... Будет школьником отныне дорогой её внучок!

Дальше подошла моя очередь говорить. Я набрал полные лёгкие воздуха и прокричал:

– Но сегодня в день прощальный мы не будем унывать! Детский сад наш будем долго добрым словом вспоминать!

Следом за мной декламировали свои строчки другие дети. А Дарья Ивановна делала мне знаки, чтобы в следующий раз читал свой стих потише. «Не понимает, – вздохнул я, – если не кричать, то в горле сильно першит». Было очень грустно и не хотелось верить, что мы больше никогда не придём в старшую группу.

Потом под пианино мы хором исполнили песню «Детский сад – это домик для ребят!» Получилось не очень стройно, хотя Дарья Ивановна пела вместе с нами. На репетиции выходило лучше.

Мы танцевали и снова пели. Читали стихи про то, как любим свою группу, как играли здесь и отдыхали на сончасе, как накрывали к обеду столы и слушали книги.

«До свиданья, добрый сад, – уныло запевали мои друзья. – Вспоминай нас, всегда вспоминай. Помаши нам рукой на прощанье и других под крыло принимай...».

Настроение у всех было такое, что хоть плачь вместе с мамами и воспитателями. Наверное, так бы и вышло, и среди девочек кое-кто уже начал тереть кулаками глаза. Хорошо, что Мишка разрядил ситуацию: он появился на нашем празднике точно по сценарию, внезапно выйдя из спальни. Его нарядили в школьную форму, которая на его толстой фигуре смотрелась очень комично. Он, видно, второпях промахнулся, косо застегнув пуговицы на животе, отчего серый пиджак сидел на нём криво. Ремень с жёлтой бляхой висел ниже пояса, а фуражка с кокардой едва держалась у него на затылке.

Глядя на его потешный вид, ребяташки заулыбались, раздались смешки. Начало меняться настроение и у родителей. Я несколько раз хлопнул в ладоши, и следом все зааплодировали Мишке. Он в ответ чинно поклонился, отчего его фуражка слетела на пол. Дарья Ивановна кинулась ему на помощь. Подняла фуражку и вернула её на Мишкину голову, быстро перестегнула ему пуговицы на пиджаке и подтянула ремень. Мишка сразу построился, подтянулся и начал:

– Впереди нас ждёт другая, удивительная и неповторимая планета под названием «Школа». Это планета...

И замер с открытым ртом – забыл слова и растерянно глядел на Дарью Ивановну. Родители снова захлопали, а мы чуть ли не хором начали подсказывать ему: «Это планета знаний, тетрадок, глобусов и книжек», – его слова мы выучили на репетициях.

– Да! – радостно воскликнул Мишка и повторил. – Это планета знаний, тетрадок, глобусов и книжек! Вы хотите отправиться в путешествие?

– Да! Да! Да! – хором весело ответили мы.

Самочувствие улучшилось у всех. А тут ещё няни принесли кучу портфелей и ранцев и начали раздавать нам. Мне достался ранец из чёрной кожи с двумя лямками. Я заглянул внутрь и очень обрадовался: там были букварь, пенал с карандашами, ластиком, перьевой ручкой и тремя железными пёрышками. Но особо мне понравилась белая фарфоровая чернильница... Дети нашей теперь уже бывшей старшей группы быстро покидали детсад.

– Давай! – я по-взрослому похлопал Димку по спине. – Ещё увидимся как-нибудь.

– Ага, – грустно улыбался Димка. – Конечно, увидимся! – и мы с ним крепко обнялись.

Оля пошла домой вместе с Мишкой – они жили рядом, и их мамы знали друг друга. Прощаться со мной она не стала, лишь посмотрела издали и отвернулась. А Мишка беззаботно помахал нам с Димкой. Мы с мамой тоже вышли на крыльцо.

– Ну, вот и всё, – голос у мамы дрогнул. – Теперь ты точно большой, Сёма. Жалеешь, наверно, свой садик?

– Что ты, мам, – как можно беззаботнее ответил я. – Да и вам легче. Не надо каждое утро водить меня сюда.

– Не скажи, – засмеялась мама. – С сентября сюда Валеру приведём. Он уже до садика дорос, а ты до школы. Бежит времечко...

Через несколько дней родители на мотоцикле отвезли меня на Буфер – к бабе Моте и деду Конуру.

– Поживёшь тут немного, – сказала мама. – А мы пока дома стены побелим, полы покрасим.

– Ещё печку надо переложить, – вспомнил отец, – Что-то тяга у неё хуже стала...

Баба Мотя приготовила мне в большой комнате знакомую раскладушку, с которой я уже знался, оставаясь здесь ночевать.

– Будете с Юрой в горнице спать, – объявила она. – Он на нашей кровати, ты на раскладушке. А мы с дедом на кухне уместимся.

Мы с двоюродным братом Витькой осмотрели со всех сторон моё ложе, по очереди полежали на нём. Раскладушка визгливо скрипела, если на ней поворачиваешься с боку на бок. Потом мы залезли на кровать, где предстояло почивать дяде Юре. Кровать окутывала пышная мягкая перина. Лежать на ней – одно удовольствие. Но я не стал обижаться на бабушку, ведь им с дедом предстояло тесниться на узкой односпальной койке. Раз она так решила, значит, так надо. Ей виднее...

Мы с Витькой радовались встрече. Первый день до обеда ходили обнявшись по палисаднику и не могли наговориться. Его родители ушли на работу, и нам никто не мешал. Мы покачались на качелях, привязанных между стволами берёз. Долго сидели на скамейке, спрятавшейся в густой зелени. От кустов черёмухи и сирени тянуло вкусным ароматом увядающих цветов. Тут нас и отыскала баба Мотя. Обед она накрыла на летней веранде.

– Намяла вам варёной картохи с маслом и сметаной, – объявила бабушка.
– Ешьте хорошенько да побольше, молоком запивайте. Потом пойдёте деду помогать. Надо картошку досадить. А то скоро лето кончится, а мы всё картошку досадить не можем. Земля-то простаивает!

– Сейчас старую картошку съедим, и будем сажать новую, – съехидничал Витька.

Мы тихо похихикали, чтобы не обидеть бабу Мотю, съели по полной тарелке бабушкиной вкуснятины и отправились на огород. Он у них такой огромный, что немного похож на поле, где выращивают картошку мои родители. Бабушкины грядки занимали на нём малую часть, остальное пространство шло под картофель. Земля здесь чёрная и жирная. Чтобы вскопать её, дед Конур нанимал соседей, у которых были лошадь и плуг.

На дальнем конце огорода возились дед и дядя Юра. Дед проделывал лопатой цепочку небольших ямок, а дядя двигался с ведром вдоль этого ряда и кидал в каждую из них по картофелине. Мы подошли поближе и услышали голос деда Конура.

– Ты будешь стараться или нет? – ворчал он. – Видишь же, мимо кинул. Так подойди, поправь. Всё-то я за тебя должен делать.

– Да я стараюсь, пап, – огрызнулся Юрий. – Подумаешь, не попал раз...

– Да какое там – раз, – гнул своё дед. – Бездельник! За что ни возьмёшься, всё у тебя кое-как...

Дед Никанор, наконец, увидел нас и остановился, воткнув лопату в землю.

– Помощники пришли, – тыльной стороной ладони он провёл у себя под носом. – Давайте так: ты, Юрка, бери вторую лопату, будем вместе лунки копать. А вы хватайте ведро с семенами... Только землю сильно не топчите. Нам во-он до того забора дойти, – показал дед Конур. – Сотки три. Остальное уж засеяли. Если будем поспешать, скоро управимся.

Ведро оказалось большим и тяжёлым, чтобы сладить с ним, мы насыпали в него семян до половины и вдвоём таскали его между рядков. А свободными руками кидали картофелины в лунки. Дед работал без остановки, как заведённый, дядя же то и дело тормозил, шумно отдуваясь и почёсывая то бок, то плечо. Дед всякий раз подгонял его, отчего и мы ускорялись. Понемногу дело неминуемо шло к завершению. Когда до конца оставалось совсем немного, Витька вдруг захохотал:

– Ха-ха-ха! – заливался он. – Ты как шахтёр! Посмотри на себя...

А я глянул на него – все щёки у брата были размалёваны грязными полосами и пятнами, отчего его лицо напоминало морду зебры. Это было так смешно, что я тоже не смог удержаться и, схватившись за живот, закатился от смеха. Мы с братом гоготали так, что только по земле не катались, хлопали себя по бокам и приседали, показывая пальцами друг на друга. Работа замерла, хотя сделать оставалось всего ничего. Дядя Юра тоже хихикал, глядя на нас. Даже дед Конур сменил суровый вид на усмешку. Пока мы ржали друг над другом, он забрал у нас ведро, покидал семена в пустые лунки и начал рыть новый ряд. В конце концов он не выдержал:

– Идите в дом да умойтесь. Как dokonчим, я баню растоплю, – и замахнулся лопатой на дядю. – Чего стоишь? Три рядка осталось!

Баня у деда Конура побольше нашей. Жар в ней был мягкий, не обжигал тело и не гнал тебя наружу. Мы с Витькой долго сидели в ней. Уже успели помыться дед и дядя Юра. Потом на их место подоспел вернувшийся с работы дядя Вася. Когда мы в третий или в четвёртый раз наполнили свои тазы тёплой водой, он шлёпнул Витьку по голой попе:

– Давайте-ка закругляться, сынок, а то женщины сегодня баню не увидят...

Баба Мотя приготовила на ужин свои блины, поставила к ним миски со сметаной, топлёным маслом и малиновым вареньем. Пока они с тётёй Фаей мылись, мы успели скушать все блины. Правда, нам помогал дядя Юра. А дед насытился варёной картошкой, которую заедал ломтиками пожелтевшего сала прошлогоднего засола.

В огромном алюминиевом чайнике с кипятком бабушка заварила сушёные фрукты, ягоды и травы, и мы пили ароматный чай. Наступил вечер. Погода стояла ясная. За окнами веранды садилось солнце, и его оранжевые лучи заставляли нас щуриться. Все пили фруктовый чай и лениво перебрасывались словами. Я приканчивал уже четвёртый стакан и всё не мог напиться после бани. Как интересно, думал я, ведь это моё первое лето, которое проходит не на детсадовской даче.

Мы с Витькой попросились ночевать вместе, но нам не разрешили. Оказывается, ему с утра надо идти в больницу.

– Успеете ещё вместе! – категорически прервала нас тётя Фая. – Лето впереди...

Как только мы улеглись по своим местам, домашние погасили свет и сразу мирно засопели. А я не мог заснуть на новом месте, лежал и смотрел в тёмный потолок. В доме стало сумеречно и тихо, но ненадолго. Каждые несколько минут с улицы доносился шум ночных поездов, ведь железная дорога проходила недалеко от бабушкиного дома. Я начал вслушиваться в звуки, на которые днём не обращал внимания.

Сначала гул поезда, возникая вдалеке, звучал тихо и монотонно. А дальний свет фар электровоза вычерчивал на потолке тени от оконных переплётов. Приближаясь, шум состава нарастал, тени медленно двигались, перемещаясь на белую стену. Потом свет мгновенно исчезал вместе с тенями, и комната снова погружалась во мрак, а звук усиливался так, что было отчётливо слышно, как тарыхтят колёса по рельсам. После как бы в обратном порядке звук постепенно затихал. Поезда резво катили по Прокопьевску то в одну сторону, то в другую.

«Куда они едут? – думал я, следя за движением теней. – Что везут? Наверное, уголь с шахт... А может, это люди едут в другие города или даже – в другие страны? Вот бы поехать вместе с ними и посмотреть, что есть там, дальше Прокопьевска», – так и задремал под стук колёс...

Утром не надо было подниматься в садик, но по привычке я проснулся рано. Дед как раз уходил по делам. Баба Мотя стряпала на печке оладьи. А дядя Юра ещё спал. Готовые оладьи возвышались на столе такой вкусной золотистой горкой, что я, не умываясь, принялся за них.

– Витьки нету, – сообщила бабушка. – Тётя Фая повела его в больницу. Так что, ешь, не торопись. Потом пойдём в стайку, поросёнка тебе покажу.

– А как зовут вашего поросёнка?

– Васькой кличем. Уж такой он шустрый! – баба Мотя задорно засмеялась, а потом повернулась ко мне. – Ты только про нашего поросёнка никому не рассказывай...

Наверное, всех на свете поросят называют Васьками, подумал я. Поросёнок был маленький и очень быстрый. Он носился по стайке, пугая гуляющих за перегородкой кур, забавно хрюкал и норовил засунуть свой розовый пяточок в чугунок, из которого бабушка накладывала ему в корыто жижу, приготовленную из неочищенной варёной картошки, перемешанной с мелко нарубленной травой. Пока поросёнок ел,

почмокивая и повизгивая, мы с бабушкой гладили его бока, покрытые белёсыми волосками, чесали за ушами.

– Ест хорошо, – хвалила его бабушка. – К зиме большой вырастет.

Я не стал спрашивать, что с ним будет потом, когда он вырастет, – я это уже знал... Без Витьки становилось скучно, и я решил выглянуть на улицу. У калитки возле бабушкиного дома на свежей зелени сидели на корточках два мальчишки. Одного я знал: он жил с мамой по соседству, отрастил на голове длинные светлые кудряшки и любил, чтобы его называли Александром. Фамилия его Шакиров. С другим мы не были знакомы. Они развлекались тем, что по очереди лениво бросали перед собой перочинный ножичек. Он не хотел втыкаться в землю, но их это не расстраивало, наверное, потому что игра не шла на интерес.

– Привет, Сёмка! – поднялся Александр. – Ты сегодня приехал?

– Нет, вчера, – я подошёл к ним.

– А как же детсад?

– Всё! – я постарался нахмуриться, чтобы разговор шёл по серьёзному. – Я его – всё... В общем, закончил. Теперь в школу пойду.

– Молодец! – Александр пожал мне руку. – Я тоже в первый класс пойду в сентябре. А это Женя, – представил он своего друга. – Он теперь на другом конце нашей улицы живёт. Ему семь лет, а в школу его не отдадут, болеет он чего-то...

– Да ладно тебе... – смутился Женя. – Болею – не болею, кому какое дело? – по-взрослому рассудил он.

Рядом с крепышом Александром он выглядел очень худым и оттого казался выше ростом. Жидкий тёмный чубчик прилип к его вспотевшему лбу. Мы познакомились и стали думать, чем бы заняться. В ножичек играть не хотелось, однако никаких интересных идей на ум не приходило.

– Предлагаю слазить в спецавтохозяйство, – придумал Александр. – Тут недалеко. В заборе у них дырка есть, я знаю...

– А что это такое? – раньше я не слышал такого длинного слова.

– Ты что, на толчок не ходишь? – засмеялся он, а Женя смотрел на меня с застенчивой улыбкой. – Они из туалетов дерьмо выкачивают, выгребные ямы чистят. Там машины с такими большими баками, как у бензовозов. Только возят не бензин... Говночисты, понял?

Да, оказывается, видел я такие машины, и знаю, где их гараж с большими воротами и будкой охраны – рядом, на Зенковской улице. Посмотреть поближе на это необычное хозяйство, конечно, было бы интересно. Только как туда попасть?

– Не трусьте! Идите за мной, – скомандовал Александр, – и потопал вперёд, нарочно косолапя ногами.

Мы вышли на Зенковскую и через несколько домов свернули в едва заметный тонюсенький переулок, огороженный с одной стороны сплошным высоким забором, с другой – редким штакетником. Метров через сто Александр присел возле забора, отодвинул в сторону одну доску и исчез в образовавшемся отверстии. Я последовал за ним, за мной полез Женя.

Перед нами открылся длинный неширокий двор, вдоль которого тянулось одноэтажное здание, разделённое на многочисленные стоянки-гаражи для автомашин. Сами машины с круглыми зелёными баками вместо кузова стояли или возле своих гаражей, или рядом с забором, который мы только что миновали. Рядом с некоторыми автомобилями сновали люди. Одна машина с фыркающим мотором находилась у ворот, очевидно, ожидая, когда они откроются и выпустят её наружу.

– Чувствуете запах? – полушёпотом спросил Александр. – Это дерьмовозки так пахнут.

Запах, и правда, был очень сложный. Казалось, что одновременно пахло и отработанным бензином, и машинным маслом, и духом поросячей стайки, и уличным туалетом. Мы с Женей поморщились, а Александр под прикрытием машин смело двинулся вдоль забора. Мы поспешили за ним. Крышка капота ближайшего грузовика была открыта. У переднего колеса машины на земле лежал кусок брезента, на нём рассыпали какие-то железки. С ними возились два мужика, а над капотом нависала фигура третьего. Одного из мужиков я узнал сразу – это был дед Конур. Я оторопело застыл на месте, разглядывая деда. Рукава его холщовой куртки, которую он надел дома поутру, были закатаны до локтей. Он стоял на коленях, прикручивал большим ключом крупную гайку и переговаривался со своим напарником, тот тоже ковырялся с железякой поменьше. Нас мужики не заметили и продолжали работать.

– Ты чего? – ткнул меня в бок Александр. – Пошли, а то увидят...

Он проследил за моим взглядом.

– Ну-ка, ну-ка! – и он расплылся в улыбке. – Так это же твой дед! – чуть не в голос воскликнул он. – Так он здесь работает? Дерьмовозки чинит?!

– Нет, – как можно равнодушнее отмахнулся я. – Похож, да не он. Ты обознался...

И тут дядя, что возился в капоте, громко произнёс:

– Никанор, подай-ка мне плоскогубцы.

Дед, не спеша, поднялся на ноги, держась одной рукой за поясницу, протянул напарнику инструмент. Постоял, расправляя плечи и посматривая по сторонам, и заметил нашу небольшую компанию. Он приставил к глазам ладонь, разглядывая нас.

– Сёмка, ты, что ли? Етит вашу! – ругнулся он. – А ну-ка домой идите! Нечего по гаражам шастать! – и топнул ногой, делая вид, что собирается побежать в нашу сторону.

Его напарники тоже грозно уставились на нас. Александр первым бросился к дыре в заборе, Женя семенил за ним. Я отстал, шёл не торопясь, отчего-то стало так стыдно, что боялся поднять глаза. Пацаны ждали меня в переулке. Лицо Александра сияло ядовитой улыбочкой. А Женя старался не смотреть на меня.

– Что же ты не сказал, что твой дед здесь работает, дерьмовозки ремонтирует? – начал ехидничать Александр. – Нормальные мужики на шахте вкалывают. Вон отец мой...

– Отвяжись! – крикнул я. – Откуда я знал! Он тоже на шахте работал, когда молодой был! А старых в шахту не берут!

– У шахты есть разная работа, – не унимался Александр. – Там устроиться можно, где хочешь. Мой отец...

– Что ты привязался со своим отцом! – оборвал я. – Ты сам-то хоть раз на шахте был? – по его молчанию стало понятно, что не был он на шахте. – А я был! И то не хвалюсь! И вообще, иди ты, Сашка...

Я повернулся и побежал к бабушкиному дому.

– Семён! – кричал мне вслед Александр. – Ну, хочешь, подерёмся? Или, хочешь, помиримся?

Я ничего от него не хотел. Пробежал мимо бабушкиного крыльца и нырнул на скамейку в кустах. Сидел и досадовал на деда за то, что он работает в

спецавтохозяйстве, злился на ехидного Александра... Слышал, как меня звала баба Мотя, но откликаться не хотелось. Бабушка сама заглянула в кусты:

– Вот ты где, Сёма! Айда-ка обедать. Я супу с курицей наварила. Дед на обед явился, Юрка голодный. Тебя ждём...

Я тоже проголодался, но встречаться с дедом решительно не хотел.

– Ешьте сами, – выдавил я сквозь зубы. – А я пока не хочу. Как проголодаюсь, так сразу поем.

Бабушка опустила плечи и удалилась. А мне стало ещё досаднее оттого, что они там едят вкусный суп, и им нисколько меня не жалко. Нет, плакать я не собирался, но от обиды глаза пощипывало. Прошёл, может, час, а может, больше. Есть хотелось всё сильнее. И я уже приготовился плюнуть на всё и сдать на милость бабы Моти и её вкусного супа. Но тут появился Витька. Он неслышно просунул голову меж кустов и наблюдал за мной до тех пор, пока я сам не заметил его. А когда я его, наконец, увидел, он крикнул:

– Ха! Ты чего тут сидишь, Сёмка? Баба Мотя сказала, что ты и от обеда отказался. Сдурел, что ли? – он уселся рядом на скамейку.

– Не ори, – оборвал его я. – Ты зачем в больницу ходил?

– Меня обследуют, – он обхватил плечи руками. – Сказали, что у меня ревматизм...

– Забавное название, – услышал я сегодня ещё одно незнакомое слово. – Что это?

– Фиг знает, – махнул рукой Витька. – Коленки у меня зудят, иногда ноют ночью. Да ерунда это! Докторша сказала, не смертельно, только лечить надо. Укол мне вкатили...

Мы немного помолчали.

– А я жрать хочу, – вздохнул мой двоюродный брат. – Может, пойдём, поедим?

Суп оказался таким вкусным, что мы с ним умяли по две миски, заедая густое вермишелевое варево ломтями серого хлеба. Баба Мотя налила бы нам и по третьей, но места в наших животах больше не оставалось. И мы, переваливаясь с боку на бок, решили побродить по двору, обсуждая недавно виденные по телевизору фильмы.

– Видал? – вспоминал Витька. – Зимой показывали «Мы из Кронштадта»?
– А как же! – отзывался я. – Он там оторванные погоны то на плечи себе приставит, то опять снимет. И всё охает: «Мы пскопские! Мы пскопские!»
Мы посмеялись.

– А вы недавно смотрели «Оптимистическую трагедию»? – припоминал я.
– Ага! – ликовал он. – Она как достанет наган, как закричит: «Ну, кто ещё хочет комиссарского тела попробовать?!»

Мы восстанавливали в памяти содержание картин, разбирая по деталям действия героев, их смелость, трусость врагов, потешались над смешными моментами...

К вечеру вернулся с работы дед Конур. Он скинул в сенях куртку и рубаху и долго умывался на кухне под рукомойником, покряхтывая от удовольствия. Баба Мотя расстаралась и на ужин нажарила маленьких румяных пирожков, одни – с картошкой, другие – с яйцом и зелёным луком, и ещё – с квашеной капустой, которую она сначала отдельно потушила на сковороде.

Мы уселись вокруг посуды с пирожками. И, глотая слюнки, ожидали, пока бабушка нальёт кому молока, кому чаю.

– А мне, может, плеснёшь рюмочку с устатку? – попросил дед.

– Не можешь ты без этого, – заворчала баба Мотя, но дедову просьбу выполнила.

Я старался не встречаться с дедом взглядом и старательно отводил глаза. Он тоже не вспоминал дневное происшествие. Все нахваливали пирожки, громко жевали и звучно прихлёбывали из чашек. Бабушка стояла возле печки и следила за едоками, вовремя подкладывая нам новые пирожки, и подливала в наши чашки.

Дед нахваливал стряпню и, наверное, про всё забыл. Я взглянул на него. Он покраснелся от еды, на кончике его длинного носа забавно повисла капля. Не сдержавшись, я громко фыркнул, и все посмотрели на меня.

– Ты чего? – повернулась баба Мотя.

– Вон, – дурашливо показал я. – У деда Конура под носом...

Дед тут же провёл там ладонью, достал из кармана мятый-перемятый платок и шумно высморкался.

– Ты зачем сегодня ко мне на работу приходил? – он потянулся за очередным пирожком. – Балуете? А туда лазить нельзя! Машин много, попадёте под колёса, а шофёр отвечай...

– Да там одни дерьмовозки, дед! – вырвалось у меня.

Я чувствовал, что надо бы промолчать, но вопросы сами полетели с языка:

– Я думал, ты деревья садишь, а ты туалеты чистишь? Другой работы нет, что ли? Как ты там работаешь? Мальчишки смеются...

– Хм! – хмыкнул дед Конур и отложил пирожок.

Юрий молча уткнулся в свой чай, а баба Мотя загремела кастрюлями, передвигая их на печке. Дед долго смотрел на меня, пока я не отвёл глаза.

– А что? – пожал дед плечами. – Тут – рядом с домом. А в Зеленстрой далеко добираться. Что тебе не нравится? Я машины чиню. Дело хорошее...

– Ну как ты не понимаешь? – удивился я. – Это же ужас!

– погоди, – остановил дед. – Почему ужас? Дело житейское. Ты сам-то с утра в туалет ходил?

– Вот именно, ходил! – усмехнулся я. – И что?

– И вчера ходил, – дед положил на стол сжатые в кулаки руки. – И позавчера... И все туда ходят. А кто у вас дома сортир чистит, знаешь?

Я поморщился от его вопроса и отрицательно помотал головой.

– То-то же, – сказал дед. – А я знаю, кто – твой дед Алексей Васильевич. Он понимает, если его не чистить, катастрофа может быть.

– Да ладно! – не поверил я.

– Вот именно! – дед Конур пристукнул кулаками по столешнице. – Такая гадость будет вокруг, что ой-ёй! Хорошо, если только в нашем доме случится. А если во всём городе гальюны не чистить? Весь город зарастёт говном, – последнее слово дед выделил особо.

– Так и скажи пацанам, что ассенизаторы – самые нужные люди. Санитары города! Са-ни-та-ры, – медленно повторил он по слогам. – Понял, Семён?

– и, не дожидаясь ответа, вскочил из-за стола и едва ли не бегом вымахнул на улицу.

– Опять курить пошёл, – сказала баба Мотя. – Он, как расстроится, так курит и курит! Курит и курит! А ты, Сёмушка, не обижайся на него. Он ведь потому работает, старый, что денег не хватает. Знаешь, как говорят:

копейка к копейке – и проживёт наша семейка. А работа – она всякая хороша. Хуже, когда не работают, да ещё и водку пьют...

Она схватила кухонное полотенце и шлёпнула им дядю Юру по спине:

– Чего расселся?! Если наелся, не сиди, а иди, спать укладывайся! И спасибо матери скажи!

– Чего ты, мам! – обиделся Юра. – Спасибо, конечно. Только Сёмка тут наговорил всякого, а я виноват...

– Виноват... – заворчала бабушка. – Слоняться перестанешь, будешь не виноват...

Утром я ещё спал, когда дед ушёл в своё спецавтохозяйство. Накануне я долго ворочался на скрипучей раскладушке в полночной темноте и думал над его словами, но так ничего не решил. Хотя, может, он и прав, если туалет время от времени не чистить, будет ужас что... Я хотел утром помириться с дедом Конуром, но проспал.

– Не переживай, – успокоил Витька, когда мы встретились на нашей лавочке. – Дед Конур сердитый, но добрый. Вечером помирись.

Мы, как всегда, поболтали с ним обо всём понемногу. Потом помолчали, соображая, чем бы заняться. Кажется, Витька первым заговорил про курево. Типа: мой отец – курит, а дядя Вася – нет. Начали вспоминать, кто у нас ещё балуется этим делом. Оказалось, в нашей родне и кроме отца курильщиков много: дядя Витя, дядя Толя, дед Никанор. Да и среди соседских пацанов такие встречаются. Толик Рогов, например, Котелевский и Шура Тымак.

– А ты сам-то попробовал, Сёмка? – Витька хитро глянул на меня и начал старательно ковырять в носу.

– Нет, не пробовал, – откликнулся я. – Не люблю дыма.

– А вот и зря, – у брата был вид знатока. – От него, знаешь, как весело становится? Я попробовал раз, так прямо забалдел!

Он округлил глаза и, наклонившись к моему уху, перешёл на шёпот:

– Попробуем... Я знаю, где... Тебе понравится... Не трусь как девчонка!

Это-то меня и завело. Витька знает, что я не люблю, когда меня сравнивают с девчонками, и я схватил его за руку:

– Да не боюсь я никого! Айда, показывай!

Мы вылезли из кустов. Витька на всякий случай сбегал посмотреть, чем занимаются взрослые. Баба Мотя возилась на кухне, а дядя Юра мирно дремал на кровати. Остальные были на работе.

Недалеко от крыльца к стене дома была приставлена высокая деревянная лестница, концы которой доставали до самой дверцы на боку крыши. Это был ход на чердак. Первым полез наверх Витька, я двинулся за ним. Вся конструкция подрагивала от движений брата, карабкающегося впереди. Перекладыны ступеней дед Конур смастерил из толстых круглых жердей, а расстояние между ними рассчитал на взрослого человека. Приходилось изо всех сил тянуть ногу, чтобы подняться с одной ступеньки на другую.

Я старался не оглядываться. Глянул вниз только тогда, когда через порожек дверцы перевалился внутрь чердака. У дома оказалась приличная высота. На чердаке толстым слоем лежала пыль. Она же красивыми завитками кружила в тонком луче света, пробивающемся сквозь крышу, возле кирпичной трубы. Из чердачной темноты тянулись верёвки, на которых висели зачерствелые веники, сухие круглые листья, связанные парами, пучки засохшей травы.

Витька уже возился в тёмном углу.

– погоди, я сейчас, – попросил он. – Последи пока за улицей. Только наружу сильно не выглядывай, а то заметят...

С высоты хорошо просматривался весь бабушкин огород, разделённые заборами огороды и сады соседей, виднелся кусок незнакомой улицы с соседними домами и деревьями. Улица и дальние огороды упирались в серую насыпь железной дороги. Блестящая тонкая лента её рельсов исчезала вдалеке за зелёными холмами. По ним медленно уходил за пригорок хвост грузового состава. Красиво! Нужно сюда почаще забираться.

Витька принёс и разложил у входа кусок газеты, спички, несколько тех самых буро-зелёных листьев, во множестве висевших на чердаке.

– Самосад, – деловито сообщил двоюродный брат. – Дед Конур выращивает. А этой табакорезкой он из листьев табак делает. Я сам видал...

Он протянул мне необычный предмет с квадратным основанием из толстой фанеры и ручкой-рычагом, к которому прикрепили сразу десяток лезвий. Края табакорезки оградили деревянными брусочками, как у

кормушки для птиц, чтобы корм не просыпался. Пока я рассматривал это чудо техники, Витька подтащил к входу небольшой чурбак:

– Ставь её сюда, будем листья рубить...

Витька со знанием дела положил под гильотинку табакорезки пару сложенных друг на друга листьев и резко опустил ручку. Под лезвиями листья распались на куски и полоски. Он перемешал их и снова опустил на них гильотину. Витька сгребал измельчённый табак в кучку, под лезвия, снова и снова рубил его, доводя до мелкой крошки.

– Вот, – наконец успокоился он, взял пальцами несколько крупинок и понюхал. – Сейчас самокрутки сделаем.

Витька оторвал от газеты бумажный квадратик и, держа его между пальцами левой руки, правой осторожно насыпал на него щепотку табака. Распределил табак вдоль бумажки и начал её сворачивать. Он пыхтел от напряжения, волновался, его руки дрожали, отчего табачные крошки сыпались под ноги. Однако упрямый Витька довёл дело до конца: табак, завернутый в газетный клочок, напоминал толстую папиросу. Витька полизал языком край бумаги, заклеил слюной папиросину и загнул вверх тот её конец, который оказался тоньше.

– Давай вторую не будем лепить, – предложил я. – Одну покурим. А потом посмотрим...

– Ага, – согласился Витька.

Вид у него был довольный, будто он только что сделал хорошее дело. Я во все глаза следил за его действиями. Он зажал губами тонкий конец самокрутки и чиркнул спичку. Но прикурить не получилось, огонёк задуло сквозняком. Витька ругнулся, отошёл от двери и снова чиркнул спичкой по коробку. Теперь бумажный уголок занялся крохотным пламенем. Витька затаился, табак в папиросине едва слышно затрещал. Брат открыл рот и выпустил в мою сторону небольшое облако плотного дыма с тяжёлым, резким запахом. Пахло хуже, чем от отцовских папирос. И от этого курить сразу расхотелось

– На, – протянул мне Витька папиросину и немного покашлял.

Я неуклюже принял её двумя пальцами и стал рассматривать. С тлеющего конца поднималась вверх струйка извивающегося дыма. Опасливо поднёс самокрутку ко рту, сделал первую в жизни короткую затяжку и поперхнулся. На вкус это было отвратительно. Показалось, что горло

обожгло чем-то ядовитым. Сразу же выступили слезы. Как мог, я старался подавить кашель и потому задержал дыхание. Потом разом выдохнул дым.

– Дай мне! – Витька забрал у меня самокрутку.

Затянулся раз, другой, шумно выпуская дым изо рта и из носа. Вдруг качнулся, закрыл ладошкой глаза и засмеялся.

– Во-от... Голова кружится, как у пьяного... На, Сёмка, ещё покури...

Мне больше не хотелось, но я пересилил себя и вдохнул как можно глубже. Подступило удушье, голова закружилась и поплыла. Витька сидел в пыли, смотрел на меня и улыбался. Я пристроился рядом и закашлялся так, что сознание едва не померкло. Подкатила такая противная тошнота, от которой, показалось, должен умереть. По щекам текли слёзы. Краем затуманившегося глаза уловил, что Витька тоже кашляет. Не знаю, сколько это продолжалось. Показалось, что очень долго. Из тошнотворного состояния меня вывел голос дяди Юры:

– Здесь они, мам! – прокричал он.

Я сосредоточил взгляд на чердачной двери. Из её проёма на нас смотрела Юркина голова. Лицо, украшенное большим, как у деда Конура, носом, светилось радостью.

– А мы их ищем-ищем, а они вот где прячутся! – дядя влез на чердак и повёл носом. – Вы тут курите!

Он начал осматриваться, увидел на полу, рядом с табакорезкой, тлеющий окурок и яростно принялся топтать его. Потом высунулся на улицу и гаркнул на всю округу:

– Они тут махорку курят! Чуть дом не спалили! Слышите?

Через минуту на чердаке появился дед Конур. Его грозный вид не предвещал ничего хорошего. Дед разом схватил нас, плохо соображающих, за воротники рубашек, основательно встряхнул и поставил на ноги.

– Етит вашу! – ругался он. – Да вы совсем сдурели! Разве можно?! Ещё раз узнаю, что курили, прибью обоих! А ну, марш отсюда!

Таким сердитым я его ещё никогда не видел. Как мы спускались вниз по вздрагивающей от каждого движения лестнице, – отдельная история. Руки и ноги у меня дрожали, голова кружилась. Но не ночевать же на чердаке?!

От обеда мы с Витькой категорически отказались. Брат побрёл к себе домой. А я остаток дня провалялся на раскладушке. Вечером баба Мотя присела на край моей лежанки и, поглаживая мне коленки, рассказала, как она потеряла нас и начала искать. Обошла все углы, но нас нигде не было. Пока дядя Юра не услышал, что на крыше кто-то кашляет...

– Ради Христа, не курите больше, – просила баба Мотя печальным голосом.
– От курева нету ничего хорошего. Да, не дай Бог, беды наделаете! Вот страшно-то...

Мне хотелось сказать ей, что никогда больше в жизни не прикоснусь к папиросе, что курение – это такая невыносимая гадость, теперь я это точно знаю. Но сама мысль об этом вызывала новую тошноту. Я отвернулся к окну и выдавил только два слова:

– Хорошо, бабушка...

Вечером пришла тётя Фая. Они с дедом и бабой Мотей обсуждали на кухне наши похождения. Сквозь дверные занавески был хорошо слышен громкий рассказ тёти Фаи о том, что до ремня у них дело не дошло, но дядя Вася как следует оттянул Витьке уши. Я слушал их, затаив дыхание, и думал: «Наделали мы дел!» Но исправить уже ничего нельзя. А завтра – суббота, приедут родители. Отец будет ругаться, мама расстроится...

Однако из-за космоса всё обошлось. Я ещё не вставал, когда рано утром к нам прибежал дядя Вася.

– Скорей включайте радио! – призвал он. – Снова наш человек в космосе!

В комнату, где спали мы с дядей Юрой, заскочил дед Конур и воткнул вилку чёрной радиотарелки, висевшей на стене, в розетку. За дедом появились баба Мотя и тётя Фая. Я быстро поднялся с постели, стал натягивать штаны.

– 14 июня, – торжественно произносил слова невидимый диктор, – в 15 часов по московскому времени на орбиту спутника Земли выведен космический корабль «Восток-5», пилотируемый гражданином Советского Союза лётчиком-космонавтом, подполковником товарищем Быковским Валерием Фёдоровичем...

– Ура! – заорал дядя Юра.

– Тихо! – зашикали на него. – Дай послушать!

– Целями нового космического полёта являются: продолжение изучения влияния различных факторов космического полёта на человеческий организм, – говорило радио.

Тут меня отвлек Витька. Он незаметно пришёл к нам и дёрнул меня за руку.

– Выйдем, – подмигнул он.

Я недовольно помотал головой, хотелось послушать.

– ...По предварительным данным, – продолжал диктор, – период обращения корабля-спутника вокруг земли составляет 88 целых и четыре десятых минуты...

– За полтора часа вокруг света! Вот это скорость! – восхитился дядя Вася.

А радио подробно рассказывало о расстоянии от корабля до земли, о самочувствии космонавта, о работе бортовых систем... Затем прочитали заявление Валерия Быковского перед стартом: он заверял всех, всех, всех и Никиту Сергеевича Хрущёва, что с честью выполнит ответственное и почётное задание. После этого начали читать радиogramму космонавту от Никиты Сергеевича Хрущёва. Взрослые уже перестали слушать и обсуждали замечательную новость. Мы с Витькой вышли на крыльцо и присели на ступеньки.

– Мы дома это раз уже послушали, – брат потирал пальцами уши. – Досталось мне вчера. Родители сильно ругались. А на тебя?

– На меня – нет, – ответил я. – Но скоро мои за мной приедут и им всё расскажут. Вот тогда и мне попадёт как следует...

– Не особенно бойся, – успокоил Витька. – Я признался. Сказал, что это я на крышу предложил... И самокрутку тоже я... Так что ты не виноват.

Он положил руку мне на плечи, а я на его плечи положил свою. Мы сидели, обнявшись по-братски, и молчали. Из дома доносились оживлённые возгласы взрослых.

– Теперь я хочу стать космонавтом, – признался Витка. – Подикась, пройдёт мой ревматизм... А ты, Сёмка, кем будешь?

– Не знаю, – честно открылся я. – Хотел спасателем шахтёров... Ну, когда их засыплет в шахте, помнишь? А сегодня, по правде, не знаю. Может, тоже в космонавты...

Родители приехали за мной днём. Отец лихо подрулил прямо к калитке, развернул мотоцикл и заглушил мотор. Мы с бабушкой вышли им

навстречу. Баба Мотя пригласила их на обед. Но они отказались, не стали даже слезать с мотоцикла. Мама сказала, что мы торопимся, потому что нас ждёт Валерка, и надо собраться на завтра – ехать на поле, полоть картошку. Я, не скрывая радости, быстро уселся в люльку. Но тут к калитке подтянулись дед и дядя Вася с тётёй Фаей.

– Расскажи им дома, Семён, как ты научился курить, – объявил дед Конур, противно коверкая голос, будто маленький ребёнок.

– Что? – воскликнула мама.

– Как это? – округлил глаза отец.

– Да ладно, – успокоила их тётя Фая. – Они просто попробовали и поняли, какая это ужасная гадость. И вообще, Сеня не виноват, – добавила она. – Это наш сынок придумал покурить. Он сам сознался...

– А ты, Иван, про космонавта слышал? – перебил всех дядя Вася.

– А как же, Вася! – расцвёл отец. – Молодцы наши! Опять всем нос утёрли! Взрослые принялись обсуждать утреннее сообщение по радио и, кажется, забыли о нашем случае. А я был благодарен подполковнику Валерию Фёдоровичу Быковскому и двоюродному брату...

Из повести «Спасти шахтёров», Кемерово, 2023 г.

Новеллы

Горячее молоко

1.

...Улочка, на которой стоял дом моего детства в большом шахтёрском городе, круто спускалась к грязной речке, где давно не водилась рыба. Будто в насмешку наша узкая улица из деревянных небольших домов носила довольно звучное название – Набережная. И если кому-то из наших приходилось бывать в других местах, они там с гордостью говорили: «Живу на Набережной реки Абы!».

На нашей улице было десятка четыре домов, в каждом из них жили дети. И в каждой семье, проживающей на Набережной, считали, что ребёнок должен регулярно пить коровье молоко: настоящее – от коровы, а не то магазинное, которое, как говорила моя мама, «синее» от воды, которой его разбавляют».

2.

Упитанные, вечно жующие бурёнки на нашей улице были только в одном дворе. Их хозяйку звали Масленичихой. Среди нас, пацанов, ходило немало разговоров об её загадочном характере.

Мы со страхом пересказывали друг другу едва ли не легенды о том, как однажды Масленичиха так схватила за вихры случайно зашедшего к ней пацана, что вырвала клочок волос, и несчастный едва спасся бегством. А другого пацана она будто бы заперла в сарай и держала там, голодного и холодного, несколько дней.

Почвой для этих страхов был её суровый нрав. Жила Масленичиха в большом доме одна. Дом был огорожен крепким забором, попасть за который можно было через массивные деревянные ворота с железной калиткой. Калитки соседней отпирались просто, а вот желающему попасть во двор к Масленичихе приходилось стучать в ворота, пока хозяйка не впустит. Где-то в середине двора в это время без умолку лаяла собака и гремела цепью.

Масленичиха была неразговорчивой. Она появлялась на улице непременно в чёрном халате, в каких работают в магазинах грузчики, тёмным платком повязывала голову. Оставалось для нас загадкой, как одна женщина управляется со своими коровами? Не помню, чтобы кто-нибудь помогал ей. Всё она делала сама: ездила на собственной телеге, запряжённой каурой лошадью, на покос, возила сено. Сама летом где-то на шахтовых обвалах пасла коров. Её одинокое хозяйничанье рождало в наших головах мысли, будто ей помогает неведомая сила.

За молоком обычно ходили наши матери. Каждое утро и вечер Масленичиха молча отдавала каждой положенную по уговору порцию и брала плату. А молока хватало всем ребятишкам нашей улицы.

По вечерам мать приносила от Масленичихи ещё тёплое молоко. Я выпивал большую кружку и верил присказкам взрослых, что становлюсь от этого больше и сильнее. А как любил запивать молоком краюху чёрного хлеба, посыпанную солью!

Когда я болел, мать кипятила молоко на печке, наливала горячее, подёрнувшееся желтоватой пенкой, в фарфоровую чашку, добавляла туда сливочного масла и заставляла пить. Пил, обжигаясь, мелкими глотками и, верно, через несколько дней выздоравливал.

3.

Но однажды случилось вот что. У меня к этому времени появился младший брат. Пока мать его кормила грудью, всё шло хорошо. А вот когда он подрос, на семейном совете решили, что он тоже должен получать коровье молоко.

В тот же вечер отец внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Вот у матери и помощник вырос. Завтра пойдёшь за молоком.

У меня похолодела спина, но возражать не было смысла – родители только посмеялись бы над моими страхами.

Спал я плохо. Просыпался от одного и того же сна: Масленичиха бежала за мной, а мои ноги будто приросли к земле. Весь следующий день понуро бродил по двору, мысленно преодолевал весь предстоящий путь: стучал в ворота, открывал калитку. А дальше – ничего не мог вообразить.

...Медленно, стараясь оттянуть роковую минуту, шёл я вечером с бидоном вверх по улице. Некоторые из мальчишек увязались за мной, но, узнав о конечной цели, отстали.

Наконец, подошёл к большим тесовым воротам. На калитке висело железное кольцо, которым я тихо постучал. Сразу же залаяла собака. Я уже был готов упасть в обморок или убежать, когда калитка отворилась и показалась Масленичиха.

– Давай, – протянула она руку к бидону, даже не взглянув на меня. – Правильно, хватит дурака валять.

Про дурака я ничего не понял, а она добавила уже из-за ворот: «Зайди в ограду».

На цыпочках я перешагнул невидимую границу страха. Дом стоял в центре уютного двора. У дальней ограды виднелись ровные грядки. Возле большого сарая на приподнятых над землёй настилах стояли два стожка сена, их макушки были закрыты брезентом. У невысокого крыльца, возле будки, бегала рыжая лохматая собака и добродушно помахивала хвостом. Дверь дома открылась, и Масленичиха, тяжело ступая, спустилась с крыльца. Одета она была в неизменный чёрный халат.

– На, – протянула она бидон. – Он был полон до краёв.

– Спасибо, – чуть не шепотом сказал я и продолжал стоять на месте.

Она ничего не ответила, повернулась и ушла.

4.

В тот вечер молоко показалось вкуснее, чем обычно. Потом я ещё много раз ходил к Масленичихе. Стали ходить к ней со своими бидонами, банками и баночками и другие ребята. Но разговоры о таинственности Масленичихи, её крутом характере мы вели ещё долго. Особенно распалялось воображение тех, кому взрослые не доверяли доставку молока.

Масленичиха вела себя всегда одинаково – молча брала бидон, молча возвращала его. Лишь однажды, когда я уже давно привык к своим

обязанностям, она долго не отдавала бидон, всё смотрела на меня. И показалось, что в её серо-голубых глазах сквозила грусть. Потом она потрепала меня жёсткой шершавой ладонью по голове.

Через несколько лет, когда я окончил школу и уехал учиться в другой город, узнал, что Масленичихи не стало: её сразила тяжёлая болезнь.

Было жаль эту одинокую женщину с нелёгкой, наверное, судьбой. Но ведь у неё были все мы – целая улица. Если бы не она, кто бы поил нас коровьим молоком, которое не шло ни в какое сравнение с тем, что в магазине? Лишь спустя много лет я догадался, что неразговорчивая трудолюбивая женщина это хорошо понимала.

Из сборника «На картошку», Кемерово, 2015 г.

На картошку

Дождь не перестаёт моросить со вчерашнего вечера. Он до того надоел, что злиться на слякоть уже невозможно: люди просто не обращают внимания на мелкую нудную сетку воды. Из-за дождя и без того мрачные контуры шахтовых построек и терриконов слегка размыты и выглядят ранним утром ещё более унылыми, грязно-серыми.

Олег сонно смотрит на этот пейзаж из открытых дверей раскомандировки шахтового участка, на котором работает отец. С трудом Олег удерживает зевоту, но выступившие на глазах слёзы выдают его хитрость.

– Говорила, надо раньше ложиться, ведь на картошку вставать рано, – слышит он голос матери и виновато улыбается. Она с другими женщинами сидит на перевернутых вверх дном вёдрах под навесом возле небольшой каменной будки, на двери которой блёклая табличка «Вход воспрещён». И надпись для убедительности скреплена большим серым черепом. Олег смотрит на мать, на череп и улыбается.

Он уже смирился с мыслью, что на картошку ехать всё-таки придётся, даже несмотря на скверную погоду. И ему теперь всё равно, куда повезут и на чём, лишь бы поскорее всё кончилось, и он доспал свои положенные несколько часов, которые прошедшей ночью «отобрал» хороший детектив.

Рядом то и дело раздаётся дружный хохот отцовской бригады. Олег хорошо знает их всех, сидящих вокруг стола раскомандировки. Он вяло

прислушивается к разговору, к то и дело проскальзывающим крепким словечкам.

– ...Ты, Петро, что ж плохо на картошку собирался? – это спрашивает Роман, высокий добродушный толстяк. Олег знает, что именно он считается специалистом по «солёным» фразам.

– А что такое? – Маленький, крепкий Петро ждёт явного подвоха.

– Так ведь погода, сам видишь, не подарок, – в голосе Романа сплошная невинность и участие.

– А у меня жена плащи взяла – себе и мне, – наивно отвечает Петро.

И тут же звучит давно заготовленная фраза:

– Так ты же на ноги цепи не надел, буксовать будешь!

А в ответ:

– Га-га-га! Ха-ха-ха!

Голос Петра перекрывает смех:

– Зато я с собой верёвку взял, слышишь, Роман!

Хохот удивлённо смолкает.

– Как только забуксую, я на тебя верёжмёт

Пожимает

вку – раз. Ты вон какой здоровый, вытянешь!

И снова: «Га-га-га! Ха-ха-ха!»

Олег оглядывается на смеющиеся лица: Петро довольно улыбается из своего угла, а Роман смущённо крутит головой.

Отца среди них нет. Олег знает, что он ушёл куда-то «выбивать» машину и должен скоро вернуться «со щитом». Это так пожелал ему молодой хохол Фрезя.

Раскомандировка – это большая комната, на цементном полу которой стоит письменный стол со старым чёрным телефоном, стулья в несколько рядов. Давно не белёные стены увешаны непонятными Олегу графиками с длинными столбиками цифр и яркими когда-то, но уже поблёкшими плакатами.

Телефон время от времени звонит: издаёт странные хриплые звуки. К нему подходит кто-нибудь из сидящих и объясняет, что «здесь никого нет, а Семён ушёл за машиной».

Семёном зовут отца, и Олегу в душе приятно, что с отцом здесь считаются и уважают, а его, Олега, именуют немного иронически «Семёнычем».

– Ты чего, Семёныч, кислый такой, – хлопает его сзади по плечу Роман. – Айда под дождичек, проветримся.

– Неохота, дядя Роман, – мнётся Олег, улыбаясь, глядит на него снизу вверх.

– Да пойдём, чего там, – Роман легко выставляет Олега за дверь, и они выходят на небольшой заасфальтированный двор, заваленный металлоломом и кусками кабеля.

Дождь, кажется, унялся или уже действительно стал таким привычным, что его совсем незаметно. Олег шагает рядом с большим Романом широко, стараясь попасть с ним в ногу.

– Как учёба, Семёныч, – спрашивает Роман.

– Нормально, – пожимает плечами Олег, – движется потихоньку.

– То-то, потихоньку, – улыбается Роман.

Внезапно до них доносится странный шум.

– Чего там? – Роман останавливается и смотрит в дальний угол двора.

– Опять Лёшка балует. Взяли на свою голову, – ворчит он сердито.

Олег видит, как лохматый парень в синей фуфайке ковыряет палкой в большой куче старых досок, наваленных как попало возле кирпичной стены. Оттуда доносится сердитое кошачье мяуканье и чей-то тонкий писк. Эти звуки на фоне гула работающей шахты звучат по меньшей мере странно.

Лохматый не замечает подошедших Романа и Олега, отбрасывает в сторону ещё несколько досок и тянется руками в образовавшуюся щель, ласково приговаривая: «Иди, иди сюда, маленький».

Из щели, громко мяукая, выскакивает чёрная кошка, а за ней выбирается малюсенький чёрный с белым котенок. Олегу кажется, что его глупая мордочка чему-то улыбается. Парень ловко подхватывает его, подносит к глазам, ухмыляется... И вдруг размахнувшись, швыряет этот маленький комочек о кирпичную стену.

Воздух разрезает короткий пронзительный писк, глухой удар-шлепок, как будто в стену бросили крепким снежком. И – тишина, оторопелая испуганная, удивлённая. А лохматый уже тянется за следующим, одной

рукой стряхивая кошку, которая вцепилась в рукав его фуфайки. Снова широко размахивается, снова писк и шлепок...

Олег растерянно смотрит в побледневшее лицо Романа, тянет его за руку, громко шепчет дрожащими губами: «Зачем он, а?»

– Да ты что! – кричит на Лёшку Роман. – Да я тебя!

Сзади раздаётся шум мотора, и во двор въезжает машина. Олег оглядывается, видит, как на её высокие борта карабкаются люди, в кузов летят пустые мешки, вёдра, лопаты.

– Ладно, идём, – тянет за рукав Роман, – ну его...

Роман бежит к машине и ловко перемахивает через борт. За ним, боком обойдя Олега, бежит и лохматый.

– Олег, скорее, – сердито кричит из кузова отец, – заснул что ли?

Олег медленно подходит к машине.

– Ну, живее, живее, залезай, – торопит отец, – ехать надо...

– Я не поеду, – низко опустив голову, говорит Олег.

Да залезай же, – не слышит отец, – чего топчешься!

– Он там, в машине? – Олег поднимает голову. – Да?

– Все уже в машине, – отец недоумённо поводит плечами, – и ты давай, только живо...

– Я не поеду! – на этот раз Олег говорит так, чтобы отец услышал. И, повернувшись, идёт к дверям раскомандировки.

– Олег! – он скорее чувствует, чем слышит голос отца и захлопывает за собой дверь.

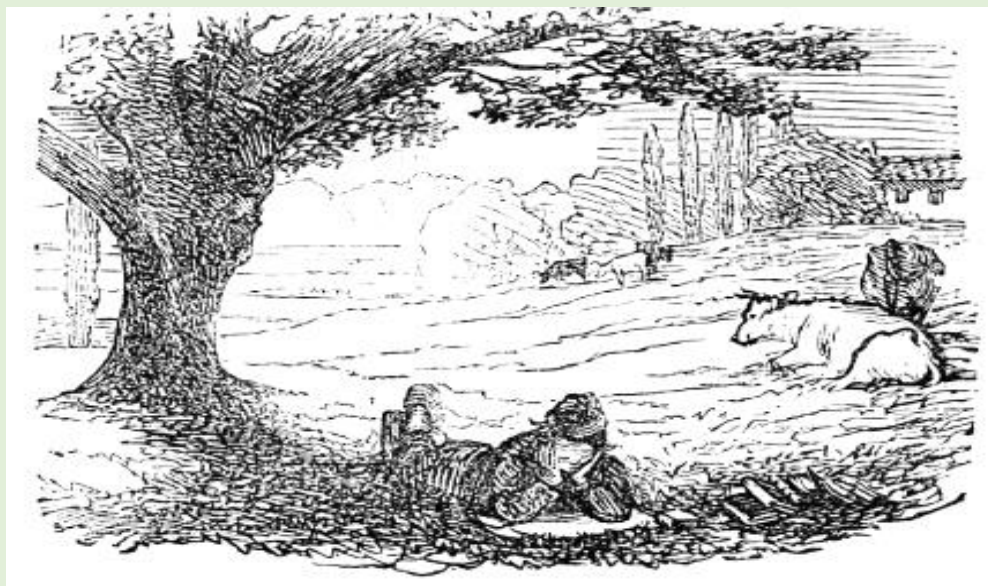
Со двора доносятся крики, возня. А ещё через минуту машина, дважды просигналив, уезжает, разбрызгивая грязные лужи так и не прекратившегося дождя.

Из сборника рассказов «На картошку», Кемерово, 2015

Рассказы

Щепотка земли

Не очень-то весёлой была жизнь простых людей в середине 1990-х годов на всём громадном пространстве бывшего Советского Союза. Прежние советские республики разбежались по своим углам, и простому человеку на первых порах радости особой не было: работали много – зарабатывали не очень. А жить как-то надо.

Немало проблем водилось в те времена и в Баку – столице благословенного Азербайджана.

Не случайно в те времена немало лихого народа на Кавказе промышляло всяческими авантюрами, в том числе – и незаконными. Поэтому у старшего помощника главной прокуратуры страны Эльшана работы был непочатый край – делами, которые требуют прокурорского надзора, он был завален, как говорится, по самые уши. Он часто до поздней ночи засиживался над бумагами, нередко добираться домой ему приходилось затемно по пустынным бакинским улицам.

Но ещё в молодости он стал хорошим следователем. А теперь, среднего роста, коренастый и крепкий, слыл человеком не робкого десятка и ночных улиц не боялся. И свой «египетский труд» любил больше всего на свете, из-за чего иной раз забывал даже про еду. В общем, отдавался своей профессии без остатка и в будни, и в праздники. Коллеги часто шутили, что домой Эльшан ходит только для того, чтобы вздремнуть и снова приняться за работу...

Вот и сегодня он возвращался со службы за полночь. Календарь уже отсчитывал первые числа октября, а ночи в Баку ещё стояли по-летнему тёплые. Но Эльшану было не до погоды, он желал только одного: поскорее добраться до своей холостяцкой кухни, чего-нибудь перекусить – во рту кроме пустого чая за целый день не было и крошки – и завалиться спать.

Ему оставалось преодолеть безлюдный ночной проспект, где гоняли лодыря едва теплившиеся уличные фонари, свернуть в проулок и через тёмный колодец проходного двора выйти к своему подъезду, как неожиданно прямо посреди дорожного перехода его нос, чуткий, как у большинства некурящих, ухватил вкусный запах свежее испечённого хлеба.

Эльшан «тормознул» прямо на «зебре». У него аж слюнки потекли, так захотелось откусить краешек свежей – недавно из печи – хлебной горбушки, и, недолго думая, он свернул в сторону киосков, которые неясной цепочкой тянулись вдоль улицы.

Над одним из киосков тускло горела лампочка, а за закрытой дверью тонкий слух Эльшана уловил звуки и какое-то движение. Но, главное, растекающийся по улице ароматный дух, без сомнения, зарождался именно здесь, что подтверждала и интернациональная вывеска с азербайджанским названием «сӱгӱк», а также русским словом «Хлеб».

Эльшан подошёл поближе и осторожно постучал по двери костяшками пальцев. Внутри киоска мгновенно всё стихло, однако отпираться ночному посетителю никто не торопился. Конечно, можно было развернуться и уйти, всё же так хотелось почувствовать вкус хлебной корки, что он решил проявить настойчивость и несколько раз громко бухнул по двери кулаком. Звук получился такой силы, что его можно было услышать на противоположной стороне спящего проспекта.

Дверь тут же распахнулась, и в освещённом проёме показался молодой – лет восемнадцати – высокий парень с чёрной курчавой шапкой волос на голове и смешно торчащими ушами приличного размера. Он был в длинном белом фартуке, из-под которого выглядывали штанины тёмных джинсов, на босых ногах красовались шлёпанцы. Глаза цвета переспелой сливы и вообще всё его лицо, увенчанное большим носом, выражало явное недовольство, всегда возникающее у человека, которого внезапно оторвали от важного занятия. Но увидев перед собой человека в костюме приличного покроя, белой рубашке и галстуке, с большим портфелем в

руке, парень тут же смягчился и почтительно пробормотал: «Гамарджоба...» и что-то ещё, и сразу же – по-русски:

– Добрый вечер, батоно...

– Хлеб есть? – без лишних церемоний спросил Эльшан, не обращая внимания на настроение молодого человека.

– Диах, – утвердительно тряхнул тот своими кудряшками. – Пури только из печи...

– Сколько стоит? – Эльшан бросил на парня суровый взгляд.

Юноша смущённо опустил глаза и назвал цену в азербайджанских манатах и зачем-то – в центах.

– Хорошо, – кивнул Эльшан. – Согласен.

Парень сунул руку куда-то позади себя и достал хлебную лепёшку, больше похожую на продолговатый, раздувшийся с одного бока, каравай.

– Давай! – потянулся за хлебом Эльшан.

Но молодой продавец спрятал хлеб за спину и молча воззрился на ночного покупателя.

– Что ты тянешь резину?! – не выдержал Эльшан. – Человек с утра ничего не ел! Дай мне хлеб, клянусь, я заплачу...

– Вай... У нас так не принято. Я вас не знаю, – недоверчиво покачал головой парень. – Мометси пули... Сначала деньги, потом хлеб...

– Понял! – хохотнул Эльшан. – Ты же начинающий капиталист! Держи свои деньги, – и отсчитал несколько бумажных купюр.

– Да, батоно, – лицо парня растянулось в широкой улыбке.

Он, не считая, спрятал деньги в карман фартука и отдал хлеб покупателю.

– Да, я – грузин, – юноша произносил русские слова с хорошо знакомым Эльшану акцентом. – Только родился и вырос в Азербайджане. Здесь живут мои родители. Это они научили меня продавать незнакомым именно так: сначала – деньги, потом – товар.

– Интересное несовпадение, – Эльшан отломил от ещё горячей лепёшки кусок с поджаренной золотистой корочкой и принялся с аппетитом уплетать её. – Я бы даже сказал, зеркальное. Я азербайджанец, а родился и вырос в Грузии. Учился в тбилисской школе. Университет окончил в России, много лет там работал. А теперь живу в Баку. Борюсь с теми, кто

обманывает людей и государство... – коротко изложил он свою биографию.

– Вот как?! – удивился парень. – Бодиши! Извините меня, батано! Прошу, не сердитесь! Могу я предложить вам чаю? Пожалуйста, загляните в нашу пекарню.

Парень отступил назад, приглашая его. «Почему бы нет...», – решил Эльшан и вошёл внутрь киоска. Помещение освещала обыкновенная, ничем не прикрытая лампочка. В дальнем углу расположилась печка, похожая на обычную буржуйку. Только здесь главный инструмент пекаря имел более широкую плоскую основу. На печном фасаде разместились две вместительные дверцы. За одной из них теплился огонь, вторая была открыта, видимо, из её горячего нутра совсем недавно вынули готовый хлеб.

Горка свежих лепёшек лежала на подносе на узком столике у печки. На другом, широком, засыпанном мукой, столе, что помещался возле крохотного, забранного железной решёткой оконца, лежало металлическое блюдо, на котором высился большой ком сырого теста. Несколько кусков теста поменьше ждали своей участи рядом на доске. У другой стены был ещё один стол с посудой для чая, с одного бока к нему примыкал маленький диванчик, с другого – два деревянных стула.

– Садитесь, батано, – парень по-хозяйски подвинул гостю диван, поставил чашку и из белого фарфорового чайника плеснул в неё зеленоватую жидкость. – Чай свежий, я недавно заварил... – и сел на стул напротив.

Эльшан опустился на край дивана и осторожно откинулся на спинку. Положил на стол оставшуюся лепёшку, отхлебнул зелёного чая и огляделся. Несмотря на огонь в печи, жары в помещении не чувствовалось. Лишнее тепло улавливал сооружённый под потолком купол. Разглядывая его, Эльшан заметил на стене икону с тёмными ликами Богоматери и младенца.

– Есть вино, – отвлёл его от изучения обстановки молодой пекарь. – Отцу привозят из Кахети, зелёный виноград Кахури Мцване. Попробуйте, не пожалеете, батано!

– Нет, – решительно отказался Эльшан. – Не хочу. Я всегда пью в меру. А сейчас ночь, а мне рано утром на работу...

– Я тоже не очень люблю пить, – парень произнёс это так, будто обрадовался отказу гостя. – Хотя вино хорошее... А вы где работаете, батано? – поинтересовался он.

– Тебя как зовут? – вместо ответа спросил Эльшан.

– Бесарион, – юноша произнёс своё имя с гордостью.

– Ого! – Эльшан постарался вложить в это слово побольше восхищения, чтобы немного потрафить молодому человеку. – А работаю я в прокуратуре...

Бесарион с новым интересом глянул на ночного гостя:

– Вайме! Интересная у вас, батано, работа. Расскажите о ней хоть немного?

– Да что про неё рассказывать, – Эльшан снова принялся за лепёшку. – С утра до ночи грязь разгребаю, да такую, что и говорить неохота.

– Знаешь что? – немного подумав, произнёс он. – Вот ты не хотел дать мне хлеб прежде, чем я тебе заплачу. Странно, но эта ситуация напомнила мне один давний случай, о котором мне когда-то рассказал мой дед. Вот об этом, если хочешь, могу тебе поведать...

– Конечно, хочу, батано! – воскликнул юноша. – Говорите. Я буду молчать и слушать, слушать и молчать!

– Хорошо, если никуда не спешишь, – кивнул Эльшан и сел поудобнее. – Слушай. Эта история приключилась едва ли не сто лет назад. Точнее, в самом начале прошлого века. Время было трудное. В России громыхала революция – там в больших городах сооружали баррикады, шли перестрелки. А их отголоски отдавались на Кавказе. В результате один мальчишка по имени Исмаил в четырнадцать лет остался без родителей. И жил у родственников в деревне Геурарх, которая в те времена числилась в Борчалинском уезде. Это на юге Грузии. Недалеко город Сарван, сейчас его называют Марнеули, а от него и до Тбилиси километров сорок.

Бесарион молча кивнул, знаю, мол.

– Сразу скажу тебе, – уточнил Эльшан, – население этой деревни было азербайджанским, – он, не торопясь, доел лепёшку и запил чаем.

Парень во все глаза смотрел на рассказчика и терпеливо ждал продолжения.

– Можно сказать, – Эльшан вытер ладонью губы, – что наш мальчишка батрачил на своего богатого родственника. Дом у родни большой, двор и

сад – ещё больше. Семье по хозяйству помогало немало работников – нашлось место и ещё одному.

С раннего утра до позднего вечера Исмаил пас скот. Он слыл послушным, работающим и честным пастушком. В жизни обходился тем, что имел, ел то, что дают. Да и не забалуешь у дяди Гусейна, таким тот был суровым...

– Если Гусейн и улыбался, то только по праздникам, – пошутил Эльшан.

В пекарне на мгновение воцарилась тишина. Слышно было, как по ночной улице проехал одинокий автомобиль, и как Бесарион торопливо перевёл дыхание.

– Мальчишка нравился хозяину, – продолжил Эльшан. – Худой, как тростинка, зато лёгкий на подъём, работы не чурается. Но хозяин вида парнишке не подавал и не баловал его. В те времена вообще не баловали детей. Не то, что сейчас. Но вот однажды...

Однажды глава семейства позвал мальчика к себе. Тот мигом прибежал в хозяйские покои и смиренно склонился перед дядей.

– Даю себе серьёзное задание, – строго вымолвил дядя. – Завтра утром погонишь в Сарван тёлку, которую я выбрал, и продашь её там на рынке. Цену скажу тебе утром. А сейчас ступай, работай. Да не проспи, встать надо пораньше...

После этих слов парнишка плохо спал ночью – всё боялся проспать. Волновался очень сильно, ведь никогда в жизни ему не приходилось самостоятельно продавать скот. Не дай Аллах подвести дядю...

Чуть забрезжило над холмами Яглуджи утро, Исмаил открыл ворота дядиного двора и выгнал корову на каменистую пыльную дорогу.

– Топать оттуда пешком до города – не близко, скажу я тебе, – покачал головой Эльшан. – С десятков километров. Но парнишка шагал быстро, да и тёлка оказалась шустрая.

На базаре уже было полно народу. У нашего продавца то и дело рот раскрывался от удивления. Торговая площадь представляла собой замечательное зрелище. Отовсюду сюда стекались люди. Это была пёстрая, разноязыкая, шумная толпа желающих продать свои товары или приобрести себе необходимое. Торговцы громко кричали, зазывая покупателей. Чем только там не торговали! Предлагали всё: дрова и шерсть, деревянные трубки и чубуки, войлоки, овчины и бурки. Шкурки

ягнят – только чёрного цвета. Груды глиняной и железной посуды лежали прямо на земле. На раскалённой от солнца почве покоились развёрнутые ковры, по бокам лёгких палаток висели разноцветные платки, различная одежда и обувь.

Перед глазами шедшего вдоль торговых рядов мелькали то мёд с воском, то сыр и соль, то шёлк и полотно, то серебряные украшения.

Среди фруктовых развалов высились полные персиков корзины, лотки с изюмом и виноградом, корзинки поменьше с разными фруктами, мешки и мешочки с диковинными пряностями, короба с вкусными лепёшками и другой едой. Жилистые, загорелые мужчины торговали в этом месте весело, охотно шутили с покупателями. Их надетые набекрень папахи производили на мальчишку хорошее впечатление.

Зато там, где предлагали лошадиную утварь, сёдла и оружие – кинжалы с искусной вязью тонкого рисунка на блестящем металле и всевозможные ножи – продавцы были суровы и молчаливы. Косматые папахи почти скрывали неулыбчивые лица горцев.

Следом шли ряды с зерном – пшеницей и ячменём. За ними, у длинной коновязи, стояли верховые лошади и лошади с бричками. Меж высоких лошадиных спин что-то мирно жевали быки, запряжённые в повозки. Из-за крутых бычьих боков выглядывали унылые морды осликов.

Везде звучали самые разные, непонятные порой, наречия жителей Кавказа. Часто слышалась русская речь. После строгого дядиного двора базар показался Исмаилу нескончаемым праздником с разными чудесами. Он с удивлением увидел, например, как малым разновесом для пряностей и другой мелочи становится обыкновенное куриное яйцо, услышал, как люди торгуются до хрипоты в глотках и, кажется, готовые вот-вот вцепиться друг в друга, вдруг радостно ударяют по рукам, удачно совершив куплю-продажу.

Скотом торговали на самом краю площади – сбывали лошадей, овец, крупный рогатый скот. Громче всех здесь заявляли о себе непрерывным блеянием многочисленные овцы. Изредка визгливо покрикивал худосочный ишак, то ли жалуясь на свою долю, то ли пытаясь усмирить овечий гомон.

Сюда-то и привёл Исмаил тёлку. Он огляделся, поставил её недалеко от пары каурых скакунов и принялся поджидать покупателя...

Однако ждать пришлось долго. Время шло, солнце палило нещадно. А дело у нашего пастуха не двигалось с места. Пару раз подходили к нему люди, узнавали цену, цокая языками, оглядывали тёлочку и отходили восвояси. Паренёк обливался потом, однако не снимал войлочную шапку с головы, а с плеч – безрукавку из овечьей шкуры. Лишь висевшую за спиной котомку стянул и положил на землю рядом с собой.

Когда светило перевалило за полдень, стало ещё жарче и суше. Едва заметный горячий ветерок разносил запахи сена и свежего навоза. Парнишка, заметив, что соседние продавцы скота принялись жевать свою снедь, достал из своей котомки небольшую бутылку, завёрнутую в тряпицу лепёшку и кусок овечьего сыра. И с удовольствием стал поглощать их, запивая тёплой водой.

Тёлка, почуяв запах хлеба, медленно повернула к нему рогатую голову. В её большом, наивном, широко раскрытом задумчивом глазу угадывался немой вопрос, однако Исмаил не обращал на неё внимания. Ему хотелось как можно скорее и лучше исполнить дядино поручение. Но проходили часы, а задание – вот оно – молча стояло рядом с ним и не двигалось с места. На юного продавца медленно и неуклонно надвигалось отчаянье.

И вот вечерним часом, когда тень ближней горы коснулась базарной площади, к нему подошли двое строгих мужчин. Один из них: лет пятидесяти, стройный, грозный на вид, – безусловно, был главным. На его смуглом от загара волевом лице выделялись седые усы. Седина выбивалась и из-под высокой чёрной папахи. Поверх нарядного бешмета на нём была тёмная длинная черкеска с газырницей по обе стороны груди, ряды «патрончиков» украшали серебряные наконечники. На поясе покачивался кинжал, ножны которого отделали серебром. На плече у главного покоилась винтовка. А его широкую бурку нёс в руках молодой помощник-слуга. С почтительным видом он шагал следом за хозяином.

Не обращая внимания на продавца, они придирчиво осмотрели тёлку. Мальчишка с тревогой смотрел, как незнакомцы трогают рога, щупают вымя, похлопывают животное по бокам.

– Сам понимаешь, – усмехнулся Эльшан. – Кинжал и винтовка – серьёзные аргументы. Да и откуда пацану знать, что у них на уме... Но, когда у него стали спрашивать о цене за животину, мальчишка обрадовался. Ну вот, думает, может, наконец-то, повезёт...

Исмаил снял шапку и поклонился старшему:

– Салам! – говорит. – Гамарджоба! – добавляет на всякий случай.

– Дядя сказал продать её за... – назвал он цену и глянул в цепкие глаза горца.

Услышав стоимость тёлки, господин в высокой бурке кивнул слуге и коротко произнёс:

– Покупаю...

Потом переложил винтовку с одного плеча на другое и приказал пастуху:

– Выводи её на дорогу...

Тот накинул животине на рога верёвку и потянул её с базара. Когда все они вышли на дорогу, господин ещё раз тщательно осмотрел покупку.

– Скажи же, чья это тёлка? – он так строго потребовал у Исмаила подробностей, что пастух начал заикаться.

– М-мы из с-села Геурарх, – отвечает. – Имя хозяина Гусейн. Это мой д-дядя...

– Хорошо, – отозвался покупатель, достал из кармана большой носовой платок и встряхнул его, расправляя на раскрытой ладони.

Потом наклонился, ухватил с края дороги щепотку серой земли, осторожно высыпал её в накрытую платком ладонь и, завязав в узелок, подал его мальчишке:

– Отдашь Гусейну...

Исмаил, как замороженный, смотрел на его действия, не понимая, что происходит. Слуга забрал из рук пастуха конец верёвки, чтобы увести тёлку.

– А где деньги, господин? – испугался Исмаил. – Что я скажу дяде Гусейну? На лице покупателя заходили желваки, его глаза почернели от гнева.

– Живо бери платок и иди домой! – почти выкрикнул он, резко повернулся и быстро пошёл в сторону города. Слуга потянул за ним упирающуюся тёлку.

А растерянный Исмаил не мог сдвинуться с места, продолжая молча смотреть на удаляющуюся короткую процессию. По щекам мальчишки потекли слёзы. В этот момент покупатель остановился, повернулся к пастуху, крикнул: «Иди сюда!», – Исмаил бегом кинулся к нему.

– Скажешь дяде Гусейну, что пока у меня денег нет. Скажешь, что через шесть месяцев я его найду и отдам деньги. Клянусь! А хорошая тёлка мне сейчас очень нужна! И не потеряй этот узелок, отдай ему...

И они ушли восвояси.

– Что бы ты сделал на месте Исмаила, Бесарион? – Эльшан покрутил в руках чайную чашку.

Бесарион пожал плечами и промолчал.

– То-то же! – Эльшан забарабанил по столу костяшками пальцев. – Исмаил сильно испугался. Очень уж грозный вид у мужчины, а говорил он так, будто приказы отдавал. Да ещё – винтовка, кинжал. К тому же, их двое, да взрослых. Как ты с ними справишься?! Ситуация, прямо скажу, непростая.

Исмаил плакал возле базарных ворот. На глаза набегали непрошеные слёзы, и он размазывал их по лицу грязными пальцами. К нему подходили люди, спрашивали, в чём его беда, пытались успокоить. Парнишка никого не хотел слушать и ни с кем не говорил. От безысходности в его голове созрел страшный план. Ему казалось, что дядя не поверит и не простит его, что неудачная сделка покроет его имя позором. Он видел лишь один выход: свести счёты с жизнью, чтобы спасти свою честь.

Дорога, по которой он прибыл в Сарван, шла мимо реки Алгети. Он пришёл на её берег, сложил на земле свою одежду и обувь, котомку и шапку. В шапку сунул тот самый узелок, который дал ему покупатель. И шагнул с камня в воду, желая утонуть. Он надеялся сразу же пойти ко дну, однако не вышло. Холодная, как лёд, вода обожгла его разгорячённое тело и так вытолкнула на поверхность, что он как пробка выскочил обратно на берег. Но река и умыла его, и привела в порядок его мысли. «Будь, что будет, – решил пастух. – Расскажу дяде, что случилось. Пусть он поступит со мной так, как сочтёт нужным».

С этим он вернулся в деревню и честно изложил всё дяде Гусейну.

– Конечно, он боялся наказания. Представь себе: и тёлки нет, и денег нет, – развёл руками Эльшан. – Но, к сильному удивлению Исмаила, дядя выслушал его спокойно, забрал у него узелок незнакомца, ненадолго задумался и сказал: «Хорошо. Иди и займись своими делами...».

И наш парнишка опять стал с раннего утра до позднего вечера пасти коров и овец.

Прошло немало времени – минуло несколько месяцев. Долгую осень сменила зима, а после холодов в Геурархскую долину пришла восхитительная весна с травами, цветами и неповторимо свежим воздухом Кавказа.

В тот весенний день, когда к нему прибежал запыхавшийся друг, Исмаил был на пастбище. Али ещё издалека крикнул, что его срочно призывает дядя Гусейн. Оставив стадо на попечение друга и собак, пастух со всех ног помчался к дому. В дядином дворе стояли две чужие засёдланные лошади. Вкусно пахло жарившимся мясом.

– Что так долго? – ворчливо встретил его у входа старый дядин слуга. – Иди в дом. Да побыстрее. Ишь ты какой, дядя с гостем должны его дожидаться! Исмаил ринулся на мужскую половину дома. Вбежал в большую комнату и остолбенел: за большим, покрытым узорчатой тканью, круглым столом, на самом почётном месте – рядом с дядей – сидел тот самый покупатель тёлки. Он был в нарядном бешмете. Папахи на нём не было, он пил чай и широко улыбался, оживлённо беседуя с дядей. Увидев паренька, мужчины замолчали и подняли на него глаза.

– Саламин хардадыр? – строго спросил дядя. – Где твоё приветствие?

– Салам алейкум, эми, – торопливо склонил перед дядей голову Исмаил. – Салам алейкум! – повернулся он к гостю.

– Ладно, племянник, – неожиданно позвал его дядя. – Садись рядом, гардаш оглу, – и показал, куда надо сесть. – Барана уже зарезали. Скоро будем кушать и отмечать покупку той тёлочки. А пока пей чай... – и дядя подтолкнул к нему стеклянный стаканчик.

Пастух робко приблизился к столу и осторожно уселся возле мужчин. Ему было не очень-то уютно в первый раз сидеть за хозяйским столом. Однако в душе он ликовал, ведь покупатель тёлки, как и обещал, явился-таки к дяде. Значит, у этой истории – хороший конец! И тот худой осадок, который нет-нет, да и напоминал ему об этой истории, окончательно растворился...

– Представляешь, Бесарион? Гость привёз с собой бурдюк вина, чтобы обмыть покупку! – Эльшан звонко щёлкнул пальцами. – Но азербайджанцы – жители села – по древней исламской традиции вино не пили. Я хорошо помню, как у моего деда глаза желтели от гнева, если он

слышал, что кто-то из односельчан употребил хоть каплю спиртного... Однако не мог же Гусейн обидеть гостя!

А в том селе, и многие его жители знали об этом, проживала пара человек, которые изредка позволяли себе пригубить «зелёного змия». Гусейн послал за одним – его не оказалось дома. Хорошо, что второго нашли, и вскоре он восседал за богато накрытым праздничным столом и вместе с гостем угощался вином и едой.

На славу накормили и Исмаила. Парнишка, наверное, никогда в жизни так вкусно не едал. А когда он насытился, облизал жирные после баранины и плова пальцы и собрался помечтать о том, как хорошо было бы отвалиться на подушки, чтобы немного отдышаться, – дядя Гусейн снова отправил его на пастбище, промолвив при этом: «Знай, Исмаил, дядя ценит тебя, но и ты цени дядю. И помни старую пословицу: «На шею телёнку одна верёвка нужна...».

– Вот такая история, парень, – Эльшан легонько хлопнул Бесариона по плечу. – Извини за длинный рассказ. Надеюсь, ты всё хорошо понял?

И он пристально посмотрел на пекаря, стараясь уловить в его глазах ответ на свой вопрос.

– Не совсем, батона, – Бесарион отвёл глаза в сторону. – Прошу вас, растолкуйте...

– Ну что же, – согласился Эльшан. – Деньги в сделке очень важны, но самое главное всё-таки не они. Главное – это слово мужчины. Оно – гарантия, что договор будет исполнен. Такое слово сильнее бумаги! А если он говорит тебе: «Клянусь!», – и скрепляет своё слово землёй своей родины, такой мужчина умрёт, а условие выполнит. Это – дело чести, а честь на Кавказе превыше всего!

– Диди мадлоба! – вскочил Бесарион, – Большое спасибо, батона! Пожалуйста, возьмите ещё хлеба. Я за него денег не возьму.

– Это тебе спасибо, парень, – улыбнулся Эльшан. – Ты меня приветил, напоил чаем. А лепёшку я не возьму. Мой сегодняшний ужин уже состоялся, благодаря тебе. Спозаранку мне надо на службу. А к завтрашнему вечеру хлеб зачерствеет. Лучше я завтра загляну и возьму свежий.

– Может, завтра ещё поговорим? – с надеждой спросил хлебопёк.

– Может быть, – уклончиво ответил бывалый прокурор. – Доживём до завтра, видно будет.

Он встал, привычным движением застегнул пуговицы на пиджаке и вышел в тёплую бакинскую ночь...

Из цикла «Кавказские истории», Кемерово, 2021 г.

Деревенский эскорт

– Ребята, мы п-приехали п-помогать вам! – голос Михаила Ефимовича дрожал и срывался. – Нам з-завтра рано вставать! П-прошу, уезжайте!

С всклоченной от сна головой он стоял в пол-оборота возле большого – от пола до потолка – окна сельского клуба в ярком свете мотоциклетных фар, которые чётко высвечивали его, невысокого и худого. Но на противоположной стене помещения тень от его фигуры в хлопчатобумажном трико с оттянутыми «пузырями» на коленях выглядела несуразно огромной, а в сочетании с тенью от переплёта оконной рамы выглядела так, как будто большой гоблин находится за решёткой камеры. Видимо, за окном это тоже заметили. Раздался громкий пьяный смех деревенских парней.

– Девчонок давай, урод! – крикнули с улицы. – А то мы сейчас и окно, и тебя в клочья разнесём! – и там снова раздался гогот, больше похожий на ржание застоявшихся жеребцов.

Именно это угрожающее ржание и подстегнуло Егора на безрассудный шаг: он неслышно скользнул на пол со сцены, которая служила постелью всему их студенческому отряду, и не спеша вышел на освещённое пространство. Подтянул сползающие джинсы, одёрнул свитер, протяжно, несколько картинно зевнул, постукивая ладонью по широко раскрытому рту, потом сладко потянулся, высоко вскинув вверх руки, и спросил спокойно и равнодушно.

– Как дела, парни? – и, не дожидаясь ответа, сообщил деревенским. – А девчонок здесь нет, их же поселили в школе. Сам управляющий отделением их охраняет. А в клубе только парни спят. Надеюсь, парнями не интересуетесь?

Незванные гости на улице враз загомонили, не разберёшь, о чём. Егор напрягся в ожидании продолжения разборки. Но её не последовало. Кто-то крикнул, перекрывая остальных: «Ладно, Митяй, едем отсюда!» Послышались звуки, которые издаёт мотоцикл, если по рычагу кикстартера ударить ногой. Один за другим затарахтели моторы, в окне бестолково заметался свет фар отъезжающих «железных» коней. И в небольшом, набитом девчонками зрительном зале сельского клуба после яркого света снова стало темно.

...Первокурсник Егор не успел проучиться и недели с начала сентября, когда на общем собрании им объявили, что вечером следующего дня весь их курс направляют на месяц в село.

– Надо помочь крестьянам в уборке урожая, – строгим голосом объявил притихшим «первогодкам» слегка взъерошенный декан филфака Василий Николаевич.

Он нервным движением чуть ослабил тугой узел галстука, оправил полы серого пиджака и, опустив глаза в пол, проворчал что-то вроде: «Чёрт бы их побрал!» А, может, Егору это только послышалось, потому что декан поднял голову:

– Прошу вас поработать хорошо, без замечаний, – он помолчал, вглядываясь в лица студентов, сидящих в передних рядах длинной узкой аудитории. – Наш факультет всегда хвалили за сельхозработы. Не посрамите наших традиций, – декан снова опустил взгляд, переступил с ноги на ногу, а, когда опять посмотрел на студентов и привычным движением пятерни пригладил зачёсанные назад тёмно-русые волосы, его круглое, простое с крупными чертами лицо осветила хитроватая улыбка. – За учебный процесс прошу не беспокоиться. Вернётесь, будем нагонять пропущенные занятия...

В самый первый день студенческой жизни всех сокурсников Егора – больше ста человек – разделили на группы. Парней на курсе оказалось всего восемь, с тремя из них Егор попал в одну группу.

От девчоночьих лиц рябило в глазах, но он сумел с этим справиться, ближе познакомившись с новыми друзьями. Самого высшего из их компании звали Евгением. Они с Егором были одногодками и с первых дней быстро сблизились.

Тех, что постарше, звали Олег и Александр. Оба, как и Егор, среднего роста. Александр попал на филфак, сменив учёбу в вузе соседнего региона на вуз, что ближе к своим родным, проживающим где-то в окрестностях областного центра. Ездить к ним было неблизко. Поэтому он и иногородние Егор с Евгением поселились в одной комнате университетского общежития.

Олег тоже уже успел поучиться в политехе, но понял, что это – «не его», тяга к гуманитарным наукам и написанию стихов взяла верх. Он жил с родителями рядом с университетом. После занятий заходил в общагу – в гости к парням, но всегда торопился вернуться под родительский кров.

Всего в их группе было человек тридцать. Однако в деревню поехали далеко не все. На удивление, многие сумели представить деканату справки о хилом здоровье и получить освобождение от помощи сельскому хозяйству страны. Чтобы заполнить брешу в студенческих рядах, деканат решил усилить их группу девушками из группы номер один.

Здесь все студентки были в «возрасте». Ну, то есть, им было не меньше двадцати, и пришли они учиться филологии после окончания «рабфака».

Тогда, в «семидесятые», поступление в вуз через «рабочий факультет», а вернее, через подготовительное отделение, где надо было проучиться год, считалось в порядке вещей. Этим правом пользовались те, кто поступал в универ, да не прошёл по конкурсу, затем, поработал год на производстве – в городе или в селе. После окончания рабфака их зачисляли на дневное обучение без вступительных экзаменов.

Девушки из первой группы казались семнадцатилетнему Егору старыми, не достойными его молодого внимания. В ответ Егор получил от них прозвище – Сынок. Так его стали называть смешливые рабфаковки в плацкартном вагоне поезда, который уносил их в ночь на север области.

– Едем в один из совхозов... – вот всё, что сообщил им Михаил Ефимович, немногословный руководитель их объединённой группы – молодой преподаватель с кафедры литературы. – Приедем, посмотримся.

В вагоне студентки вели себя шумно, пели песни, украдкой попробовали креплёного вина, закусывая домашней снедью. Парни тоже вносили свой вклад в общее возбуждение: и вина выпили, и песни пели. Евгений тренькал на потрёпанной гитаре, которую взял с собой. А вскоре выяснилось, что на инструменте умеет играть и Александр. Егор с Олегом с чувством подпевали своим новым товарищам – песни Высоцкого, Визбора, Окуджавы, Антонова и про белых медведей. К ним в купе набилось столько народа, что уже яблоку упасть негде.

– Потерпи, сынок, – оборвала вздохи Егора по поводу тесноты стройная чернявая девица из первой группы. – Мы же не на всю ночь. Скоро уйдём, – девчонки ехидно захихикали.

Егору хотелось съязвить в ответ, тем более вино придавало храбрости. Однако Александр тронул его за плечо: «Да пусть сидят, не связывайся...». И Егор замолчал, только покраснел, смутившись.

А «Сынок» с тех пор к нему прилепился. Ту девицу, что так его нарекла, звали Наташей. Она сидела в обнимку с невысокой, тоже черноволосой девушкой, которая также звалась Наташей. Их ещё на рабфаке прозвали Наташа-большая и Наташа-маленькая. Маленькая хихикала на слова подруги громче всех и бросала на Егора лукавые взгляды.

«Вот старухи», – недовольно жмурился Егор, но пришлось терпеть это соседство до тех пор, пока далеко за полночь их компанию не разогнал по полкам проводник вагона.

...Ранним утром, сонные и неумытые – в вагоне не оказалось воды – они вышли на перрон небольшой станции с названием Яя, что тут же улучшило их настроение. Будущие учителя русского языка под неистовый хохот начали гадать, как называют местных жителей. Веселье оборвал Михаил Ефимович, он быстро пересчитал студентов и велел садиться в открытый кузов грузовика, который поджидал их на привокзальной площади. Они побросали в кузов вещи, потом начали взбираться туда сами.

Через несколько минут машина выкатила за пределы Яя, промчала гомонящих пассажиров по щебёночному отрезку пути и плавно съехала на мягкий от пыли просёлок. Утро было прозрачно-солнечным, обещая тёплый день. Большой, нестерпимо яркий диск небесного светила уже оторвался от горизонта и изо всех сил посылал свои лучи вдогонку грузовику. А остывший за ночь воздух холодными струями бил в лица.

По обеим сторонам дороги тянулись бесконечные поля со жнивьем или неубранным ещё овсом, картошкой, другими непонятными городским жителям посевами. Мимо проплывали тронутые желтизной берёзовые колки с высокой травой, на линии горизонта они, казалось, сливаются в сплошной лес. Но вслед за движением машины этот призрачный лес отодвигался всё дальше, распадаясь на светлые рожицы.

За машиной тянулся длинный, густой шлейф пыли. Грузовик то и дело подбрасывало на просёлочной дороге. Девчонки всякий раз дружно громко ахали, но лихой водитель не обращал на это никакого внимания, гнал себе дальше, выжимая из двигателя всё, на что он способен.

Вдалеке показалась деревня, рядом с которой блеснула плавным изгибом река. Теперь хорошо было видно, что деревенская улица тянется вдоль её низкого берега. Слева от деревни, на поле, возвышались бетонные коробки коровников. А прямо по курсу приближались жилые дома.

На улице грузовик чуть сбросил ход, под лай собак проезжая мимо огороженных высокими заборами, потемневших от времени деревянных жилых построек, бань и сараюшек. «Трудно разглядеть, какая там идёт жизнь», – думалось Егору.

Машина свернула на центральную улицу. Здесь под выходящими на фасад окнами каждого дома имелась простенькая скамейка: укрепленная на чурбаках доска. Занавески в окошках наглухо задёрнуты, зато из труб на крышах тянулись белые дымы.

Позади осталось одноэтажное здание школы с прилепившейся к нему с одного бока вытопанной поляной, по краям которой стояли футбольные ворота. Разновозрастные пацаны с утра пораньше уже гоняли чёрный мяч. Скоро выехали на небольшую деревенскую площадь. Грузовик так резко тормознул возле бревенчатого дома с красным флагом на крыше, что мотор тут же заглох, а всех, кто сидел в кузове, едва не выбросило на землю. Возмущённые девчонки заорали на водителя, а тот, высунув в окно кучерявую светлую голову с улыбкой от уха до уха, в ответ несколько раз нажал на клаксон.

Рядом с входной дверью в дом висела выгоревшая от солнца вывеска, на которой разборчиво читалось лишь слово «отделение». После автомобильного гудка дверь распахнулась, и на низкое крыльцо не вышел, а буквально выкатился похожий на колобка человек невысокого роста и

неопределённого возраста. Он был в мятом тёмном костюме, чёрной рубашке и тёмно-грязных брюках, заправленных в кирзовые сапоги. Голову покрывала замусоленная кепка, надвинутая на самые уши, отчего те оттопырились, придавая ему несколько комичный вид. Он бросил себе под ноги окурок папиросы, тщательно затоптал его каблуком, выдохнул остатки дыма и радостно прокричал:

– Привет, студенты-помощники вы наши! Рад встрече! Ждём вас, не дождёмся! С уборкой у нас тяжело, вся надежда на вас! – на этом он, кажется, исчерпал своё красноречие и вытер губы рукавом пиджака.

По мере того, как пассажиры покидали кузов, толпа вокруг крыльца разрасталась. Девчонки иронично рассматривали местного начальника. А тот с интересом посматривал на приезжих в ярких «городских» куртках, джинсах, симпатичные головы многих девушек украшали непривычные местному глазу модные короткие стрижки.

– А как вас зовут? – первой не выдержала Наташа-большая.

– Семёном, – ответил тот и приосанился. – Семёном Семёновичем. Я управляющий местным отделением совхоза «Яйский»...

– А деревня ваша как называется? Не Яйской, надеюсь? – не унималась Наталья.

Девчонки захихикали, уловив иронию подруги.

– Мальцевой называется, – широко улыбался Семён Семёнович. – Деревня Мальцево, – поправился он. – С девятнадцатого века здесь стоит. А речка наша зовётся Золотой Китат...

– А чем мы конкретно заниматься будем? – перебила его Наташа-маленькая.

– Сегодня размещайтесь, а завтра с утра поедете в поле. Турнепс рвать будете.

– А что это такое? – спросила стоявшая ближе всех к управляющему высокая, крепкая, миловидная на лицо студентка Галина, которая смотрела на него сверху вниз.

Семён Семёнович поднял на неё свои бледно-голубые глаза, и они вспыхнули неподдельным интересом:

– Это репа такая, только крупная. Коров ею кормим, моя хорошая, – у него даже кончик носа зашевелился от удовольствия. – Давай я тебя бригадиром назначу?!

– Неа, – засмеялась Галина. – У нас уже есть, – и она одной рукой рывком выдернула из толпы Михаила Ефимовича и вытолкнула смущённого преподавателя на середину круга.

И пока руководители под смешки девушек знакомились и жали друг другу руки, Егор выкрикнул:

– А жить где будем?

Он с остальными парнями стоял в стороне от крыльца. Олег, единственный из их четвёрки, нервно курил сигарету с фильтром, остальные оказались некурящими.

Управляющий объяснил, что жить им предстоит в местном клубе. Там у них собрания проходят, по выходным – фильмы и танцы. «А какие сейчас танцы? Уборочная! – разводил руками управляющий. – Мы вам на сцене полатья соорудили с матрасами, одеялами. А вот подушек нет. Извиняйте... Все удобства на дворе, там и умывальни, и печь есть, обед, ужин и завтрак сами готовить будете. Столовой у нас нету. А повариха в отделении одна, механизаторов в поле кормит».

– Кто у вас варить умеет? – спросил он у Михаила Ефимовича.

Тот лишь плечами пожал.

– Я могу! – выступила вперёд невысокая полненькая дивчина с русой косой, ямочками на розовых щеках и с крохотными голубыми серёжками в ушах. На ней была короткая нейлоновая куртка, синие джинсы обтягивали её формы.

– Как зовут, моя хорошая? – восхищённо посмотрел на неё управляющий.

– Тамара...

– Как устроишься, приходи сюда, Тамара. На склад пойдём. Крупу будешь получать, овощи, мясо, баки, посуду... Сам всё тебе объясню, до клуба всё доставлю. Завтрак будешь варить, ведь кушать, поди, хотите? Приходи, не бойся.

– А я и не боюсь! – повела плечом Тамара. – Чего мне бояться?

– Ладно, шучу... – радостно улыбался Семён Семёнович. – До ночлега с полкилометра. Садитесь в кузов, Витёк подбросит, – управляющий неожиданно залихватски свистнул.

В ту же минуту из кабины показалась кудрявая голова.

– Чево, Семёныч? – басовито спросил Витёк и обвёл глазами толпу студентов.

– Не надо нас подбрасывать, – заявила Галина. – Он нас уже подбросил. Пусть наши вещи довезёт, а мы пешочком пройдемся. Правда, девочки? – те одобрительно загудели.

– Как хотите, ваше дело, – согласился управляющий. – Вообще, Витёк будет с вами постоянно работать. Он не только на машине, он и на тракторе может. В поле будете на нём ездить, урожай на нём вывозить...

Грузовик мигом умчался. А они не спеша двинулись по безлюдной деревенской улице, освещённой не по-осеннему ярким солнцем. Впереди быстро вышагивали парни, Олег – в сапогах, а Александр, Егор и Евгений – в ботинках. За ними поспешал Михаил Ефимович, следом растянулись шумной цепочкой девчонки. Когда проходили мимо очередного дома, собаки за забором заливались лаем на разные голоса. Егор замечал, как в окнах колыхались занавески, выглядывали любопытные лица, мелькали неясные силуэты жильцов.

Пару раз дорогу перед студентами торопливо перебежали селянки – в одинаковых серых фуфайках, тёмных длинных юбках, под которыми мелькали голяшки коротких резиновых сапог, головы повязаны цветными платками. На гостей местные старались не смотреть. Хотя с каждой из них девчонки громко здоровались, те, не глядя, кивали, бормотали в ответ неразборчиво и быстро исчезали за калитками.

– Смотрите, гусей сколько! – Евгений показывал на белое, как молоко, гусиное стадо, «текущее» живой лентой впереди по курсу их движения. Лента то сужалась, то расширялась – в неё «вливались» новые птицы из соседних подворий – и плавно сворачивала за дом, в сторону реки.

– Я давно их заметил, – деловито откликнулся Александр. – Там Витёк на машине только что проскочил и даже не тормознул. Птички едва успели в стороны разлететься. Идём быстрее, чует моё сердце...

Он резко прибавил ходу. Парни едва поспевали за ним, оставив далеко позади остальных. Когда приблизились к гогочущей, важно

вышагивающей птичьей толпе, Александр радостно крикнул: «Есть!» – и рванул вперёд, разгоняя гусей, не обращая внимания на их грозно вытянутые шеи и шипение. Он наклонился и подхватил с земли безжизненную птицу с неестественно вывернутым крылом.

– Будет нам сегодня ужин! – обрадовался Евгений.

– Вы что?! Оставьте! – догнал их запыхавшийся Михаил Ефимович. – Вдруг хозяева увидят!

– Ну уж, нет, – твёрдо сказал Александр. – Это наша добыча, и мы её сегодня съедим!

– Причём, с большим удовольствием, – хохотнул Евгений.

– Кто не хочет, может не есть, – по-деловому добавил Егор.

А Олег многозначительно ухмыльнулся.

Евгений быстро снял с себя куртку и протянул Александру, тот прикрыл ею гуся. До клуба было уже рукой подать...

Они долго и тщательно осматривали каждый угол вверенного им деревянного помещения. Клуб был небольшой, состоял из зала со сценой, аккуратного крылечка со сбитой из крепких плах дверью с надёжным кованым крючком, тёмной кладовой или, смотря как на неё взглянуть, комнатой для артистов: тут был свален разный хлам, к стене прибито некое подобие стола, а на стене висело зеркало.

Едва ли не половину фасада здания занимало единственное окно – размером почти от пола до потолка. Оконный переплёт из мелких квадратов издалика делал его похожим на решётку. Но зато из окна открывался потрясающий вид на речную излучину, берега которой густо поросли тальником. Под окном стояли две скамьи, а земля возле них была усыпана шелухой от семечек.

Никакой мебели в здании не было. Зато освещение, хоть и тусклое, но имелось. Спать всем предстояло на сцене, где местные умельцы соорудили невысокий настил, заваленный видавшими виды серо-полосатыми матрасами, рядом с настилом возвышалась стопка тёмно-синих шерстяных одеял.

– Так, пацаны! – та самая миловидная Галина взяла за руки Егора и Александра. – Идите во двор, там похозяйничайте, а мы тут с девочками всё устроим. И она вытолкала их на воздух через заднюю дверь.

Заросший травой, неширокий клубный двор был обнесён глухим забором, который скрывал студентов от посторонних глаз. Со двора на улицу вела калитка. В дальнем углу имелось неказистое сооружение с двумя входами с противоположных сторон. На одном извезью была намалёвана буква «ж», на другой – «м». На задней стене клуба висело несколько железных умывальников. Ещё во дворе красовался стол из длинных строганных досок, укреплённых на вкопанных в землю обрезках брёвен, вдоль стола – лавки для едоков. Недалеко стояла кирпичная печь с чугунной плитой и двумя конфорками, прикрытыми плотными металлическими кружками. Рядом высилась приличных размеров поленница берёзовых дров.

Олег с Михаилом Ефимовичем быстро набили печную топку дровами и чиркали спичку за спичкой, безнадёжно пытаюсь поджечь. «Вот досада, – брюзжал Олег, жмурясь от дыма своей сигареты. – Сейчас Тамара с продуктами вернётся, а мы тут возимся...».

- Дайте, я попробую, – Егор вырос в своём доме и хорошо знал, как это делается.

Он вынул из печи все дрова, оторвал несколько кусков берестяной коры, сложил накрест горкой в топке. Кора занялась сразу от первой спички. Он дождался, когда огонёк окрепнет и пристроил к нему пару самых мелких сухих полешек. Когда и те занялись пламенем, добавил сверху поперёк ещё пару поленьев потолще. Они тоже быстро разгорелись. Вот тогда Егор натолкал внутрь столько дров, сколько вошло.

...Тамара принялась варить кашу. «Дело привычное, – весело сказала она. – Я же из деревни. На полевом стане кашеварила».

Парни помогали ей, как могли. Натаскали в большой бак воды из колодца, который был прямо на улице, недалеко от клуба. Следили за печью, тёрли тряпками доски стола, резали ароматные хлебные буханки, перемывали железные миски, ложки и кружки, раскрыли несколько банок говяжьей тушёнки.

Из клуба то и дело выбегали девчонки, хохотали, радуясь жизни, болтали о своём. По команде Наташи-большой все выложили на стол остатки домашней еды: здесь оказались помидоры, куски курятины, варёные яйца, ломти колбасы и сыра, булочки.

– Жрать хочется, – глядя на всё это, не выдержал Евгений.

Парни согласно вздохнули.

– Через десять минут будет готово, – обнадёжила их Тамара. – Зовите всех руки мыть и – за стол, – во дворе нестерпимо вкусно запахло гречневой кашей.

Всем мест за столом не хватало. Михаил Ефимович предложил завтракать в две смены. Но все дружно начали возражать: слишком уж у студентов разыгрался аппетит. Так что кто-то ел кашу сидя, а парни и часть девчонок с удовольствием употребляли её стоя. И еда от этого казалась вкусней.

Егор доел вторую порцию, хлопотал себя по плоскому животу:

– Не могу больше! Спасибо, Тамара! – с кружкой горячего чая он отошёл в сторонку.

– А я не откажусь от добавки, – Евгений протянул хлопочущей у плиты покрасневшей от печного жара, поварихе пустую миску. Та поварёшкой зачерпнула каши из бачка и вернула ему полную посудину.

– И мне, – подошёл Александр.

Насытившийся Олег сидел прямо на траве возле печи, курил сигарету, поглаживал наметившиеся усы и, прикрыв глаза, бормотал что-то типа: «Та-та, та-та. Ти-ти-та-та». Егор с удивлением наблюдал за необычным поведением товарища. Олег, словно почувствовав его взгляд, встряхнулся, вскочил на ноги, вынул сигарету изо рта и громко продекламировал:

– Как у нашей у Тамары

По серёжке в каждом ухе.

А всего серёжек пара,

Как и крылышек у мухи...

Девушки, которые сидели поближе, заплодировали. А кто подальше, удивлённо переспрашивал о причине рукоплесканий у тех, кто слышал этот творческий «всплеск». Тамарины щёки заалели ещё сильнее. И от избытка чувств она объявила:

– На обед сварю борщ, и кашу доедать будете!

– А на ужин? – спросили за столом.

– Погодите, с ужином есть предложение, – Александр взял спрятанного в траве гуся и поднял над головой.

Разговоры сразу смолкли. «Вот это дичь!» – ахнул кто-то...

После обеда студенты разбрелись по деревне, по берегу, дышали запахом трав в ближней роще. Среди берёз рабфаковки курили сигареты «Родопи» и «Стюардесса».

А Александр, Егор и Евгений, а также обе Наташи и Галина разыскали магазин с вывеской «Сельпо» и за пять минут убедили выдавшую виды светлоглазую, курносую продавщицу Клавдию, как она представилась, продать им спиртное. Продавщица «растаяла» после пятого комплимента, которые Саша выдавал ей как из пулемёта. В магазине кроме них никого не было.

«Управляющий запретил торговать вином, чтобы не отрывать мужиков от уборочной», – сообщила она, восхищённо вглядываясь в мужественное лицо Александра.

Но вино в магазине имелось. Клавдия шмыгнула в подсобку и вынесла плотно запечатанную жестяной крышкой трёхлитровую банку с этикеткой на боку. Она протерла этикетку полой серого халата и повернула к покупателям. «Яблочное», – вслух прочитал Егор. – Крепкое плодово-ягодное».

– Берём три банки, – прикинул в уме Александр.

Деньги они собрали с группы заранее. Клавдия дала им авоську из чёрной крепкой материи, и, по-прежнему не сводя глаз с Александра, томно сказала: «Заходите ещё...». «Обязательно, Клава», – серьёзно пообещал тот продавщице.

...Ясный солнечный день сменился на тёплый сентябрьский вечер. В клубе готовились к ужину.

Тамара, которой помогал Олег, тщательно ошипала, опалила и выпотрошила гуся, сняла с него кожу и убрала желтоватый жир. Веса в птице оказалось килограммов пять. Повариха решила изрубить её на кусочки и приготовить тушёный картофель с мясом. Сначала она обжарила эти куски прямо на дне бака, потом долила туда воды и примерно час варила их. За печью следил Олег.

В это время добровольцы из числа девчонок чистили и резали картофель, морковь, свеклу. Обсуждали, как можно вкусно приготовить гуся: с яблоками, с рисом и черносливом, с гречневой кашей, с квашеной капустой, с ананасом. Рецепты сыпались со всех сторон.

– Так! – решительно остановила Тамара этот кулинарный поток. – Всё! Гуляйте пока. Дальше я сама, – и она посмотрела на Олега. – А за печью надо следить...

Ужинали до глубокой темноты, вино заедали тушёной картошкой с гусятиной. Разливали Александр с Евгением. Михаил Ефимович начал было возмущаться, но быстро пошёл навстречу коллективу, а когда в его кружку плеснули пахучего напитка цвета янтаря, даже выдал тост: «За успешную уборку урожая!»

Рабфаковки, заметил Егор, с интересом разглядывающий соседок, активнее прикладывались к своим кружкам, чем студентки из их группы.

Тамара не скрывала удовольствия, наблюдая, как подружки уплетали её стряпню. «Мне бы жаровню, яблок...» – пьяненьким голосом начинала оправдываться она.

– Молчи, стряпуха ты наша! И так вкусно! – тут же успокоили её.

После того, как солнечный диск исчез за деревенскими огородами, птицы на речном берегу сразу затихли. Но следом, будто лампочка, засветился яркий серп нарождающейся луны. Над задней дверью клуба зажгли свет, который выхватил из сумерек только одну сторону стола. С другой стороны застолье подсвечивали угольки из открытой печной топки.

Девушки с рабфака курили, уже не скрываясь. К ним осторожно присоединялись девчонки из другой части начавшего складываться общего женского коллектива.

Атмосфера была самая дружелюбная. Когда приступили к чаю, Александр милостиво разрешил девушкам называть себя просто Сашей.

– А Саней можно? – спросила Галина.

– Можно, но не желательно, – усмехнулся Александр.

– Тогда меня можете Женей называть! – радостно призвал Евгений.

– А ты, чего молчишь, Сынок? – подковырнула Егора Наташа-большая.

Девчонки захихикали, а Егор обиженно отвернулся от компании...

Скоро начали укладываться на ночь.

Постели были, конечно, примитивные. Но выбирать не приходилось. Матрасы разложили на сцене в два ряда. Вместо подушек кое-кто положил свёрнутые куртки.

Девушки ещё днём определились с местами ночлега. Мужской половине постелили в углу сцены, отделив их постели от девичьей части свёрнутым в трубку матрасом. Парни стали препираться – кто будет спать с «девичьего края». Все так отчаянно протестовали, что Егор не выдержал: «Ладно, давайте, я...». С другой стороны свёрнутого матраса расположилась худенькая белокурая Света из Егоровой группы. По этому поводу сразу же понеслись остроты и смешки.

– Смотри, Сынок!

– Светик, если что, не молчи!

Но Егор сжал зубы и решил не реагировать...

Вскоре в клубе раздавалось только мерное сопение и нервное всхрапывание новосёлов.

Егор долго не мог заснуть – сказывался полный впечатлений день. И он вертелся с боку на бок на жёстком неудобном ложе. Однако усталость взяла своё, и он окунулся в какой-то странный сон, где ярким солнечным днём он едет с отцом на мотоцикле по лесной дороге. Отец сидит за рулём, он – на заднем сиденье, ещё кто-то примостился в люльке. Но кто это, Егор не может понять, отвлекает лесная дорога, полная ям и ухабов. Егор подсказывает отцу, как лучше их объехать. Потом начинает внимательно присматриваться к пассажиру. Только он так и не успел его узнать, потому что внезапно проснулся.

И сразу же вспомнил, где находится.

За окном громко трещали мотоциклетные моторы, а их «спальня» была ярко освещена фарами. Потом к окну подошёл Михаил Ефимович в своём ночном наряде. Моторы сразу стихли, и преподаватель дрожащим голосом начал уговаривать непрошенных гостей. А после того, как деревенские захохотали и потребовали девчонок, иначе обещали разнести окно, Егор краем уха услышал, как испуганно пискнула его соседка и почти неслышно запричитала: «Ой-ё-ёй...».

Он вздохнул: была – не была, шагнул в освещённое пространство и не столько словами, сколько своим внешним спокойствием убедил местных парней, что девушек в клубе нет.

Когда шум моторов затих вдалеке, кто-то громко хлопнул в ладоши, и сразу же десятки рук как по команде заплодировали. Оказывается, все

давно уже проснулись и, затаив от страха дыхание, наблюдали за развитием событий. Спальня галдела на все голоса:

– Ну, Сынок!

– Ну, молодец!

– Смело!

– Главное, как спокойно он их!

– Девочки, он нас спас!

– Да, ладно, – вяло отшучивался Егор. – Я же не один был, а с Михаилом Ефимовичем. Он был первым переговорщиком...

– Не скромничай! – хлопал его по плечу Саша. – Молоток!

Парни вскочили с мест, окружили Егора, жали ему руки.

– Всё! – оборвал радостный ажиотаж Михаил Ефимович. На этот раз в его голосе прозвучала твёрдая металлическая нота. – Всем спать! Забыли, что завтра вставать рано?

Залезая на четвереньках в свою постель, Егор повернулся к соседке:

– Спокойной ночи...

– Ага... – слышался тихий ответ.

Но всё же они долго не могли заснуть – шушукались, хихикали. Наконец, ночной морфей снова заключил студентов в свои объятия.

...Разбудил Егора ярко-малиновый свет солнечного диска, который медленно выдвигался из-за горизонта со стороны реки. Сочный солнечный зайчик через окно заглянул в их скромную обитель, осветил угол, в котором спали парни. Егор посмотрел на свои наручные часы – седьмой час, он поднял голову и осмотрелся. Саша с Женей ещё спали, постели Михаила Ефимовича и Олега были пусты, и девчонки тихо сновали туда-сюда.

Егор спустился со сцены в зал.

– Доброе утро, спаситель! – громко поздоровалась с ним Наташа-маленькая, остальные девушки приветливо улыбались.

Егор вышел во двор. Тут было по-утреннему зябко, от здания клуба через весь двор тянулась длинная тень, на траве блестели капли влаги. А со стороны реки неслась такая сложная и звонкая птичья музыка, что, казалось, туда слетелись птахи со всех окрестностей.

У печи колготился Олег, помогая Тамаре готовить завтрак. Из двери с буквой «м» вышел Михаил Ефимович, кивнул Егору и, поёживаясь от холода, сказал: «Надо всех поднимать, скоро приедет машина», – и шмыгнул в клуб.

Егор тоже пошёл по нужде, обратив внимание на небольшую очередь к букве «ж».

– Как выйду, – сказал он очереди, – можете занимать мужскую половину.

– Ну тебя! – засмутились девушки.

Студенты едва успели проглотить кашу с горячим чаем, как с улицы раздался автомобильный сигнал. По деревенской улице опять «тёк» к реке белый гусиный ручей. На этот раз Витёк вёл грузовик медленно, осторожно разгоняя недовольно гогочущее стадо.

До поля с турнепсом было километра четыре. С одной стороны его окаймляли белоствольные берёзы, их осенним золотом была усыпана дорога, по которой шёл грузовик. Другим концом поле упиралось в высоковольтную линию электропередачи, её железные мачты-великаны тянулись вычурной стройной цепью до самого горизонта.

На краю поля студентов поджидал худой высокий мужчина в длинном до пят дождевике, кирзачах и фуражке с широким козырьком, скрывающим половину лица с вислыми седыми усами. Казалось, пригревшее уже солнце его не достаёт. Когда все, беспрестанно переговариваясь, выгрузились, и грузовик укатил в деревню, он неожиданно зычным голосом приказал:

– Прошу подойти ко мне для получения наряда!

Первым к нему порысил Михаил Ефимович, следом подтянулись студентки, парни, по обыкновению, держались в стороне.

– Я бригадир полеводов, – представился высокий. – Сегодня будете убирать турнепс...

– А завтра? – саркастически перебил кто-то.

– И завтра тоже будете его убирать, – он тяжело вздохнул и посмотрел поверх голов на поле. – Будете работать здесь до тех пор, пока всё не повыдергаете. Предлагаю разбиться на «пятёрки», растянуться вдоль поля. Работать надо качественно, корнеплоды не пропускать, рвать всё подряд. Вот так, – он наклонился и без особых усилий вытянул из земли у себя из-

под ног крупный – сантиметров на сорок – бело-розовый плод, похожий на большую редиску или на продолговатую репу с крепким кустом ботвы. – Ботву удаляем, – бригадир с хрустом обломил зелёный вершок. – Овощи складываем в бурты, то бишь, в кучи. Каждое звено – клади в свою кучу. В полдень придёт трактор с телегой. В неё загрузите урожай. Вопросы?

– А как мы, товарищ бригадир, нашими женскими ручками эту работу делать будем? – выступила вперёд рабфаковка Галина.

– Правильный вопрос, – из-под кепки не было видно бригадирских глаз. – Я вам верхонки припас. – Он отвернул полу дождевика и вывалил на землю охапку рукавиц...

В «пятёрке» Егора или, как он назвал, «сентябрьской звёздочке», работали две студентки из его группы, а две другие – с рабфака. Из одноклассниц к нему попали соседка по ночлегу Светлана и стройная брюнетка Татьяна в стильной ярко-красной куртке и красных резиновых сапожках. Она ласково взяла парня за локоть: «Поработаем!» А Наташа-большая и Наташа-маленькая сами к нему напросились: «Пусть Сынок нами командует. Заслужил...». Они споро принялись за дело.

В «пятёрке» слева был Евгений, справа – Александр, которого девчонки уже наперебой звали «нашим Саней». Дальше борьбу за урожай вели звенья Олега, Михаила Ефимовича, а в звене Галины на два человека было больше, чем у всех.

Сначала все рвали турнепс и складывали в одну кучу у дороги. Но когда продвинулись вглубь поля, решили, что у каждой «звёздочки» будет своя куча. И начали соревноваться.

Егор приглядывал за соседями, поторапливал своих, чтобы резвее бились с овощем. Скоро сняли с себя не только куртки, но и свитера с кофтами, а кое-кто из девчонок и футболки скинул, оставшись в купальниках. Благо, солнце грело по-летнему. Тёплый ветерок взметал пыль вдоль дороги.

В купальниках работали и обе Натальи. Егор старался не смотреть в их сторону, а сам, стесняясь, футболку не снял.

После полудня со стороны деревни послышался звук мотора, и вскоре на краю поля остановился заляпанный засохшей грязью трактор «Беларус» с телегой. В кабине красовался всё тот же Витёк. А за высокими бортами телеги с улыбкой от уха до уха сидела Тамара.

– Обедать будем? – перекрикивая звук мотора, звонко крикнула она.

– Будем! – заорали голодные студенты.

– Тогда помогайте... Олег! – поманила Тамара своего добровольного помощника.

Из телеги на землю спустили термосы с борщом, кашей и какао, мешки с посудой и хлебом. Тамара прихватила с собой одеяла, начала расстилать их на траве.

– Погодите-ка, – вмешался Витёк. – Сначала урожай загрузим, а потом обедайте. А то, я знаю, поедите, расслабитесь, и мне до вечера погрузки не дожждаться. Как, старшой, принимается? – повернулся он к Михаилу Ефимовичу.

Тот кивнул, соглашаясь. Голодный народ обступил ближайшую кучу турнепса, и начал швырять увесистые корни в телегу. И тут Егор краем глаза отметил, что Витёк ухватил за руку Наташу-маленькую и потянул в сторону. Улыбаясь, она шагала за ним. Шофёр положил ей руку на голое плечо и начал что-то шептать на ухо. Лицо девушки залила краска, она резко отпрянула от парня и отвесила ему пощёчину. С гордо поднятой головой вернулась Наташа к работе.

Похоже, на этот инцидент никто, кроме Егора, не обратил внимания. Раздосадованный Витёк, потирая щёку, поплёлся к трактору, мотор взревел, и железный «конь» резво рванул к новой куче корнеплодов...

Потом, когда все, сидя на одеялах, съели первое, второе и, неторопливо переговариваясь, попивали какао, Егор подсел к Наташе-маленькой. «Смело ты ему врезала! – негромко похвалил он девушку. – Что он тебе сказал?»

– А как ты думаешь? – взъерепенилась та, снова зардевшись. – Кобель деревенский!

– Ты чего? – повернулась к ней Наташа-большая.

– Да, ладно, потом, – отмахнулась та от подруги.

Вечером Витёк приехал на поле на грузовике. Студенты закрыли ботвой собранные после обеда кучи турнепса и полезли в кузов. Егор наблюдал за водителем, а тот вёл себя, как ни в чём не бывало, с интересом поглядывая из кабины на девчонок.

...На скамейке возле клуба сидели трое местных парней в спортивных олимпийках «Адидас», выдавших виды кроссовках и лузгали семечки.

Рядом стояли два мотоцикла «Минск», который в народе именовали «козлом».

Парни, как на подбор, были русоволосыми, светлоглазыми. Что скрывалось в их давно не стриженных головах, не угадать.

– Эй! – крикнул тот, что казался постарше. – Городские, ну-ка, подойди!

Испуганных студенток, будто пылесосом, быстро всосало внутрь клуба. Михаил Ефимович оторопело смотрел на застывших у входной двери студентов.

– Что будем делать? – тихо, будто сам у себя, спросил Женя.

– Подойдём, – закипятился Олег. – Если что, драться будем! Нас пятеро!

– Четверо, – уточнил Александр. – Ефимыча втягивать нельзя... Значит, так. Вы стойте здесь, а я пойду и поговорю.

– Я – с тобой, – предложил Егор. – Думаю, они не драться пришли. Отношения хотят выяснить.

И они вдвоём пошли к деревенским.

Александр первым протянул руку тому, кто их окликнул, представился:

– Александр, можно просто Саша. А это Егор, – кивнул он на товарища.

– А меня Яковом зовут, – заулыбался деревенский. – Можно просто Яшей. Мои парни – Иван и Васёк! – отрекомендовал он своих.

Настроение у всех стало благодушным. Местные предложили студентам семечек, и Александр с Егором с удовольствием принялись их лузгать. Молчание нарушил подоспевший Олег:

– Какие претензии, парни? – он демонстративно поднял руки к лицу и с силой сжимал и разжимал кулаки.

Деревенские слегка отпрянули, а Саша приобнял Олега за плечи:

– Спокойно, Олег, семечек хочешь? Парни угощают, – те с готовностью поделились угощением.

Тут и Евгений пришёл:

– Здорово, мужики! Меня Женей зовут.

Вот так они и перезнакомились, и разговор потёк уже сам собой: про урожай и про погоду. Наконец, Яков обратил внимание на одинокую фигуру Михаила Ефимовича, который стоял в отдалении, ковырял землю носком ботинка и посматривал в их сторону.

– А этот чего не подходит? – показал пальцем на него Яков. – Мы его узнали. Он ночью переговоры вёл...

– Его трогать не надо, у него выбора не было, – сказал Егор. – Это наш преподаватель.

– Тебя я тоже узнал, – Яков с усмешкой смотрел на Егора. – Ловко ты нас надул, смело. Уважаю! Мы же школу проверили – там никого. Митяй предлагал вернуться, разобраться с тобой. Да наши отказались. Мы думали, одни девчонки приехали. А тут вы...

Немного посмеялись, вспоминая ночные события. Потом Александр спросил:

– Чем вы тут вечерами занимаетесь? Или помираете со скуки?

– Ты что! – наперебой загалдели местные. – На мотоциклах гоняем, музыку слушаем, на гитаре играем, бывает, как вчера, домашней «бормотушкой» балуемся, в волейбол играем.

Саша встрепенулся, услышав про волейбол:

– Может, сыграем? Например, завтра вечером?

– Не вопрос! – сразу согласился Яков. – Только мы вас легко «сделаем», без обид...

– Какие обиды? – перебил Александр. – Только не говори «гоп», пока не перепрыгнешь.

– Как это? – не понял Иван.

– Молчи, деревня! – Яков хлопнул товарища по спине. – Поедем уже, – сказал он, резво вскакивая на ноги.

– Погоди, – остановил его Егор. – У вас в деревне общественная баня есть?

– Зачем? – не понял тот. – У нас в каждом дворе баня, по субботам.

– Ну вот где с поля сейчас помыться? – Егор наклонил голову, пятерней начал тереть волосы, с которых посыпалась набившаяся за день пыль.

– А-а, – понятно протянул Яков. – Помыться? Вон река, вода ещё не сильно холодная. Мойся, сколько хочешь.

...Егор сунул кусок мыла в плавки и опасливо вошёл в реку. Следом осторожно нащупывали дно Александр с Евгением. Скотившееся с небесной макушки солнце коснулось верхушек далёких деревьев, и его косые лучи наполняли речную долину сиянием. От этого вода отсвечивала расплавленным золотом. «Вот почему Золотой Китат!» – шурился Егор.

Он набрал в лёгкие побольше воздуха и нырнул. Парни последовали его примеру. Минут пятнадцать они плавали, громко отфыркиваясь и хохоча. Течение здесь было небыстрым и не мешало им плескаться. В прозрачной воде хорошо виделся каждый донный камешек. Метрах в ста выше по течению, скрытые береговыми кустами, так же шумно резвились в воде девчонки.

Потом замёрзшие парни убежали в клуб, и Егор остался на речке один. Он тщательно намылил голову и тело и окунулся в воду. Прополоскал футболку и отжал её на берегу. Надел на мокрое тело брюки и свитер и помчался к себе.

...Через пять дней с турнепсом было покончено. Всё это время стояла великолепная погода. Правда, ночи становились всё холодней, днём же раздевались и загорали прямо на работе. Прибавлялось золота на деревьях, но в эти по-летнему яркие дни жёлтая краска не вызывала грусти.

Вечерами играли с местными в волейбол на площадке возле школы. Городские очень волновались, когда вышли играть в первый раз: деревенские тренируются вместе не один год, а студенты сообща никогда не играли. И хоть эту игру Егор хорошо знал по школьным соревнованиям и даже очень прилично распасовывал, тут ситуация была иная – у соперников численное мужское преимущество да в родных «стенах».

Капитаном у студентов безоговорочно стал Александр. Он ещё во время работы на поле начал подбирать игроков. Все парни, само собой, автоматически вошли в первый состав, кроме Михаила Ефимовича. «Нет, – сразу ответил он на предложение. – Не играл и не буду позориться. А вам запретить не могу. Сыграйте... Они вас, конечно, обыграют...».

– Ну, это посмотрим! – возмутился капитан зарождающейся команды. – Вы ещё поболтайте за них!

Он отбросил в сторону огромный овощ и пошёл по «пятёркам» выяснять, кто из девчонок умеет играть в волейбол. Через полчаса пять-шесть девушек согласились сразиться с деревенскими. Александр взял их на заметку, однако пока к четырём мужским единицам решил добавить только Галину и Наташу-большую.

В тот вечер вернувшийся с поля грузовик со студентами возле клуба поджидал посыльный. «Цыкнув» свозь зубы слюной в дорожную пыль,

стриженный под ноль паренёк лет тринадцати подошёл именно к Александру, безошибочно угадав в нём старшего по команде. С важным видом протянул ему руку и важно так произнёс:

– Меня к вам Митяй послал, предлагает сыграть. Наши ждут возле школы.

– Беги, передай: через полчаса будем, – Саша развернул паренька в сторону улицы и легонько подтолкнул.

Вечернее купание и ужин решили отложить. Новоиспечённые участники команды быстро ополоснулись под умывальниками, девчонки переоделись в чистые футболки, и студенческая сборная торопливо понеслась по деревне.

У домов на скамейках сидели хозяева и хозяйки в неизменных цветастых платках и громко обсуждали новости с соседями. При студентах замолкали, вежливо здоровались, с интересом приглядываясь к приезжим.

Команда местных стояла кружком на одной половине поляны, разделённой волейбольной сеткой, и лениво перебрасывала друг другу мяч. К школе подтягивалась публика. В основном, ребятня, но были и взрослые. Егор увидел среди зрителей того самого бригадира в неизменном дождевике и фуражке. «Откуда они узнали про игру?», – удивился он.

В деревенской команде главным был Митяй, высокий, широкоплечий, лохматый, лет двадцати. Остальные – Яков, Иван, Васёк и ещё двое парней – рядом с ним выглядели мелковато.

Александр оставил своих на другой половине площадки, сам пошёл к соперникам. Они по очереди пожали ему руку, коротко поговорили и передали мяч. Вернувшись, капитан объяснил стратегию матча:

– Если проиграем, не страшно, не корову проигрываем, – он усмехнулся, глядя в их серьёзные лица. – Да расслабьтесь вы, наконец! Вот ты, Наталья, ведь умеешь играть?

– Да, – озорно тряхнула та короткой стрижкой. – Три года ходила в секцию.

– Ну вот! – тронул её Саша. – Главное, у нас есть команда. Нам дали пять минут на разминку, встали в круг.

Они быстро перепасовывали мяч, чтобы отвыкшие руки почувствовали его упругую поверхность. Глядя на них, зрители начали кричать и свистеть.

– Всё, – остановил тренировку капитан. – Будем начинать.

Возле одного из столбов, к которым было привязана сетка, стояла перевернутая вверх дном бочка, на неё влез судья матча – худющий чернявый пацан. Он звучным голосом объявлял результат и приплясывал от радости...

Первую партию студенты проиграли вчистую. У Егора не шла подача, от Олеговых рук мяч то и дело улетал в аут, Евгений опаздывал к сетке, когда соперники подавали на Митяя и тот, подпрыгнув, вколачивал мяч в зону противника. Александр с Наташей не успевали исправлять ошибки своих игроков. Только на них и держалась игра.

Да ещё солнце било им в лицо. А публика улюлюкала на городских и радостно приветствовала каждое очко Митяя.

На вторую партию они поменялись с соперниками площадками. Косые лучи заходящего светила теперь били в спину, непомерно удлиняя их тени. Пока занимали свои места, Александр настраивал игроков:

– Перестаньте бояться мяча, он не убьёт! И ругать нас не будут! – кричал он. – Среди них нет профессионалов. А мы – команда! – они собрались в кружок. – Соперники играют примитивно, только через Митяя. Женя, надо всё время ставить ему блок. С твоим ростом ты сможешь! Олег, руки держи твёрже, отбивай мяч перед собой. Егор, на подаче подбрасывай выше. Галина, вспомни, ты ведь играла...

Вторую партию они тоже проиграли, но уже достойнее. Как говорится, руки «вспомнили», увереннее стали подачи, а мяч всё дольше «парил» на их половине, не падая. Евгений почти через раз удачно отбивал удары Митяя. Каждый игрок у студентов заиграл надёжнее: под сеткой, в центре, на месте подающего. Да и поддержка помогала: все студентки собрались у школы и орала как сумасшедшие.

– Всё, – заявил Александр при очередной смене площадок. – Третья партия наша! Мы теперь знаем слабые места противника.

И они «взяли» партию, сыграли её азартно, добродушно подшучивая друг над другом при ошибках. Также выиграли четвёртую и пятую партии. И весь матч! Такого волейбола здесь давно не видели.

С того дня играли каждый вечер. Итог очередного матча всегда был за студентами. Деревенские их зауважали...

ЧП случилось, когда, после победы над турнепсом, их группу разделили. Девчонок управляющий направил на уборку картофеля, а парней – на зерновой ток. Утром они все вместе выехали на грузовике. Витёк лихо тормознул у зернотока, который был в полутора километрах от деревни, высадил ребят и, поддав газу, по пыльному просёлку увёз девчонок на картошку.

Парни обошли вокруг плохо заасфальтированной площадки тока, треть которой была накрыта шиферным навесом. На ней рядами высились кучи зерна нового урожая. Несколько хмурых с виду работников подтянули к одной из куч колёсный погрузчик с конвейерной лентой. «Воткнули» конвейер в зерновой бархан, метрах в десяти от него разложили брезент, с десятков рулонов которого валялись на земле.

Та-та-та-та – натужно затарахтел движок погрузчика, конвейер дёрнулся и по нему быстро побежал зерновой ручеёк, веером выплескиваясь на подготовленное новое место. Рабочие деревянными лопатами подкладывали осыпающееся с краев зерно на ленту. В воздухе стояла пыль, сквозняком сдувало в сторону серую мякину. В небе над током кружили стаи голубей, ровными рядами птицы сидели на крыше, лениво поглядывая по сторонам.

– Ну, что? Поняли технологию? – Егор вздрогнул от голоса незаметно подошедшего к ним полноватого мужика среднего роста в фуфайке, неизменных кирзачах и кепке. – Здорово, помощники! Я, Иван Николаич, здесь главный. Берите вон тот погрузчик, – показал он на стоявшую в стороне технику. – И вот этот бурт тоже пересыпьте ближе к навесу. Руки куда попало не суйте и под машины не лезьте, – в две секунды провёл он инструктаж по технике безопасности.

– А зачем это надо? – Егор понимал, что его вопрос звучит наивно.

Но он всегда любил делать то, в чём хоть как-то разбирался. Ожидал усмешки, иронии над городским жителем, который никогда раньше не бывал на току. Однако Иван Николаевич на полном серьёзе начал рассказывать о влажности и засорённости поступающего с поля зерна, и что, прежде чем засыпать в хранилище, его надо подсушить и освободить от шелухи и сора. Делать это надо скорее, «ловить» хорошую погоду, ведь если пойдёт дождь, сушить урожай придётся с помощью сушилок и «соляры».

Тут на ток заехал выдавший виды самосвал марки ЗиС. Вначале он вкатился на весы, потом развернулся, сдал назад, ткнулся в крайнюю кучу и ссыпал в неё золотистые зёрна. Размахивая руками, Иван Николаевич кинулся к водителю...

Работа увлекла парней. Они таскали рулоны брезента, ворочали погрузчик, приноравливая его к своей куче зерна, долго копались, пытаясь завести мотор, «лопатили» зерно, подсыпая его на ленту.

Работа была несложная, но парням она казалась веселей, чем в поле. Да и ясный денёк повышал настроение. Гул работающей техники разносился далеко вокруг. Громко хлопали крыльями то и дело взлетающие в небо стаи птиц. Всё это больше напоминало какой-то необычный праздник, чем трудовые будни.

Обедали вместе с рабочими: ели борщ, разваренную лапшу с мясом, запивая её крепким, сладким чаем. После обеда Иван Николаевич разрешил полчаса передохнуть, и они лежали на тёплой куче зерна, соприкасаясь запылёнными головами. Лениво перебрасывались словами, в смысл которых сонный мозг Егора даже не хотел вникать.

– А-а-а! Лежите-полёживаετε! – они подскочили от вопля Тамары. Дрёму как рукой сняло. – А там наших девчонок чуть не убили!

– Ты откуда взялась?! – испуганно спросил Александр. Ребята таращились на растрёпанную, зарёванную повариху.

Вместо ответа та упала Олегу на грудь и принялась рыдать взахлёб. На крики к ним торопливо начали подтягиваться рабочие, кто-то протянул ей фляжку с водой. Тамара несколько раз хлебнула из горлышка, захлебнулась, закашлялась. И лишь после этого стала понемногу успокаиваться. Через несколько минут, всхлипывая, начала рассказывать:

– Он за нами на тракторе по полю гонялся! Кричал: всех передавлю!

– Да кто – он? – не понимал Егор.

– Кто-кто, Витёк... Пьяный! – у Тамары на глаза опять навернулись слёзы.

– Не плачь, Тома, – ласково гладил её по голове Олег. – Расскажи, как было.

Вздыхая и запинаясь, девушка начала:

– Утром он девчонок на поле привёз, они говорят, всё было нормально. Там картофелекопалка уже ряды подкопала. Я обед в клубе готовлю...

В это утро на поле Михаил Ефимович привычно разделил девчонок на звенья – по пять человек на один длинный картофельный ряд. Разобрали вёдра и принялись соревноваться, у кого куча будет больше. Разогрелись быстро, да и солнышко припекало. Сначала куртки поснимали, потом – и кофты, и свитера, кое-кто – футболки.

Михаил Ефимович ходил по полю и носком ботинка ковырял землю. И если попадался пропущенный клубень, тут же возвращал звено на переделку: «Ничего не оставлять за собой!»

Девчонки над ним подшучивали, делали вид, что сердятся на придирки, начали придумывать картофельные кричалки: «Если есть картошка в доме, будешь сытым целый год!», «Картошку копать, не руками махать!», «Любовь – не картошка, не выбросишь в окошко!»

То одна, то другая приставляли ладонь к глазам, высматривали на горизонте флажок, которым была отмечена дневная норма. Но, как говорится, глаза боятся, а руки делают. Дело неумолимо шло к обеду.

– Витёк подъехал за мной к клубу на тракторе, вроде, как обычно, – Тамара уже не всхлипывала. – Только, вижу, из кабины не вылез. Он всегда выходил, помогал грузить в телегу термосы с едой. А тут сидит, как истукан, даже головы не повернул. Хорошо, на улице пацаны играли. Я их попросила помочь... – она перевела дыхание. – Когда тронулись в сторону поля, я сразу почуяла неладное: трактор виляет, телегу дёргает... Я только успеваю термоса ловить. Думаю, что это с ним, уж не пьяный ли? Кое-как до поля дотерпела. Начали мы с девчонками выгружаться, а Витёк из кабины на землю выпал. Ну, точно, пьяный! А он поднялся и полез к девчонкам целоваться...

Те сначала с хохотом отмахивались от него. А хмельной тракторист не унимался, принялся орать: «Кто со мной в кусты пойдёт, тому будет счастье!» Распахнул объятия и, спотыкаясь и падая, начал гоняться за студентками. Те уворачивались от извивавшегося в земле парня в грязной фуфайке, крутили пальцем у виска: «Сдурел, что ли?! Иди, просппись!»
Пытался увещевать его и Михаил Ефимович:

– Виктор, возьмите себя в руки... – но получил в ответ короткую зуботычину и ретировался.

Витёк всё больше распалялся:

– Ну, с...и, всё равно одну поймаю!.. – но поймать всё никак не удавалось. Тогда он взревел раненым вепрем и, шатаясь, побрёл к трактору, начал отцеплять его от телеги.

Девушки восприняли это как капитуляцию и, сбившись в кучку, принялись помогать Тамаре собирать обед. Никто не обратил внимания, что мотор «Беларуса» затарахтел, железный конь дрогнул и покатился в сторону их полевого стана.

Хватились, когда до трактора оставалось метров двадцать, заорали:

– Стой! Ты что, дурак?! Совсем сдурел! – и с визгом сиганули врассыпную, некоторые просто чудом не попали под колёса. «Всех передавлю!», – кричал тракторист. Трактор на всём ходу пронёсся по расстеленным одеялам, наматывая их на большие задние колёса, разбрасывая по земле чашки, ложки, кружки. Расплескалась из опрокинутых термосов еда.

– Михаил Ефимович, что же это?! Сделайте что-нибудь! Он может задавить нас! – Галина схватила преподавателя за грудки.

Но тот таращился на неё и всё повторял: «Что он делает? Что делает! Нельзя так! Нельзя...».

А трактор, разнёсший в пух и прах обеденный «стол» студенток, притормозил в отдалении и по широкой дуге начал заворачивать в сторону перепуганных девчонок. На тех будто столбняк напал, они замерли и молча следили за этими манёврами широко распахнутыми от страха глазами.

Развернувшись, Витёк остановился, примерился и снова нажал на газ. Девушки начали озиаться в поисках укрытия, но в поле спрятаться негде, а до ближайших берёз не меньше полукилометра.

Трактор быстро приближался, от его жуткого тарахтения и огромных колёс, казалось, не скрыться. Витёк рулил неровно, железный конь вилял из стороны в сторону, будто не мог выбрать, на кого нацелиться. Скорее всего, так и было. И только когда подъехал вплотную к остолбеневшим девушкам, выцелил группу из четырёх человек. Трое из них с диким ором бросились в стороны. И только Татьяна, та самая любительница красного цвета, понеслась вдоль борозды – прямо по курсу движения трактора. Её красный купальник и красные резиновые сапожки, наверное, действовали на пьяного, как красная тряпка на быка. Она бежала так быстро, что,

чудилось, будто летела над полем. Остальные следили за этим поединком, безмолвствуя: кто, раскрыв от ужаса рот, кто, прикрыв губы ладошкой.

Силы были явно не равны, трактор нагонял беглянку и, когда показалось, что его радиатор вот-вот достанет девушку, она споткнулась и упала. Агрегат пронёсся над ней, и помчался дальше. Все, кто видел это, издали вопль. Девчонки со всех ног кинулись к тому месту, где упала Татьяна.

Она лежала в борозде, вытянув руки вдоль тела, уткнувшись лицом в землю, и рыдала в голос. Из небольшой ссадины на правом плече сочилась струйка крови. Девчонки подняли её, поставили на ноги, ощупали – цела. Это было чудом: взбесившийся трактор проехал над ней. «Фашист! – рыдала Татьяна. – Я его убью!..» – Кто-то приложил платок к её плечу. «Ой, ой! Больно...», – заохала та.

А трактор снова развернулся и стремительно приближался. На этот раз девчонки, не ожидая, с визгом начали разбегаться. Мозг пьяного Витька, видно, не смог выбрать следующую жертву. Передние колёса «Беларуса» завияли, его начало мотать из стороны в сторону, трактор опасно накренился и с маху завалился на бок, беспомощно вращая задними колёсами. Мотор заглох, а из кабины показался чумазый Витёк, ступил нетвёрдыми ногами на землю, упал, поднялся. В руках у него была початая бутылка с мутной жидкостью, к которой он и приложился.

– Бей его, девчата! – заорала Наташа-маленькая. Она подхватила с земли крупный белый картофельный клубень, подбежала к парню и со всего маху врезала ему по лицу...

Почти два десятка рассвирепевших девчонок долго «волтузили» пьяного тракториста, катали по земле, пинали, царапали, таскали за волосы. Вначале он сопротивлялся, мычал что-то нечленораздельное, потом, скрутившись калачом и закрыв руками разбитое лицо, затих.

– Какая тут работа?! – всхлипнула Тамара. – Решили пешком идти в деревню, найти управляющего, всё рассказать. Это настоящая уголовщина, покушение... За это судить надо! А меня к вам послали. Егор! – она посмотрела опухшими от слёз глазами на однокурсника. – Некому нас защитить! Бросайте работу, пойдём в деревню. Девочки боятся: вдруг Витёк опять приедет...

Все студентки были в клубе, валялись на матрасах. Лишь Михаил Ефимович стоял у окна и вглядывался вдаль. Управляющего найти не удалось,

контора была на замке. Три малоразборчивых слова карандашом на приклеенной к двери бумажке объясняли его отсутствие: «Уехал в поля».

Студентов обитатели клуба встретили горестными возгласами и всхлипываниями. Татьяна вскочила со своего матраса, кинулась к парням, выставляя вперёд перевязанное плечо: «Вот! Чудом не погибла!»

Тамара с Олегом пошли хлопотать у печи. Александр окинул взглядом это унылое лежбище и позвал:

– Галина, Наталья! – он выразительно посмотрел на Наталью-большую. – Выйдем, нужно поговорить.

– Надо Семёнычу докладную писать, чтобы документ был, – сказал он во дворе. – И заявление участковому. Иначе никто разбираться не будет. Написать надо прямо сегодня, по горячим следам. Найдите бумагу, ручку, решите, кто писать будет. Это, во-первых. Во-вторых, все пережили сильный стресс, если его не снять, могут быть последствия. Поэтому, предлагаю сходить в магазин за плодово-ягодным.

За вином отправились Саша с Наташей-большой. А Егор с Евгением решили, пока есть время, искупаться.

– Правильно, Сынок! – наверное, впервые после жуткой истории улыбнулась Галина. – Я сейчас желающих тоже к речке пригоню, пусть взбодрятся. Только, чур, не подглядывать!

– Больно надо, – хмыкнули парни...

Лучи солнца тысячами ярких вспышек отсвечивали в воде. В прибрежных кустах галдели невидимые птицы. А неподалёку плескались девчонки, повизгивая. Сентябрьская вода бодрила холодком. Парни без лишних слов намылили свои тела, нырнули и быстро выбрались на берег.

Ужинали дольше обычного, вино заедали кашей с мясом. Обедать не было, и проголодавшиеся девчонки просили у Тамары добавки. Та с удовольствием подкладывала им каши. Засиделись до сумерек, толковали только о сегодняшнем происшествии.

Ещё до ужина приходил Семён Семёнович, вначале разговор с ним был бестолковым, каждый торопился высказаться, и все одновременно кричали, не слушая друг друга. Но понемногу успокоились, и тогда слово взял Михаил Ефимович, к удивлению многих, он толково изложил, как развивались события, которые чудом не привели к трагедии.

Александр настаивал, чтобы писать заявление в милицию. А управляющий умолял не делать этого, пощадить одуревшего от самогона парня: «Я с ним сам разберусь, а тюрьма ещё никому не помогала... Он завтра же перед вами извинится... Больше ничего такого не будет...».

Наши люди внимательны, но отходчивы. Девчонки проорались и, в конце концов, решили дожидаться извинений, а там – будет видно. Только Александр остался недоволен их решением. Но за столом после третьей кружки и он махнул рукой: «Поступайте, как хотите, добрые вы... А если бы...».

Ближе к полуночи большинство народа ушло спать. Оставшиеся негромко пели под гитару Евгения. Они сидели вокруг небольшого костра, отблески пламени колыхались на лицах, а нарождающаяся луна заливала двор клуба голубовато-призрачным светом.

Женя «завёл» хитовую песню «Косил Ясь конюшину». Девчонки оживились, весело подтягивали, пели и Олег с Егором. Егор подумывал допеть этот хит и – на матрас, его давно тянуло прилечь.

Когда уже открывал дверь в клуб, его ухватила за рукав Татьяна:

– Ты куда, Сынок? Спать ещё рано, пойдём, покурим, – она помахала перед его лицом пачкой сигарет.

– Я не курю, – попытался отговориться Егор.

Но девушка не думала отступать:

– Так и не кури. Я покурю, а ты рядом посидишь. А то вдруг Витёк снова явится...

– Ладно, – обречённо махнул он рукой. – Посижу.

Через калитку вышли на улицу, неслышно шагая, направились к освещённым луной скамейкам. И тут раздалось: «Ой!» – мимо них в тень стены прошмыгнула и исчезла девушка, Егор не успел разобрать, кто это. Вторая вскочила с коленей сидевшего на скамье парня и голосом Наташи-маленькой ехидно спросила:

– Что, не спится?

– Ага, – кокетливо ответила Татьяна. – Вам, видно, тоже...

Парнями оказались деревенские знакомые Яков и Иван, они как по команде начали смущённо приглаживать волосы, потирать лбы и носы.

– А вы как тут оказались? – задал глупый вопрос стушевавшийся Егор.

– Здравствуй! – Яков протянул ему руку. – Да мы тут каждый вечер с Натой сидим. А что, нельзя?

– Ради Бога, – хихикнула Татьяна. – Сидите... Дело молодое.

– Конечно, – поддержал её Егор. – Но неужели вы пешком стали ходить? Что-то я мотоцикла не слышал.

– Зачем, пешком! Вон наши «колёса» стоят, – махнул Иван рукой через дорогу, где под лунным светом поблескивали металлом два мотоцикла.

– Про Витька-то знаете? – поинтересовалась Татьяна. – Он ведь меня чуть не задавил!

– Да! Гад он последний! – вскочил Иван. – На живых людей трактором! Не сомневайся, парни с ним уже разобрались! Завтра на коленях перед вами стоять будет!

– Сын, – вдруг резко переменяла тему Татьяна. – Ты мотоцикл водить умеешь?

– Конечно, – не задумываясь, ответил Егор. Он, и правда, ещё в старших классах лихо водил отцовский мотоцикл в родном шахтёрском городе.

– Так прокати раненую девушку, – попросила Татьяна.

– Ага, – сразу обрадовался Яков. – Заводи мой, слева. Только краник на карбюраторе открой.

– Милуйтесь, пока мы катаемся, – подмигнула Татьяна.

Мотоцикл завёлся с пол-оборота. Егор оседлал его, убрал подножку, выжал сцепление, включил первую передачу и газанул.

– Чего стоишь? Садись скорее! – крикнул он девушке.

Они понеслись в ночь по мягкой от пыли полевой дороге, желтоватый луч фары выхватывал из темноты то ветки придорожных кустов, то клок соломы на обочине. Иногда мотоцикл плавно проседал на неровностях пути, но Егор не снижал скорости. Стрелка на светящемся у руля кружке спидометра подрагивала возле цифры 100. Прохладный ветер бил в грудь, в лицо и раздувал куртку. От скорости, от этого ветра захватывало дух. В груди Егора kloкотал нескончаемый восторг, он то орал в темноту: «И-хо-о!», то громко пел: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг». Пощады никто не желает!»

Татьяна сидела сзади, крепко обхватив его руками, прижавшись к Егору и шептала время от времени ему в ухо: «Потише... Осторожнее... Не дрова везёшь...».

Егор уже не представлял, где они едут, лишь интуитивно чувствовал, что знакомые поля остались позади. Он притормозил, бросил через плечо попутчице:

– Возвращаемся?

– Как хочешь, – ответила Татьяна, не разжимая рук. – Я бы всю ночь ехала!

Он осторожно развернулся и снова до упора вывернул ручку «газа»...

Когда они вернули «мотор» Ивану и направились спать, возле входа в клуб Татьяна остановила Егора:

– Ты мне даже спокойной ночи не пожелаешь?

– Спокойной ночи, – буркнул он.

Настроение у него внезапно испортилось, ему опять захотелось поскорее улечься на свой матрас.

– Спасибо и на этом, Сынок, – вздохнула девушка.

...А утром Егор проснулся от шёпота дождя, который проникал в их спальню через приоткрытое с вечера окно. В сумерках стрелки на циферблате часов угадывались с трудом, но он сумел разобрать – шёл шестой час. Студенты ещё спали. После вчерашнего ужина в атмосфере улавливался лёгкий запах плодово-ягодных паров.

Егор осторожно ступил босыми ногами на холодный пол, подошёл к окну. По квадратам стёкол там и сям стекали дождевые капли. Небо на восходе затянуло серая мгла. Над скрытой кустами рекой клубился сизый туман. Перемена погоды, дохнувшая в это утро осенним унынием, сразу напомнила, что на дворе середина сентября.

С этого дня все ездили только на картошку.

В то хмурое утро их рабочий день начался позже обычного. Дождь перестал моросить. Студенты уже давно стояли на улице в ожидании управляющего с решением об их дальнейшей деревенской жизни.

Семён Семёнович подъехал к клубу на грузовике, за рулём которого сидел Витёк. Увидев водителя, девушки презрительно загудели: «У-у-у...». Управляющий вылез из кабины и крикнул шофёру: «Вылезай, чего сидишь! Говори, что хотел сказать!»

Витёк на негнущихся ногах вышел к народу. Девчонки окружили его, глянули и начали охать: у водителя вместо лица было красно-синее месиво – нос распух, губы разбиты, глаз почти не видно, на раздувшихся щеках и скулах кровоподтёки, даже уши неестественно торчали в разные стороны. На это измочаленное убожество студентки не могли смотреть равнодушно, жалость зашевелилась в девичьих сердцах.

А когда он медленно опустился на мокрую траву на колени и с трудом просипел: «Простите меня... Больше не буду...».

Первой высказалась Галина:

– Девчонки, да что мы звери какие, что ли?! Парень получил своё! Разве что, Татьяна?

– А что я?! – выскочила на круг Татьяна. – Не задавил же! Ему больше досталось...

«Ладно, – подхватили все вразнобой. – Надо простить парня. Видишь, как его наказали...».

На поле управляющий отмерил флажком дневную норму уборки. Картофелекопалка ещё вчера успела подготовить новые ряды. Семён Семёнович наказал, если будет сильный дождь – пережидать в роще, если на клубнях будет много грязи – в обед собранный урожай в телегу не грузить, пусть пообветрится до вечера, зато вечером грузить в любом случае – будут сушить картошку в хранилище.

...Целую неделю они собирали грязную картошку под нудную морось, сыплющуюся с серого неба. Земля пропиталась влагой, на сапоги и ботинки она налипала килограммами, и кое-как ползающие по полю студенты то и дело соскребали её какой-нибудь веткой. Обедали стоя, чтобы не сидеть на мокром.

Порывы холодного ветра яростно обдували кроны деревьев. На берёзах с каждым днём всё меньше оставалось жёлтой листвы. Дни заметно укоротились, и сумерки надвигались так быстро, что, замёрзшие и промокшие в поле, студенты во дворе клуба умывались и приводили себя в порядок уже в полусвете быстро угасающего вечера. Про купание в холодной реке не было и речи.

Настроение упало до нуля, шутки, песни и смех звучали реже. После ужина куртки, штаны и другую одежду развешивали в зале и во всех углах здания, где только можно, на натянутых верёвках, которые дал управляющий.

Пораньше залезали под одеяла в свитерах, олимпийках и кофтах, чтобы хоть как-то согреться. Ведь никакого отопления в клубе не было. Одежда за ночь не просыхала, и утром приходилось с отвращением натягивать на себя влажное облачение, чтобы снова ехать на работу.

Студентки начали болеть. Первой посреди ночи раскашлялась соседка Егора Светлана. Утром она смотрела на всех испуганными, воспалёнными глазами. «Температура высокая, – пощупав её лоб, определила Галина. – Простыла. Какое ей поле?! Пусть дома лежит». Свету напоили таблетками, укутали потеплее...

С этого дня по три, а то и по четыре девочки – к радости Тамары – оставались отлёживаться в клубе, пока остальные бились за урожай.

– Надо что-то делать, – озабоченно предложил Михаилу Ефимовичу Александр, когда они по раскисшему просёлку ехали на поле. – Иначе все поляжем...

– Что вы предлагаете, Саша? – с интересом посмотрел на него руководитель группы.

– Ну, не знаю, – пожал плечами инициатор. – Думать надо.

– Надо выходной объявить, – вмешался в разговор Евгений. – Передохнуть денёк, просушиться как следует. А то пашем, как папы Карлы!

– Я бы народ в бане попарил, помылись бы... – подал предложение любитель мыла Егор.

– Я в бане уже лет сто не был, – откликнулся Олег и выпустил струю дыма сигареты, которую прятал в кулаке от встречного ветра.

– А что? – почесал затылок Михаил Ефимович. – Может, правда, выходной с баней. Вечером с управляющим поговорю. Думаю, пойдёт навстречу...

Вечером Витёк высадил девушек у клуба, а мужскую часть группы довёз до конторы. Семён Семёнович был здесь, сидел за видавшим виды однотоумбовым столом, писал карандашом в замусоленной амбарной книге столбцы цифр, время от времени заглядывая в такую же замусоленную записную книжку. Во рту торчала потухшая «беломорина». Вообще в комнате было так накурено, что поморщился даже Олег, чего уж говорить об остальных. Вокруг стола в беспорядке стояло с десяток табуреток и стульев.

Егор демонстративно открыл входную дверь, и в помещение хлынул свежий воздух.

«Садитесь, я сейчас...» – кивнул управляющий ходокам. Впрочем, с их предложением он сразу согласился. Деваться некуда, рабочих рук в уборочную страду деревне всегда не хватает, поэтому студенты являлись хорошим, а самое главное, недорогим подспорьем для сельской экономики. И если они разболеются от осенней сырости, урожай пропадёт – колхозный бюджет денег не получит.

– В Яе хорошая баня, – он снял с головы кепку, отчего его оттопыренные уши приняли нормальное положение. – Я сам с её директором переговорю, чтобы приняли вас как надо. В общем, завтра с утра и поезжайте, Витёк приедет... Часов в десять устроит?

Когда они пешком возвращались к ночлегу, Александр предложил придать завтрашнему обеду элемент праздника.

– Как это? – не сразу понял Михаил Ефимович.

– Ну, это значит, кашу приготовить с мясом, – пошутил Евгений.

– И запить эту кашу плодово-ягодным напитком, – уточнил Егор.

Олег сдавленно приснул от смеха, едва не подавившись дымом сигареты...

Утром в начале одиннадцатого Витёк осторожно подкатил к клубу, чтобы не обрызгать грязью ожидающих студентов. После случая на поле он стал сдержанным и молчаливым, из кабины не выходил, разве что только, когда надо было помочь Тамаре с термосами. Следы на лице парня поджили, но синеватой желтизной ещё хорошо напоминали о происшествии.

Но в этот раз Витёк удивил девчонок: кузов был накрыт «кубом» из брезентового тента. «Наконец-то! – радостно воскликнула Галина. – Хватит под дождём колесить».

«Ещё бы над полем брезент натянули», – ухмыльнулся про себя Егор...

Баня располагалась в почерневшем деревянном здании, похожем на барак, окна которого закрасили белой краской. Здесь имелось только одно отделение. Поэтому тут чередовали мужские и женские дни помывки.

После того, как Семён Семёнович переговорил с начальством, баню закрыли «на спецобслуживание» студентов.

Парни великодушно решили пропустить вперёд девчонок, мыться после них. В раздевалке девушек ждали оцинкованные шайки, с десяток прошлогодних веников и даже стопка крохотных вафельных полотенец. «Веники берите, у нас баня настоящая, с паром, – сказала им сурового вида пожилая банщица в сером халате, из-под её белой косынки выбивалась седая прядь – За всё совхоз уплотит. Мыло вот только хозяйственное, другога нету».

– А мы со своим приехали, – откликнулась Наталья-большая. – Раздевайтесь, девки, чего встали!

Ребята в ожидании сидели на лавках в банном коридоре. Они слышали, как девичья компания шумно влетела в моечную. Из глубины бани доносился гул голосов, радостное повизгивание. Опьяненные наготой, молодостью и теплом, девчонки брызгались холодной водой, звучно хохотали.

Парней одолевала непонятная лёгкая истома. Чтобы отвлечься, Егор принялся осматриваться. На обшитой деревянной рейкой стене висел большой лист с крупным заголовком «Правила поведения в общественной бане». Он подошёл и вчитался: «Посетитель обязан строго соблюдать время пребывания, согласно купленных билетов... Намыливаться аккуратно, не разбрызгивая вокруг себя пену... Окатываясь водой, стараться не попадать на соседей... Находиться в помещениях бани в специально предназначенной для этих целей обуви (сланцах, пляжных тапочках и т. д.)... Проводить бритьё, пользуясь только личными тазами и ковшиками... Запрещено находиться в помещениях бани позже 21-00... Нельзя находиться в бане в нетрезвом состоянии и распивать спиртные напитки...».

– Курить в помещениях бани запрещено, – прочитал он вслух и выразительно посмотрел на Олега, который по обыкновению дымил в углу. Тот закашлялся и смущённо принялся гасить окурок о подошву ботинка.

Через полчаса первым не выдержал Александр:

– Пожалуй, пройду по улице, – встал он. – Сидим тут, как истуканы. Они ещё час мыться будут.

Его поддержали все, кроме Михаила Ефимовича, который остался присматривать за порядком.

Парни вышли в сырость хмурого дня. Мокрое шоссе улицы Ленинградской, на которой стояла баня, тянулась вдоль многоквартирных и частных домов. Не торопясь, они продефилировали по ней из конца в конец. Автомобилей не было видно, пешеходов – тоже. Зато их внимание привлекла торговая точка с вывеской «Продукты». Зашли в магазин, Егор с Евгением купили себе по стаканчику пломбира, Олег пополнил запасы сигарет. А Александр внимательно изучал винную полку.

– Чего смотришь? – подошла к нему продавщица, полноватая рыжеволосая женщина средних лет. – Спиртное не продам! Молодые, восемнадцати ещё нет – не продам! Мне неприятности не нужны!

– А если я паспорт покажу? – мгновенно «завёлся» Саша. – Тогда продашь? Продавщица на секунду оторопела, а потом перешла в наступление, уверенная, что никакого паспорта у парня нет:

– Покажи! – упёрла руки в бока.

Александр долго рылся во внутреннем кармане куртки, потом широким эффектным жестом, к удивлению менее предусмотрительных товарищей, вынул документ, раскрыл и сунул его в лицо рыжеволосой. Та прищурилась, нашла глазами нужную строку и нахмурилась: «Сколько брать будете?»

Посоветовавшись, они скинулись и взяли десять восемьсотграммовых бутылок «Портвейна». Сложили их в безразмерную дырчатую сетку.

Когда вернулись в баню, одетые девчонки уже заполнили зал отдыха. Раскрасневшиеся, они расчёсывали мокрые волосы, наворачивали на головы тюрбаны из полотенец или, раскинувшись, полулежали на продавленных диванах.

– Спасибо, мальчики. В бане помыться – заново родиться! – на их «С лёгким паром!» ответила за всех розовощёкая Галина. – Долго там не рассоливайте...

А ехидная Танька не преминула добавить:

– Если надо спину потереть, Сынок, только позови!

Помывочная оказалась на удивление просторной, её отделанные кафелем стены отсвечивали белизной. Егор ступил в неё на цыпочках, чувствовал себя непривычно, ведь у себя дома он мылся в своей, рубленной дедом и отцом, бане. На макушку ему шмякнулась холодная крупная капля. Егор

поднял глаза, увидел множество серебрищихся, как шарики от подшипников, капелек на банном потолке. На длинных деревянных лавках там и тут стояли оцинкованные шайки с ручками, лежали использованные веники.

– Тебе Наташкин таз дать или Светиным обойдёшься? – Александр громко захохотал своей шутке, и гулкое эхо усилило его голос. – Да шучу я, чего ты!? – он похлопал сконфузившегося Егора по голой пояснице. – Ты его кипятком ошкварь...

Рядом из стены торчали два больших старинных крана – с кипятком и холодной водой. Егор лишь чуть тронул вентиль одного из них, в мгновение тазик наполнился горячей водой, которая плеснулась через край.

– Поосторожней! – прикрикнул отскочивший Александр. – Здесь тебе не речка!

Они смыли первую грязь и наперегонки кинулись в парную. Однако заходили в неё опасно: вдруг обожжёт! Оттуда несло влажным жаром, густыми санными запахами. Парилка не обжигала, а душевно грела. И это было замечательно! Но Александр плеснул из алюминиевого ковша на каменку, и она горячодохнула в ответ.

– Ну-ка, ложись на полочку! – азартно приказал он. – Парить буду! – в каждой руке у него было по венику.

Напарившись, выскакивали в помывочную, как пробки из бутылки. Краснолицые, разгорячённые, выдыхали глубоко: «У-ух!». И мигом – к крану, шайку ледяной воды на голову: «О-ох!». И только Александр вышел из парной медленно, с достоинством.

Потом решили ополоснуться под душем.

– Вот теперь порядок, – сказал Александр. – Пива нет. Поэтому будем одеваться.

Тут в помывочную зашла банщица, безразлично глянула на каждого, отчётливо пробубнила: «Ну, вот и помылась деревня. Неделю в чистоте будет жить». И, не обращая больше на них внимания, начала укладывать горкой пустые шайки, заметать в угол листья и веники. Зато у Егора после её взгляда скукожилось всё, что можно...

Из-за дождя и из-за того, что продрогли, возвращаясь в Мальцево в кузове грузовика, ужин решили устроить прямо в клубе. На полу перед сценой расстелили одеяла, расставили посуду. Принесли с печки кастрюлю ароматной каши с тушёной. От вина никто не отказался. Студенты снова покраснели, девчонки стали просить Евгения, чтобы взял гитару. И долго уговаривать его не пришлось. Сначала хором пели про осень и любовь, про ушедшее лето и бедного студента. Потом инструмент перешёл к Александру, тот подтянул струны и проникновенно завёл:

– Ходят кони над рекою,
Ищут кони водопоя,
А к речке не идут –
Больно берег крут.
Ни ложбиночки пологой,
Ни тропиночки убогой.
А как же коням быть?
Кони хотят пить.
Вот и прыгнул конь буланой
С этой кручи окаянной.
А синяя река
Больно глубока...

Девчонки притихли, загрустили, уставились в одну точку, в глазах блеснули слезинки. А Саша перешёл на репертуар молодого, но уже популярного певца и композитора Юрия Антонова:

– В дальней дали мне слышится, снится,
Голос твой, долети, доплыви!
И с любовью ничто не сравнится,
Даже звёзды не выше любви!
Гляжусь в тебя, как в зеркало,
До головокружения,
И вижу в нём любовь мою,
И думаю о ней.
Давай не видеть мелкого
В зеркальном отражении,
Любовь бывает долгою,
А жизнь еще длинней...

Тут в центр зала вышла Татьяна, тряхнула головой:

– Саша, ты просто талант! Только я предлагаю танцы!

– Танцы! – подскочила с места Наташа-большая.

– Танцы! – подхватила Наташа-маленькая. – К нам гости пожаловали... Пусть тоже потанцуют.

– Какие гости? – переспросила Галина.

– Сейчас я... – Наташа-маленькая высунулась в дверь и втянула за руку в помещение Яшу, следом шагнул Иван. – Заходите, парни! Танцевать будем!

– Давай, Женя! Женька, «Шизгару»! – потребовали все.

Евгений ударил по струнам, и – понеслось! Танцевали с удовольствием. Танцы привлекали и тянули, как магнит. Ведь можно было блеснуть умением двигаться и показать себя в выгодном ракурсе, и девчонки старались вовсю.

Танцевали, кто во что горазд. Это была вольная импровизация твиста и шейка вместе взятых. Хотя, нет, название у этих раскрепощённых, порой невероятных движений имелось: «Быстрый танец». От мелькавших тел, рук и ног стало тесно. Не танцевали только двое – Михаил Ефимович и Егор. Первый, наверное, боялся «потерять» преподавательское лицо. Второй не любил «ломаться», а, может, не мог настолько расслабиться...

Эти двое стояли рядом у стены и с интересом поглядывали на студенток. Но тут перешли к танцам «медленным». Женька завёл:

– Говорят, что некрасиво, некрасиво, некрасиво отбивать девчонок у друзей своих...

– Пошли, Сын, – подскочила к Егору Татьяна. – Приглашаю тебя на танго под «Алешкину любовь».

В общем, потанцевать в этот вечер Егору пришлось. Под: «Для меня нет тебя прекрасней, но ловлю я твой взор напрасно», – его «водила» по кругу Света. Под песню: «Льёт ли тёплый дождь, падает ли снег, я в подъезде против дома твоего стою...», – он был с Натальей-большой.

Девчонки выбегали на крыльцо покурить. А Евгений пел битловскую: «Я хочу вам рассказать, как я любил когда-то, Правда, это было так давно. Помню, брёл я как-то ночью по аллеям сада, чтоб шепнуть в раскрытое окно: гё-ол, гё-ол...».

И тут Егора пригласила Галина. Она была крупной, красивой девушкой, и стройного Егора смущали её габариты, но деваться некуда. Он с завистью поглядывал на Олега, который танцевал только с Тamarой, на длинноволосого Яшку с Наташей-маленькой, на Ивана – от него не отходила миниатюрная, смуглая Вера с большими выразительными тёмными раскосыми глазами. Он только теперь понял, что это Вера скрылась в темноте в тот вечер, когда они с Татьяной катались на мотоцикле.

Стоило вспомнить Татьяну, как, лёгкая на помине, она тут же пригласила его на следующий танец... Наконец, Женя снова сменил темп:

– Синий, синий иней лёг на провода, В небе тёмно-синем синяя звезда, – азартно выводил он.

– О-о-оу! – подхватила разгорячённая аудитория. – Только в небе, в небе тёмно-синем!

Между тем, перевалило за полночь. И Михаил Ефимович, озабоченно посмотрев на свои часы, подошёл к Евгению, что-то прошептал ему на ухо.

– Внимание! – громко объявил Евгений. – Мы завершаем наш танцевальный вечер битловской композицией «Облади-Облада»! – и ударил по струнам...

Когда все улеглись по своим местам, Егор обратил внимание, что свёрнутый в трубочку матрас, отделявший мужскую половину от женской, исчез. А Светлана со своей подушки смотрит на него в ночном полумраке. Но скоро всё поплыло перед его глазами, и он крепко уснул...

Проснулся он среди ночи от холода. Свось запотевшие стёкла в окно лился лунный свет. От него в клубе было так светло, что Егор без труда рассмотрел на циферблате своих часов – бы четвёртый час. Он осторожно поднялся, сунул ноги в ледяные ботинки, бесшумно открыл чуть скрипнувшую дверь и вышел на улицу, на ходу одевая чью-то куртку. На чистом – ни облачка – небе господствовал лунный диск, и ярко сверкали звёзды. С севера тянул студёный ветер и уносил в сторону быстро тающие облачка пара от дыхания. Под ногами захрустела прихваченная морозом побелевшая трава, на ней серебрились застывшие бусинки вечернего дождя.

Егор добежал до туалета, быстро сделал своё дело и, вернувшись в клуб, прокрался на своё место, залез под одеяло. «Чёрт, холодно как! – он

отогревал под мышками замёрзшие ладони. – Неужели утром поедem в поле? Хотя, может, днём солнце будет». И, согревшись, снова погрузился в сон...

Утром Егор встал одним из последних. Александр с Женей сидели на своих лежанках и оживлённо беседовали. Большинство девчонок, зябко поёживаясь, сновали – на улицу и обратно в клуб. Олега не было, наверное, как обычно, помогал у печи Тамаре. В помещении было холодно и сумрачно. Егор подошёл к окну, потёр рукавом запотевший квадратик стекла, выглянул на улицу. Из низких рваных облаков, которые подгонял ветер, на землю сыпала снежная крупа, взметаясь у земли маленькими снежными вихрями. Дорога поблёскивала ледяшками застывших луж.

– Ни хрена себе, мужики, зима пришла! – заорал Егор.

– Ага! – подхватила Галина. – Как в поле поедem в наших курточках?

С улицы забежала раскрасневшаяся Тамара:

– У меня каша готова. Где завтракать будем, девочки? На улице холодина! Ужас!

Решили принимать пищу, как и вечером, в помещении. Ели и тоскливо посматривали в окно, на первый снег. Мысли у всех были об одном: как в такую погоду работать в поле? Михаил Ефимович старательно отводил взгляд от вопросительных глаз студентов.

Когда уже допивали сладкий душистый чай, с улицы донёсся шум подъезжающего грузовика. Через полминуты в клуб ввалился Семён Семёнович собственной персоной. На нём была тёплая длинная куртка. Кепку он нервно мямл в руке.

– Привет, студенты! – бодро поздоровался он. – Приятного аппетита!

В ответ народ хмуро отмолчался.

– Ясно! – продолжал бодриться управляющий. – Настроение не очень. К нам холод раньше приходит: всё же мы на севере области, – и он резко перешёл от проблем географии и природоведения к вопросам политики и экономики. – Но вы нас, селян, тоже должны понять. Мы не можем пустить урожай под снег! Нас за это в райкоме партии по головке не поглядят! Да и убытки понесём. Это нам нельзя! Поэтому, по-человечески

прошу, помогите, ребята! – он преданно вглядывался в их лица. – Я вам благодарность в институт направлю...

– А если мы на поле от холода загнёмся, с похоронами поможете?! – съехидствовала Наташа-большая.

– Ну, зачем вы так? – обиделся управляющий. – Мы вам рабочий день сократим.

– Не слишком ли много? – хохотнул Александр.

– И потом у нас с вашим вузом договор, – не обращая внимания, продолжал агитацию Семён Семёнович. – Работать надо до первого октября. Ещё неделя... Да! – радостно вспомнил он. – Я же вам бушлаты привёз. Всё теплее, должно, – он радостно вскинул вверх руку с кепкой.

«Прямо как Ленин на броневике», – подумал Егор.

Бушлаты или фуфайки, как назвал их Олег, лежали кучей в кузове. Егор с Женькой заскочили туда и подавали одежду в протянутые руки. Бушлаты были далеко не новые и давно не стиранные, но все без слов надевали их, не обращая внимания на размер, наглухо застёгивались.

В первый раз студенты ехали на поле молча: накрытый брезентовым коробом, полный народа кузов, и – ни звука от кутавшихся в бушлаты хмурых девчонок. Парни в этот раз сидели вдоль заднего борта. Егор невесело смотрел на убегающую назад дорогу, на раздавленный колёсами машины лёд луж, на взметавшуюся за грузовиком снежную позёмку и думал: как же они будут сегодня биться за урожай на этой стыни? Хотелось, чтобы день поскорей закончился, чтобы снова оказаться на своём матрасе, который отсюда, из кузова, казался едва ли не земным раем.

Копалка сегодня работала медленнее, чем обычно. Её невидимый рулевой вёл агрегат вдоль побитого морозом, припорошённого белыми полосками снежной крупы картофельного ряда, а студенты тут же собирали с затвердевшей земли и складывали в вёдра грязноватые светлые клубни. Ни у кого не было желания тщательно ковыряться в земных недрах, тем более что, посиневший от пробирающего до костей ветра, Михаил Ефимович не обращал на качество работы никакого внимания.

Часа через полтора к нему подошёл Александр:

– Мы с мужиками сгоняем в рощу, – как о принятом уже решении сообщил он. – Валежник соберём, костёр наладим. Надо греться, иначе свалятся все...

Вместо ответа преподаватель согласно замычал сквозь замёрзшие губы, закивал головой. Парни быстро дошагали до ближайших берёз.

Между деревьями казалось не так студёно, ветра здесь почти не было, его холодные порывы трепали высокие берёзовые макушки с голыми ниспадающими ветвями, подгоняли низкие тучи. Под ногами грустно шептали прихваченные изморозью грязно-жёлтые листья, из-под которых проглядывала пожухлая зелень травы. То и дело попадались шоколадные шляпки грибов. Не было слышно птичьих голосов, только шорох сыплющейся с деревьев листвы. В роще реально ощущалось, как в преддверии зимы тихо и незаметно замирает жизнь природы.

– Рот не разеваем! – подгонял парней Александр. – Быстро собираем хворост.

Егор с Сашей принесли на поле по большой охапке сухих сучьев, а Олег с Женькой притащили подгнивший ствол давно упавшего дерева.

Костёр разводил Егор. Оторвал несколько лоскутов берёзовой коры, наломал мелких веток и сложил «шалашиком». Потом попросил у Татьяны зажигалку и, прикрывая ладонью язычок пламени, поджёг берёсту. Та сразу занялась огнём, раздуваемым ветром, загорелись, защёлкали ветки. Егор быстро стал подкладывать в костёр сучья покрупнее, ломая их через колено. Навалил целую гору хвороста, который тут же затрещал, выбрасывая искры. Пока Егор священнодействовал с костром, вокруг собрались все девчонки, протягивали руки к теплу, поворачивались к костру то одним, то другим боком. Уборочная остановилась. Копалка тоже встала и приглушённо пофыркивала мотором.

– Девочки, давайте картошки напечём! – предложила Галина. И принесла полное ведро клубней.

Егор большой суковатой палкой осторожно сдвинул в сторону прогорающие головни, высыпал на нагретую землю картофелины и подложил сверху дровишек.

– Сгорит наша картошка, – заявил Александр.

– Вся не сгорит, – уверил Егор. – Зато пропечётся. Проверено. Сверху, может, и обгорит, а мы корку потом счистим.

Он остался смотреть за костром, а парни снова двинулись в рощу за хворостом.

...Ближе к обеду остатки ночного снега совсем исчезли. Стало чуть теплее. Но тут громко закашлялась Женя, высокая, стройная блондинка с серыми глазами и аппетитными формами. Она с первого дня не признавала никаких головных уборов. Утром с помощью резинки собирала свои длинные волосы в хвост, а вечером распускала их по плечам. Сейчас на её хриплый натужный кашель со всего поля снова сбежались студентки. Женя сидела на картофельной ботве и, не переставая, кашляла, её щеки и лоб полыхали жаром.

Галина скинула верхонки, обтёрла ладони о брюки и пощупала Женин лоб. «Огонь! – вскрикнула она. – Михаил Ефимович, надо что-то делать!»

– Вот у меня аспирин, – Татьяна протянула упаковку таблеток «ацетилсалициловой кислоты». – Пусть примет сразу две...

Кто-то подал фляжку с водой.

Скоро Витёк, как всегда, привёз Тамару с термосами. Пока она возилась со своими причиндалами и «накрывала» стол, студенты грузили собранный картофель. В этот день урожай был вполовину меньше обычного. Потом в кабину трактора, рядом с Витьком, усадили кашляющую Женю. Михаил Ефимович старшим на поле назначил Александра и сам с встревоженным выражением на лице устроился в телеге. «Беларус» быстро уехал, оставив повариху со студентами.

Вечером Витёк снова прибыл на тракторе, преподаватель сидел в тележке. Нетерпеливо выслушав Сашин отчёт о прошедшем дне, рассказал о Жене. Вначале Михаил Ефимович с больной добрался до управляющего, потом вместе с ним отправились в медпункт. Девушку осмотрела сельская фельдшерица, диагноз вышел таким: острое респираторное заболевание, возможно, отягчённое бронхитом или даже воспалением лёгких. «Сказала, везите в Яю, в больницу. А Женя упёрлась – в больницу не пойду, и всё! – развёл он руками. – Говорит, хочу домой, к маме... Стали думать, как её отправить? Сегодня поезд идёт поздно вечером. Кто её в дороге сопровождать будет?»

Потом Семён Семёнович «вспомнил»: оказывается, из Яи в область летает пассажирский самолёт АН-24. У них там целый аэродром. «Если поторопимся, – говорит, – успеем на рейс. Были бы билеты!» Перелёт стоит

три с половиной рубля. Лёту – минут сорок. Витёк гнал грузовик, как только мог. И они успели. И свободные места в самолёте были. Женя даже смогла из аэропорта дозвониться домой, чтобы её встретили...

С поля студенты возвращались в тракторной телеге, сидя на куче картошки. Семён Семёнович дал команду – из-за ожидаемых заморозков – не оставлять её на ночь на поле.

В последующие дни если и стало теплей, то ненамного. Правда, ни снега, ни дождя не было, солнца, впрочем, тоже. Хмурые облака делали хмурыми лица студентов – радоваться особо нечему. Все ждали лишь одного – окончания командировки...

Впрочем, что такое неделя? Семь дней, которые хоть и казались бесконечными, закончились. Правда, за это время самолётом на «большую землю», вернее, домой, переправили ещё четырёх девчонок с подозрением на бронхит.

День перед отъездом студенты провели в поле, хотя накануне уборку картофеля завершили. Управляющий попросил их собрать «последние колоски», вернее, пропущенные картофельные клубни. И растянувшись веером, они несколько раз прочесали поле из конца в конец.

А вечером в их деревенское общежитие снова явился Семён Семенович. В одной руке он комкал свою кепку, в другой держал хозяйственную сумку, в которой при каждом движении позванивало стекло.

– Спасибо вам, студенты! – широко улыбаясь, сказал он и поклонился слегка опешившим девчонкам. – Если бы не вы, картошку нам не убрать. Так и напишу вашему ректору. А вы извиняйте нас, если что было не так.

– Да ладно вам, – начал было ответное слово Михаил Ефимович. Однако его перебила Галина:

– Спасибо в стакан не нальёшь, Семён Семёнович!

– Вот именно! – встрепенулся управляющий. – Вот я вам! – он выставил на край сцены четыре полулитровые бутылки с этикетками «Спирт питьевой».

– Много вам нельзя, а немного можно, – смущённо благословил он помощников. – Я и тушёнки на ужин вам добавил... Всё, что могу! Ешьте, отдыхайте. Завтра утром Витёк вас подбросит на вокзал, к поезду. Не проспите!

Прощальный ужин, накрытый на полу клуба, вышел на славу. Его не смог испортить даже Митяй, хоть и попытался, пинком открыв входную дверь. Он явился в самый разгар торжества – между вторым и третьим тостом. Девчонки от неожиданности взвизгнули. Все вскочили на ноги. А деревенский бугай радостно заржал.

– Хочу с Егором напоследок разобраться! – начал он пьяным голосом, ухватив стоявшего недалеко Егора за ворот свитера, притянул к себе. – Ты зачем меня обманул в первый вечер?! Может, я хотел по-хорошему познакомиться! – он размахивал кулаком перед лицом опешившего парня. Толпа замерла в ожидании развязки. Егор хотел вырваться из мёртвой хватки, но безрезультатно. Внезапно в помещение ворвались Яков с Иваном и Васёк.

– Кончай, Митяй! Не трогай пацана! Пойдём на улицу, разберёмся! – закричал Яков, уцепившись за одну руку Митяя, Иван перехватил вторую, и они освободили Егора, едва не порвав ему свитер. Однако Митяй взревел, как раненый бык, одним движением стряхнул с себя заступников, снова шагнул к Егору. Тут Васёк резким движением приложил Митяя по затылку свинцовой гирькой, бугай как подкошенный плашмя рухнул прямо на импровизированный стол, переворачивая миски и кружки, и отключился.

В клубе повисла тревожная тишина, которую нарушил Яков:

– Ты не убил его? – с беспокойством спросил он Василия.

– Да, нет, – отмахнулся тот. – Я же осторожно...

– Ничего себе, осторожно! – подал, наконец, голос Егор. – Как мы теперь? Испортили нам вечер!

– Ничего, ребята, ничего, – выставил перед собой ладони Яков. – Мы его сейчас уберём.

Васёк с Иваном подхватили Митяя под мышки, а Яков – за ноги. Волоком потянули тяжёлого земляка к выходу.

– Отдыхайте, гуляйте, а нас извиняйте! – скаламбурил напоследок Яков и ногой закрыл за собой входную дверь.

На этом короткий визит деревенских гостей завершился. Девчонки сразу расшумелись, обсуждая происшествие. Решили, что вечер прерывать не стоит. Стол «поправили», спирт допили. «Банковал» Александр: за раз

наливал в кружку ровно по полглотка, потом, кто хотел, но далеко не все, разбавляли спирт водой. И всем хватило, чтобы снова поднять настроение до хорошего уровня. И на танцы под Женькину гитару хватило. Танцевали самозабвенно, долго, до тех пор, пока у гитары не лопнула струна.

Когда утром следующего дня Витёк гнал автомобиль со студентами на Яйский вокзал, всю дорогу машину сопровождали на мотоциклах Яков и Иван. Пыли за грузовиком в этот раз не было. Ночью дорогу намочил осенний дождь...

г. Владимир, май, 2018 г.

Из сборника «Партийный хит сезона. Рассказы», 2019 г.

Находка для шпиона

– А ты знаешь, что «плакали» наши денежки? – Виталий Кузьмицкий воткнул лопату в землю, скинул верхонки, аккуратно пристроил их на торчащий вертикально черенок и направился на картофельную делянку Егора.

Услышав хриловатый голос товарища, Чурсин поддел вилами и вывернул «наружу» очередной картофельный куст: из-под его корней показались крупные розовые клубни, – тоже воткнул вилы в землю и отряхнул ладони. «Перекурим», – ответил он на немой вопрос жены Галины, которая собирала в ведро урожай из подкопанных мужем лунок, а когда оно наполнялось с горкой, они вместе пересыпали картошку в мешок, и повернулся навстречу подходившему Виталию.

– Чего ты там про деньги?

– Да, я тут в «Правде» прочитал, что Россия, потеряла пятнадцать миллиардов долларов... – доверительно сообщил Виталий. – Представляешь?! ООН ввела санкции против Ирака, Ливии, Сербии и Черногории! Из источников, близких к российскому правительству, стало известно: теперь нефти и нефтепродуктов мы оттуда не получим...

– А мы-то тут причём, и, тем более, наши деньги! – рассмеялся Егор в ответ на беспокойство Кузьмицкого.

– Как, причём? – улыбался Виталий. – Вот бы нам с тобой эти деньги дали! Разве мы бы тут картошку копали...

– Кузьмицкий! – громко позвала Виталия его жена Татьяна. – Ты чего лопату бросил?! Давай, подкапывай! Видишь, Чурсины нас уже обогнали! Виталий тяжело вздохнул и поплёлся на свою «несжатую полосу»...

Стояло безветренное солнечное утро последнего дня сентября 1992-го. Несмотря на сухую погоду, было по-осеннему свежо, ночью – даже холодно. Вокруг маленькой группки копальщиков, припозднившихся с уборочной, было пустое, необъятное поле, где горожанам по весне дали делянки для посадки картофеля. Сейчас на всех соседних участках картошку уже выкопали, и эти ровные прямоугольники чернели голой землёй с рядами пустых лунок и сухими стеблями разбросанной тут и там картофельной ботвы. И только на двух их полосах, побитые заморозками, чёрно-зелёные кусты картошки ждали хозяйской руки.

Была середина недели. Но Кузьмицкие и Чурсины решили не ждать выходных. Виталий с Егором отпросились у директора телекомпании Евгения Михайловича. Он и не возражал, ведь парни только что вернулись из очередной сложной дальней командировки и с опережением графика смонтировали передачу для эфира. Директор ещё и редакционный «Москвич» им дал. А студийный водитель Алик спозаранку «забросил» их вместе с инвентарём на поле...

Известные журналисты Егор Чурсин с Виталием Кузьмицким уже почти год делали передачи на первом в Сибирском регионе молодом независимом телеканале «Агентства информации «Копейка», который завоевал неплохой рейтинг у телезрителей.

Появилось это новое средство информации земляков в очень уж беспокойное время. Советский Союз «приказал долго жить». Участники «путча ГКЧП», которые хотели сохранить СССР, сидели по тюрьмам, а «подписанты» Беловежских соглашений, похоронившие единство ещё недавно считавшихся братскими республик, стали президентами независимых государств. Учителя географии и картографы срочно переделывали школьные программы и карты. А народ, оказавшийся в одночасье за границей, материл всех и вся и пил горькую, всё ещё надеясь на государство, которого уже не было.

«Копейка» появилась на экранах телевизоров столицы региона как альтернатива двум официальным общесоюзным каналам. Других в то время не было, по крайней мере, в их области. Новое телевидение начало

работать неожиданно, безо всякой предварительной «раскрутки» или маркетинга, как говорят сегодня. Но люди его сразу заприметили, стали с удовольствием ждать вечерних передач АИКа, которые сильно отличались от тошнотворного телеофициоза и «обливания грязью» недавней жизни в большом «общем доме».

Виталий и Егор – телеведущие программ «Копейки» – играли на экране роль таких свободных журналистов, ничего и никого грязью не поливали. В их программах почти не было политики. В передачах парни хохмили и чудачили, говорили со зрителями на простом русском... Каждую неделю они ездили по отдалённым районам, «раскапывали» там таланты: крестьян и рабочих, поэтов и музыкантов, художников и священников, – профессионалов любого ремесла, интересные творческие коллективы, и удовольствием рассказывали о них. При этом сами прямо в кадре – играли на клавишах, парились со своими героями в бане или чистили картошку на ужин, купались в реке, ковырялись в огуречной теплице, читали Коран и даже катались верхом на лошадях.

Вместо приевшейся суровой «телесухомятины» люди настраивали телевизоры на ведущих «Копейки», как только Виталий своим хрипловатым, а Егор вкрадчивым голосами начинали очередную передачу...

Их стали узнавать, когда они пешком возвращались с работы, обсуждая прошедший эфир или на ходу придумывая новую шутку к очередной программе. К ним подходили незнакомые люди, здоровались, пожимали руки, по-дружески похлопывали по плечам, расспрашивая о творческих планах. Им часто говорили, что они похожи как близнецы, как одно целое. Это, кстати, забавляло их больше всего.

Общим у них был разве что русый цвет волос и светлые глаза. Виталий был выше среднего роста, полноват, сутуловат, носил и постоянно лелеял свои небольшие светлые усы. Егор был среднего роста, строен и никогда не имел растительности под носом.

Они и по характеру являли собой абсолютные противоположности. Виталий был образцом невероятной общительности и разговорчивости, об этом среди коллег ходили шутки и разные истории. Он мог запросто подойти к любому незнакомцу или известному человеку, взять за руку и заявить ошарашенному такой фамильярностью человеку что-нибудь типа:

«Как считает твой лучший американский друг Марлон Брандо, все коренные американцы – это выходцы из Германии. Твои предки, наверняка, тоже были немцами. Не веришь?! Хочешь, докажу?» – и полчаса доказывал ошеломлённому, что его предки могли попасть в Сибирь только из Поволжья.

В дальних поездках язык Виталия «развязывался» так, что Кузьмицкий мог часами говорить без умолку, перескакивая с одной темы на другую. Про эту его особенность среди знакомых работников «пера и микрофона» ходила шутка: если едешь в командировку в одной машине с Кузьмицким, радио можно не включать. Такой уж характер: ему всегда нужны были свободные «уши», неважно, внимают они его сентенциям или нет...

Егор, напротив, был немногословен, больше слушал, чем говорил сам. И словоохотливость коллеги порой нервировала его. Но он в душе был сдержанным созерцателем окружающего мира и воспринимал товарища, как неизбежную данность журналистской судьбы, которая сводит многих со многими.

Бывало, они спорили, раздражали друг друга и даже ссорились на ниве творчества. Но, слава Богу, такие моменты возникали нечасто и ненадолго. Разумеется, на экране они были другими: преображался Кузьмицкий, невозмутимо слушая заранее отрепетированные реплики Егора. Чурсин же, наоборот, становился общительным...

Нелёгкая жизнь начала девяностых уравнивала существование многих семей и в Сибирском регионе, и во всей стране, поставив их на грань выживания. Стало неважно – инженер ты или рабочий, учитель, врач или журналист, нет у тебя диплома или три высших образования – все как-то враз стали одинаково бедными. Полки магазинов опустели, цены начали расти, а на зарплату в лучшем случае можно было едва-едва свести концы с концами. Но большинство наших людей умели быстро приспосабливаться к трудностям, выживая назло «строителям» рыночного капитализма в интересах тонкой «прослойки». Народ активно сеял и выращивал всё, что только можно: кур и кроликов – на балконах, поросят и бычков – в сараюшках, овощи и картошку – в садах и огородах, если есть, или – на колхозном поле, если своей земли не было.

...Конечно, большинство семей страны выращивали картошку испокон века. Выросший в своём доме на окраине небольшого шахтёрского

городка, Егор, например, сколько помнил себя с раннего детства, видел, как в середине мая родители на любом свободном клочке огорода закапывали маленькие клубеньки-семена и уже к середине лета подавали к столу свежие, жидковатые, ещё плохо освобождающиеся от недоспелой кожуры, ароматные, варёные, вкусные картофелины.

Чуть подрос, стал на исходе весны ездить с родителями на поле, где сажали картошку. Отцу на шахте, где он работал подземным электрослесарем, как и другим шахтёрам, выделяли на колхозном поле делянку. Обычно это были пять-шесть соток. Лет с пяти родители брали его с собой на посадку, прополку и окучивание. Но самыми интересными выездами, без сомнения, были уборочные. Здесь каждое действие, каждый акт был на годы вперёд распisan до мелочей.

Особую радость от предвкушения такой поездки вызывала мысль, что этот день выпадал на будни. А это значило, что в детсад или в школу идти не нужно. Обычно дожидались, когда установится хорошая погода. «Вёдро будет, – говорила мама. – Солнечно и сухо».

Накануне, вернувшись с работы, родители ложились спать за полночь. Мама Валя долго собирала холщовые четырёх-пятиведёрные мешки: штопала их, пришивала оторванные в прошлый раз завязки, готовила продукты для полевого обеда, большой китайский термос с травяным чаем, одежду и обувь копальщикам – отцу и маленькому Егорке. Отец Иван точил большим напильником железные штыки лопат, подшлифовывал наждачной бумагой деревянные черенки – свой, длинный, и короткий – Егоров, приговаривая при этом: «Чтобы ладони не «сбить». Потом долго при свете электрической лампы возился в гараже со стареньким мотоциклом с коляской марки «Иж»: укладывал в люльку обёрнутые в тряпицу и связанные проволокой лопаты, мешки и вёдра, что-то подкручивал, подкачивал колёса, доливал в бак розово-красный бензин и добавлял туда же немного тёмно-сиреневого масла.

Егор крутился тут же, помогая отцу, поддерживая канистру с бензином или подавая гаечные ключи.

Родители гнали сына в постель, а он от возбуждения долго не мог заснуть. Его крохотную спальню от кухни отделяли лишь короткие занавески, и, лёжа в кровати, сквозь щель между ними он наблюдал, как родители, сидя

за столом голова к голове, полушёпотом долго выстраивали стратегию предстоящего дня, и незаметно проваливался в сон.

...Утром мама поднимала его, когда на улице ещё синели сумерки зарождающегося дня. В начале сентября утренники в Сибири всегда были ощутимо прохладными, и сонного Егорку заставляли одеваться теплее, а на ноги он обувал неизменные резиновые сапоги. Завтрак в такую рань не лез в горло.

Зато, когда мотоцикл, громко тарахтя одноцилиндровым мотором, вывозил семью за город, Егоркой овладевал такой восторг, что он начинал петь какую-нибудь услышанную по радио песню типа: «А вокруг горизонты синие, ЛЭП-500 – непростая линия...». Пел в голос, благо из-за шума мотора на его «соло» родители не обращали внимания.

Отец любил быструю езду, выкручивал ручку газа до упора, хорошо, что шоссе в этот час было пустынным. Маленьким Егор сидел в коляске, а когда подрос, отец разрешил ему ездить на заднем сиденье, с которого обзор проплывающих мимо окрестностей был значительно лучше. И он любовался картинами природы – скошенными полями, пожелтевшими перелесками, блеском водной глади далёких озёр.

Иногда дорога спускалась с косогора в залитую утренним туманом низину, отец сбавлял ход и на всякий случай включал фару. Туман на несколько мгновений окутывал их неизвестностью и влажно-белой мглой. И тут же они выезжали на широкий простор. Встречным ветром из глаз выдувало слёзы, и Егорка торопливо промокал их белым платком, который мама сунула ему с вечера в карман куртки. Отца выручали большие мотоциклетные очки из пластика, державшиеся на голове с помощью почерневшей от пыли широкой резинки, а мама прятала лицо за брезентовой накидкой, притороченной к коляске.

Почему-то каждый год получалось так, что путь лежал на восток от города. И в хорошую погоду ранним утром тонкие длинные полосы облаков на восходе сначала окрашивались багровым цветом на фоне светлеющего горизонта. С каждой секундой накал облаков усиливался и менялся – на алый, ярко-оранжевый, золотой. И, наконец, краешек яркого диска появлялся над горизонтом. От этого грандиозного вида у Егорки захватывало дух. Он любил восход. И пока солнце медленно выползало из своей ночной – верил он в детстве рассказам мамы – постели, на что у

небесного светила уходило минуты три, у него по всему телу бегали мурашки.

И вот сияющий шар повисал над линией, соединяющей небо и землю, ниточки облаков становились тёмно-серыми. Было нестерпимо смотреть на него, он слепил глаза, и мама ругала сына, когда со своего места в коляске замечала, что он щурится, глядя на светило. «Не смотри на солнце, ослепнешь!», – всегда повторяла она одно и то же и трогала его за колено. А Егорка снова орал свои песни и вытирал слёзы...

На поле они приезжали раньше многих. Отец быстро отыскивал свою деляну, на её заросший травой край выкладывали вещи, лопаты и вёдра, сумку с едой. Отец торопливо снимал башмаки, переобувался в большие резиновые шахтовые сапоги, развязывал лопаты, одну давал сыну, надевал верхонки, и они начинали подкапывать картофельные кусты с жирными толстыми ветвями ещё зелёной ботвы. Егорка рукавиц не любил, работал голыми руками, бывало, стирая к вечеру в кровь ладошки.

Отец подкапывал быстро, загоня штык лопаты глубоко и круто выворачивая каждый куст так, что ботва ложилась набок, и на землю выкатывались большие и маленькие картофелины. У Егорки получалось послабее: он давил на железный штык обеими ногами, даже умудрялся попрыгать на нём, прежде чем лопата погружалась в землю на нужную глубину. Потом раскачивал черенок, пытаясь «расшевелить» куст, сдвинуть его с места. Поэтому подкопанные им кусты продолжали стоять ровно, и картошка в них в лучшем случае слегка выглядывала из чернозёма спелым бочком. Он пыхтел от натуги и всё больше отставал от отца.

В это время мама шла следом за мужчинами, руками выбирая картофелины из лунок, складывала их в ведро. То и дело отец оставлял лопату, подходил к маме, брал наполненное с горкой ведро. Мама раскрывала и поддерживала мешок, отец ссыпал в него картошку, клубни с глухим тархтением исчезали внутри мешковины. Вскоре на меже появлялся очередной толстяк-мешок, наполненный урожаем.

Когда подкопанных кустов становилось много, Егор с отцом тоже брали вёдра и вместе начинали выбирать картошку из лунок. «Выбирай хорошо, всю собирай, – напутствовала Егора мама. – И крупную, и мелкую. Мелкая

на семена пойдёт или Васька съест...». Васькой звали очередного поросёнка, который с весны похрюкивал у них в сараюшке.

Подкопанные лунки заканчивались, и мужчинам снова предстояло взяться за лопаты.

Солнце вставало всё выше, начинало припекать, и они снимали куртки, бросали их на мешки. Вокруг – по всему большому полю – на соседних участках шла такая же работа. Народ громко переговаривался между собой. Повсюду вдоль разделяющих делянки межей тянулись цепочки мешков: у кого-то они стояли по одному, далеко друг от друга, а у кого-то сразу по два-три мешка вместе, что означало – хороший урожай.

– Хватит нам, – успокаивал маму отец, если той казалось, что картошка уродилась «не очень».

А лёгкий ветерок гонял по полю пушинки-парашютики давно отцветшего осота, похожие на маленькие одуванчики, невесомые шарики украшали его стебли, наросшие после летней прополки, и кусающиеся колючими шипами. Егорка срубал осот лопатой, со среза вытекала капля белого липкого сока. Мальчик трогал его пальцами, и пальцы становились липкими, продолжали приклеиваться друг к другу, даже если помыть руки.

На меже среди прочей травы гордо возвышалась серебристая полынь, усыпанные мелкими жёлтоватыми цветочками осенние ветки которой напоминали веточки весенней мимозы, и когда Егорка помогал родителям опустошать полные вёдра, его нос улавливал её горьковатый запах. Рядом с полынью колыхались на ветру увядающие головки тысячелистника, покрытые мелкими серовато-белыми соцветиями. Уставший с непривычки, Егорка приседал на корточки и долго рассматривал, как по ним медленно сновал почти неразличимый жучок. Отец окликал его: «Хватит, сынок, надо копать...».

К полудню они завершали «битву за урожай». Отец, постучав лопатой о лопату, складывал инструмент вместе. Потом шёл вдоль межи и крепко завязывал горловину мешков. Он взваливал на свои широкие плечи мешок и, пошатываясь, медленно нёс нелёгкую поклажу на обочину, где стоял мотоцикл. Егорка с мамой вдвоём следом волокли другой мешок по земле. В лучшие годы число мешков доходило до 35-40, в засушливое лето выходило по 15-20.

А потом наступал момент, который Егорка любил больше всего в этих поездках: отец срезал ножом несколько широких зелёных листьев лопуха, под высокий куст которого, усеянный засохшими репейными головками, он и ставил мотоцикл, и раскладывал их на траве. Мама расстилала на эту импровизированную «столешницу» старенькое, застиранное покрывало и выкладывала на него из сумки всю привезённую снедь. Были тут помидоры и огурцы, перья зелёного лука и зубчики чеснока, варёные яйца и картофелины, ароматные ломти докторской колбасы и серого хлеба. Ещё мама просила отца распечатать ножом обязательную банку килек в томате.

Егорка торопливо набивал живот этими яствами, украдкой от родителей прятал в карман шаровар кусок хлеба и вставал над трапезой, осматривая окрестности. На поле ещё вовсю шла уборка: соседи копали, ковырялись в земле, перетаскивали мешки.

Вдоль полевой дороги замерли «Москвичи» и «Запорожцы» всех расцветок, мотоциклы «Урал», новые «М-72» и старенькие «М-62», яркие «Явы» и скромные «Ижи». Вдалеке от всех одиноко и гордо замерла светло-кофейного цвета «Волга ГАЗ-21» с серебристым оленем на капоте. Егорка гордился, что уже хорошо знает марки и модели всей этой техники, знает, что «Волга» принадлежит толстому, важному начальнику участка, где работает отец, со странной фамилией Макитра.

Егор первым замечал, как с высокого откоса шоссе, ровная ниточка которого виднелась чуть ниже горизонта, на полевую дорогу осторожно съезжала запряжённая в телегу лошадь.

– Дед Алёха едет! – громко объявлял он родителям.

Отец вскакивал на ноги, всматриваясь, прикладывал ладонь козырьком к глазам.

Минут через десять серая лошадь ходко подкатывала тарахтящую на деревянном ходу телегу к делянке. Сидевший на телеге возница резко натягивал вожжи, кричал хриплым голосом: «Тпру-у! – и прибавлял чуть тише непонятное Егорке слово. – Скорь...». Оно произносилось с такой истовой серьёзностью, что этот любимый дедов перл Егор считал родом из ненормативной лексики и всякий раз втягивал голову в плечи, когда дед Алёха так «выражался».

Лошадь вставала, как вкопанная, и начинала кивать головой. Дед, побряхывая, слезал с телеги на землю, засовывал за голенище кирзового сапога небольшой кнут с деревянной рукоятью и заплетённым в косичку ремешком, разминал затёкшие ноги, снимал шапку и бодро здоровался с родственниками. На нём неизменно были фуфайка, чёрные брюки, заправленные в сапоги, а поверх всего – чёрный кожаный фартук, в любое время года на голове сидела заношенная зимняя шапка чёрного цвета, с завязанными на затылке клапанами. Егорке дед казался очень старым, ведь ему уже перевалило за пятьдесят, что по меркам мальчика было ужас как много.

Егор знал, что дед Алёха – это отец его отца, который с бабушкой Синой или Аксиной жил «за стенкой» в их общем, построенном на двух хозяев доме с общими же огородом, баней и отхожим местом.

Все же дед с отцом были совсем не похожи, разве что одинакового среднего роста. Дед был худощавым, черноволосым с яркими проблесками седины, темноглазым и до смешного лопухим. У отца, как и у бабушки, фигура была коренастой, волосы – русыми, глаза – голубыми, а аккуратные уши украшали симпатичное лицо.

Дед много лет работал конюхом на конном дворе шахты «Чёрная гора», которая находилась всего в каком-нибудь километре от их улицы, и от деда, от его одежды всегда пахло острым запахом лошадиного пота.

Дед Алёха часто приезжал домой на обед на запряжённой в телегу лошади – этой самой – чалой, как называл дед её масть. По его словам, лошадь была уже «в годах». И когда-то она была гораздо темнее, но со временем поседела, только более тёмные хвост и грива выдавали цвет её шерсти в молодости. Лошадь звали Адой, дед объяснял, что в ранние годы она была очень норовистой. «Ну, прямо чистый ад, – рассказывал он внуку и истово крестился при этом. – Может, потому Адой и прозвали».

Он приучил трусившего перед большим животным Егорку приносить лошади кусок хлеба, и вскоре тот начал смело совать хлеб ей в морду, держа его на раскрытой ладонке. И всякий раз мурашки пробегали по руке, когда Ада принимала от мальчишки кусок своими мягкими, тёплыми, осторожными губами.

Дед давал внуку «порулить», когда брал с собой, возвращаясь с обеда на конный двор, сам помогал ему, придерживая вожжи узловатой пятернёй.

Не раз показывал, как надо запрягать Аду. И Егор знал, что такое хомут, оглобли, постромки...

В день копки картошки дед Алёха ещё ночью выезжал в поле на лошади, чтобы прибыть к завершению их работы. Все семьи вывозили картошку с поля на грузовике, а они – на лошади. «Медленнее, зато пять рублей экономим», – объясняла мама.

Дед перекидывал вожжи через круп Ады и ловко заставлял её сдавать телегу назад и вправо. Он встряхивал или натягивал вожжи, громко и зло покрикивал животине: «Сдай, сдай, скорбы!» Та послушно пятилась, и вскоре телега заезжала на их участок и останавливалась рядом с мешками. Отец с дедом Алёхой укладывали их штабелями на телегу, перевязывали крепкой бечевой. А мальчик в это время скармливал лошади кусочки, которые отламывал от хлебного ломтя. Ада старательно съедала их и благодарно махала головой.

Дед на ходу дожёвывал поданный мамой бутерброд, взбирался на телегу, усаживался поудобнее, крестился, приговаривая: «Помогай Бог и японский городской!» Брал в левую руку вожжи, в правую – короткий кнут, щёлкал им, встряхивал вожжами и грозно вскрикивал: «Но-о! Пошла, скорбы!» Ада сдёргивала тяжёлую телегу с места, и они уезжали домой какими-то короткими, известными одному деду дорогами.

В обратный путь родители усаживали Егорку в коляску. Через несколько минут, как только отец выводил мотоцикл на асфальт, парнишка засыпал крепким сном, которому не могли помешать ни треск мотора, ни толчки, ни резкое торможение.

На этом день не заканчивался. Вернувшись домой, родители готовились к приезду деда. Во дворе, на пяточке возле глубокого погреба расстилали большой кусок брезента. Сам погреб заранее готовили к приёму урожая: отец подправлял деревянные решётчатые стенки и пол закровов, разделённых для семенного и «едового» картофеля; картофельную «мелочь», а также повреждённые лопатами клубни – для кормёжки поросёнка – просто ссыпали горкой в углу погреба. Дед Алёха растапливал в погребе костёр – сушил его огнём и обеззараживал дымом. После этого погребную крышку несколько дней держали открытой, чтобы выветрился запах.

Мама успевала приготовить «перекус» и наскоро накормить мужчин, которые слонялись по огороду в ожидании деда.

И вот вдалеке раздавалось тарыхтение тележной колесницы, Ада нетерпеливо бежала под горку – улица, где они жили, шла под уклон – и сама останавливалась у раскрытой настезь широкой калитки. Дед, кряхтя пуще прежнего, слезал с телеги, и за полчаса они с отцом перетаскивали все мешки во двор, к погребу. После этого дед уезжал на конный двор – поить, кормить и устраивать уставшую Аду на ночь. А возле погреба начиналось самое интересное.

К отцу и маме присоединялась баба Сина. Все брали себе по пустому ведру, доставалось ведро и Егорке. Становились кружком вокруг брезента. Отец вытягивал первый мешок на середину круга, развязывал его, валил на бок, ухватывал за нижние углы и, поднатужившись, высыпал содержимое на брезент, опустошал второй мешок, третий. Картофелины норовили выкатиться за пределы брезентовой подстилки, но мама, бабушка и Егор ногами и руками возвращали их на место.

Все усаживались на корточки и начинали выбирать в ведра самые крупные клубни. Скоро все четыре ведра были полны. Тогда отец спускался в погреб, а мама опускала ему туда ведра с помощью верёвки, на конце которой был привязан крюк из толстой проволоки.

Когда крупная картошка заканчивалась, начинали выбирать среднюю – на семена, а оставшуюся мелочь ссыпали в погреб «Ваське на еду».

Отец опорожнял три следующих мешка. И сортировка продолжалась. Чтобы не сбиться со счёта, сколько вёдер и в какие закрома засыпано, отец откладывал возле погреба кучки картофелин: слева была кучка побольше – число клубней соответствовало количеству вёдер, засыпанных на еду, кучка справа была поменьше – на семена и рядом с ней совсем маленькая – на еду поросёнку...

Сразу после того, как урожай был разобран на составляющие и спущен в погреб, мама разминала отцу поясницу прямо через рубаху и говорила:

– Вот и управились, теперь зиму будем с картошкой...

Тут и дед Алёха возвращался с конюшни. Бабушка уже натопила баню, куда первыми шли женщины, а потом – мужики, включая Егорку. Дед любил попариться как следует, однако делал это по субботам. А поскольку день

был будний, мылись на скорую руку, чтобы, поужинав, отдыхать, ведь завтра, кому – на работу, а кому – и за парту.

После бани шли на дедову половину дома. Бабушка накрывала стол с нехитрыми угощениями. Тут было много зелени и овощей, окрошка или борщ, запечённая в духовке курочка, горка круглых варёных картофелин соседствовала с горкой больших, похожих на лапти, жареных пирогов с картошкой.

Неторопливо усаживались за круглый стол в дедовой гостиной, не торопясь, раскладывали еду по тарелкам. Дед сурово осматривал стол и строго бросал бабушке:

– Ну, а где наша?

– Сам знаешь, где... – отвечала бабушка и торопливо шла к буфету за гранёными рюмками, дед же ловко нырнул под кровать и вылезал оттуда с полной прозрачной жидкости бутылкой, зубами вытаскивал из неё пробку, нюхал горлышко, удовлетворённо кричал и наполнял рюмки. Бабушка с мамой махали на него руками, повторяя: «Мне чуть-чуть!» Однако дед наливал всем по полной, ставил бутылку в центр стола, поднимал свою рюмку и торжественно объявлял:

– За урожай!

– За урожай, – как эхо повторял отец.

Всё чокались и выпивали дедов самогон...

Дед с отцом опрокидывали рюмки залпом. Отец задерживал дыхание, встряхивал головой, вытирал выступившую слезу и говорил сбившимся на хрип сдавленным голосом: «Крепкая!»

– Ага! – радостно соглашался даже не поморщившийся дед. – Градусов на семьдесят, японский городской...

Мама с бабушкой лишь пригубливали и отставляли свои рюмки.

«Семьдесят градусов, – это же горячо, – думал Егорка. – Обжечься можно...».

А за столом завязывался неспешный разговор, в котором взрослые на разные лады повторяли одну и ту же мысль: с картошкой нам ни зима, ни нужда не страшны...

Всё это в мельчайших подробностях и образах вставало в памяти Егора, пока он монотонно поддевал вилами куст за кустом. Из задумчивости его вывел голос Кузьмицкого:

– А ты знаешь, что «плакали» наши денежки?

И они устроили «перекур», хотя оба терпеть не могли курильщиков.

Немного поболтали, пока жена Виталия Татьяна не прервала этот диалог, и снова принялись за работу.

Полоса у Чурсиных была вдвое уже, чем у Кузьмицких. У Чурсиных сорняков почти не было, и жирные кусты картошки возвышались гордыми ровными рядками, а у Виталия стебли осота и молочая стояли такой плотной стеной, что ему приходилось внимательно всматриваться в этот травяной ковёр, чтобы не пропустить полусохшие картофельные ростки. Чурсины дважды за лето выезжали на прополку и окучивали свой клин, а Кузьмицкие, похоже не появлялись тут с посевной.

...Наши журналисты, как и большинство «хомо советикусов», приучены были сажать картофель каждое лето. Не зря говорят: на Бога надейся, а сам не плошай. И когда в сложные периоды жизни доходило до того, что деньги кончались, а в холодильнике бывало пусто, всегда выручала картошечка, особенно, если приготовить её повкуснее. С удовольствием уплетали её в разных видах и Егоровы дочка с сыном, и Виталькины двое пацанов с дочурой. К такому же образу жизни были приучены и родители Галины: у Чурсина тесть с тещей сажали картоху и в огороде, и в поле. Именно тесть – жилистый, поджарый заводской работяга с «золотыми» руками слесаря высшего разряда – научил Егора подкапывать кусты не лопатой, а вилами: и легче, и сноровистее.

У Чурсиных и свой погреб был – в стороне от жилья, на высоком берегу небольшой городской речушки Искитимки. В нём урожай хорошо сохранялся до весны.

Раньше картофельные проблемы Егор и Виталий решали отдельно друг от друга. А этой весной директор телекомпании Евгений Михайлович позвал их к себе в кабинет:

– Картошку сажать будете? – без обиняков спросил у парней.

– А как же, – не раздумывая, в унисон ответили те. – Как всегда...

– Я тут с землёй договорился, – обрадовал директор. – Недалеко, бесплатно, и земля хорошая. Одному заводу на лето поле выделили, а мы старые знакомцы с их генеральным. Я ему про вас сказал, он «за», чтобы по участку вам дать. Только сюжетик про завод сделаете...

Директор хитровато прищурился, а Виталий проворчал: «Бесплатно, называется...».

– Зато хороший урожай гарантирован, – заверил подчинённых Евгений Михайлович. – Я эти места знаю, поверьте!

Как было не верить заботливому руководителю, выросшему в крестьянской семье, отец которого ещё недавно возглавлял лучший в регионе совхоз.

Егор взял себе пять соток:

– Хватит нам на зиму, – повторил он слышанную когда-то от родителей фразу.

Виталий долго что-то высчитывал, потом решил засеять десять соток.

– Излишки всегда можно продать, – с философским видом прикинул он.

– Сначала их вырастить надо! – подколот Егор.

– Да чего там, – Виталий похлопал напарника по спине. – Когда мы отступали перед трудностями?! Да и детей кормить надо три раза в день!

Посевная прошла без особых приключений. Водитель Алик на редакционном «Москвиче» отвёз семьи Чурсиных и Кузьмицких на поле вместе с их «семенным фондом», пообещав часа через три вернуть их обратно в город.

Наши «растениеводы» отыскивали свои делянки на поле, размеченном оструганными деревянными колышками. Их участки расположились рядом и тоже были обставлены колышками, на которых химическим карандашом незнакомая рука старательно вывела их фамилии. И друзья живо приступили к работе.

Чурсины справились с задачей быстро: примерно через час все их семена легли в ровные рядки лунок, Егор старательно присыпал их землёй, почти не прислушиваясь к бесконечным рассказам товарища.

А Кузьмицкие приотстали изрядно: Виталий пыхтел и отдувался, то налегал на лопату, то бросал её, увлекательно повествуя очередную историю,

вычитанную в газете или подслушанную по телевизору. Татьяна безуспешно подгоняла мужа.

– Пойду, помогу Кузьмицким, – сказал Егор своей Галине.

– Иди, – кивнула та. – Может, он хоть болтать перестанет.

В общем, с посевной управились...

Короткое сибирское лето пролетело быстро. У Егора с Виталием это было напряжённое время – бесконечные съёмки, передачи, командировки. Чурсин всё же выкраивал выходной, когда они с Галиной собирались на поле, на прополку. Он звал с собой и Кузьмицкого. Но Виталий всегда находил отговорку, отмахивался: «Мы потом съездим». Видно, что съездить не получилось...

И теперь Галина складывала в ведро крупные, продолговатые клубни розового цвета – в каждом кусте по пять-шесть. А Татьяна трёхпалой «царапкой», изготовленной из толстой стальной проволоки, выковыривала из слежавшейся земли бледно-жёлтую мелочь, которую лишь изредка «разбавляла» большая картофелина...

– Как думаешь, Егор, пираты ещё существуют? – вывел Чурсина из задумчивости новый вопрос Виталия.

Кузьмицкий снова оставил лопату и шагал к Егору. – Да отдохни ты, – ухмыльнулся он. – Куда она денется?!

Егор отбросил вилы, распрямился, вытер рукавом пот со лба:

– Какие пираты? Что ты выдумываешь! – понимающе улыбнулся он товарищу, легонько потрепав по плечу. Он хорошо знал, сейчас последует рассказ о каком-нибудь необычном происшествии.

– Перекур, девчонки! – крикнул он помощницам. – Сейчас Виталий нас про пиратов просветит.

Женщины оставили в покое вёдра и «царапки» и тоже подошли к Егору. А Виталий расправил плечи, пригладил растрёпанные ветром волосы, весь его вид говорил о том, что он искренне рад своей небольшой аудитории.

– Так вот, – поднял он вверх указательный палец. – В морях до сих пор плавают пираты! Караулят торговые суда, нападают и грабят. А корабельную команду и убить могут... Не веришь, старик? – он внимательно и серьёзно посмотрел на Егора. – Не верите? – повернулся к женщинам.

– Да как тебе не верить, ты же все кишки вывернешь... – пытался отшутиться Егор.

Но Кузьмицкий не принял его интонации, сделал вид, что обиделся на недоверие товарища, но в глазах его сверкнул довольный огонёк, дескать, «зацепил» я вас этой новостью. И он начал вдохновенно и подробно пересказывать вычитанную в «Известиях» заметку о том, что в конце сентября 1992 года из бухты Святой Ольги, что на побережье Японского моря в Приморском крае, настоящие корсары внезапно напали на теплоход «Уссури» Дальневосточного морского пароходства. В полном соответствии с морскими законами прошлых веков, среди бела дня корабль догнало быстроходное судно, на борт теплохода взобрались два десятка вооружённых молодцев. Заперли экипаж в каютах и разграбили партию подержанных заграничных автомобилей, которые моряки везли из Японии на российский авторынок. С машин снимали оборудование, запчасти, зеркала, стёкла. Нападавшие спокойно забрали добычу и убрались восвояси.

– Слава Богу, экипаж не сопротивлялся, и никто не пострадал! – подвёл итог разгорячившийся Виталий. – А если бы наши дёрнулись, их бы постреляли! Это ж пираты двадцатого века!

– Да-а, вот не повезло кому-то... – усмехнулся Егор.

– А что смешного?! – опять «завёлся» Виталий. – Представь: ты или твои знакомые заказали морякам тачку, деньги им дали, а тебе взамен машину без руля и колёс. С кого спросить?! Нет, надо наших моряков вооружать. Было бы у наших оружие, отбились бы.

– Или поубивали друг друга, – подала голос Галина.

– Так пираты под выстрелы не полезут, побоятся, – был уверен Кузьмицкий. – Зато люди получают свой товар в целостности и сохранности. Я бы...

– Эй, Кузьмицкий! – прервала мужа Татьяна. – Что ты так распереживался? У тебя ни денег, ни машины. Давай копать картошку. Смотри, как мы от Чурсиных отстали, сейчас надо не языком, а руками...

Настроение Виталия сразу упало, глянув на жену, он махнул рукой и поплёлся на свою полосу. Там, поплевав на ладони, взялся за лопату.

...Осеннее солнце миновало зенит на светло-голубом осеннем небе, день перевалил на вторую половину. Чурсин пересчитал оставшиеся до конца

полосы картофельные рядки, умножил на число кустов в одном ряду – получилась цифра шестьдесят. А урожай и не думал «сдаваться» – клубни шли крупные, ровные. Глаз радовался! Егор не раз чертыхнулся, что захватил мало мешков. Они с Галиной уже добавили в каждый мешок ещё по ведру: вместо четырёх там теперь было по пять вёдер.

– Спрошу, может у Кузьмицких есть лишние мешки, – Егор окликнул Виталия, который то и дело громко обменивался репликами с Татьяной:

– Слышь, Виталя, вы мешками не богаты? Что-то мы просчитались. А оставлять на потом неохота...

– Есть! – радостно встрепенулся Кузьмицкий. – Сейчас принесу, – он бросил лопату и потрусил к их общему бивуаку на обочине.

– Вот пять штук, – запыхавшийся Виталий бросил к ногам Егора мешки из более светлой, чем у Чурсиных, холстины. – Если не хватит, ещё дам, – он оглянулся на жену. – Может, передохнём, перекусим? Куда торопиться, успеем, выкопаем...

– Да нет, – перебил Егор. – Мы уж закончим, потом пообедаем. Нам немного осталось.

– Ладно, потерплю, – согласился Кузьмицкий. – Но передохнуть-то надо. Чего спину ломать? Кстати, я тут одну историю вспомнил, – и он принял «позу рассказчика».

– Помнишь своего друга Владимира Жириновского? Ну, он ещё на выборы президента шёл в прошлом году... Помнишь? Ну, молодой такой мужик, говорун от Бога... Помнишь? Он ещё о себе говорил: «У меня мать – русская, отец – юрист». Как же ты не помнишь?! – он от досады хлопнул себя по ляжкам.

– Да не расстраивайся, помню я этого чудака, – сказал Егор, примериваясь вилами к очередному кусту.

– Да ты погоди, послушай, – Виталий взял Егора за локоть, притормаживая его трудовое рвение. – Я же за него в 91-м голосовал!

– Я тоже голосовал не за Бориса, – признался Чурсин. – Только кто ж наши голоса считал?!

– Да я не про то... Я ведь почему за него был? – Виталий в волнении почесал нос, оставив на нём грязные полосы. – Партия у него чудная – Либерально-демократическая...

– Сейчас этих партий развелось, как нерезанных собак, – хмыкнул Чурсин.

– Да не в партии дело... – теперь Виталий тёр у себя за правым ухом. – Он о патриотизме здорово говорил. Говорил, надо любить Россию, любить её главный народ – русский, чтобы в национальном вопросе устранить дискриминацию. Говорил, что в любом здании главное не красивые окна или лампочки, главное – фундамент. Убираем фундамент, и здание рухнет! Так и русский народ должен скреплять всю страну...

– Национализмом не пахнет? – спросил Егор. – Что тебя смущает теперь?

– Представляешь! – Виталий понизил голос. – Недавно вычитал, что отца его звали Вольф Исаакович, похоронен в Израиле. Его дядя – Аарон Исаакович, а двоюродный брат – Ицхак. А Жириновский он по матери...

– Так что тебя смущает? В истории всё уже было, – Егор стряхнул с локтя Виталикову руку, копнул и вывернул очередной куст, с которого посыпались крупные картофелины.

– Получается, – развёл руками Кузьмицкий, – нас и защитить некому?! Потому и гнобят титульную нацию...

– Виталий! – перебила его размышления Татьяна. – Ты будешь копать или нет? Совсем от рук отбился!

– Ладно тебе! – громко огрызнулся Виталий. – Не даёшь поговорить с коллегой, а нам завтра, между прочим, с ним в эфир идти! – и уже тише, чтобы слышал один Егор, добавил. – Достала со своей картошкой...

Чурсин переглянулся с Галиной, и оба с трудом сдержали улыбки.

Вскоре Егор выкопал последний куст и присел рядом с женой, руками разгребая картофельные лунки. Урожай был хоть куда, работа спорилась, и конец уборочной приближался.

– Закончим, надо мешки к дороге стаскать. Тяжёлые, – прикинул Егор, пробуя на вес неполный ещё мешок.

– Стаскаем, поедим, а потом хочу до рощи дойти, – Галина показала на золотящийся в солнечных лучах недалёкий берёзовый колок. – Красиво там сейчас, тихо и сухо... Пойдёшь со мной?

Они снова присели над лунками.

– Как тут уйдёшь?! Виталию надо помочь, – пробурчал Егор. – А то мы ночевать здесь будем. Видишь, как они отстали?

– Так он бы поменьше говорил... – Галина оглянулась на Кузьмицких.

А Виталий будто почувствовал, что разговор о нём, снова ткнул лопату в землю, закричал: «Переку-у-р!» – и устремился к Чурсиным.

– Не даст докопать! – с досады Галина вонзила зубья «царапки» в большой корнеплод. – Чтобы не больше пяти минут, – и она направилась поболтать к Татьяне.

– Знаете, – бросил ей в спину Виталий, – что готовится ядерная война? – теперь он повернулся к Егору. – Украли контейнер с цезием!..

– Господи! – делано вскинулся Чурсин. – Где? Кто?

– В Атыраусской области, – округлил глаза Виталий. – С Гурьевского нефтеперерабатывающего завода похитили контейнер с радиоактивным нуклидом цезий-137, – сообщил он с видом специалиста-ядерщика.

– Ты хоть знаешь, где это? – равнодушно пожал плечами Егор.

– Зря недооцениваешь! – закипятился Кузьмицкий. – Это южный Казахстан. Не так уж и далеко от нас... Представляешь, выкрали стокилограммовый контейнер из шахты, которая была закрыта двумя железными крышками. Милиция ведёт активные поиски.

– Опять в газете вычитал? – Егор понимающе прищурился.

– Ага, в «Известиях», – рассмеялся Виталий. – Как думаешь, из этого цезия можно атомную бомбу сделать? – уже серьёзно спросил он.

– Не знаю, – ответил Чурсин. – Это же ты у нас специалист по всем вопросам...

– Кузьмицкий! – опять прервала их диалог Татьяна. – Хватит болтать! Иди, копай!

Чурсины «добили» свою полосу до конца. Галина держала туго скрученную горловину мешка, а Егор завязывал её куском светлой бельевой верёвки. Потом они волоком перетаскали все мешки на край участка, к обочине просёлочной дороги. Немного передохнули, и Галина отправилась в рощу. «Смотри, осторожнее там!» – Егор долго смотрел ей вслед, любовался тем, как клонившееся к западу солнце подсвечивало золотистым светом её белокурые локоны.

Подхватив пустое ведро, он отправился к Кузьмицким, которые едва перевалили половину своего участка. Проходя мимо Виталия, он

подмигнул ему, присел рядом с Татьяной и стал собирать картошку в ведро.

Вдвоём они начали наступать Виталию на пятки. Тяжело отдуваясь, тот без остановки подкапывал кусты, без конца смахивая со лба пот. Работа в таком темпе продолжалась с полчаса.

«Ещё час, и закончим», – не успел подумать Егор, как Виталий отшвырнул лопату и тяжело опустился на «пятую точку»:

– Не могу! – выдохнул он. – Давайте отдохнём!

– Ладно, – согласилась Татьяна. – Пять минут, не больше...

Чурсин тоже сел на землю рядом с Кузьмицким. Тот тут же воспрянул духом:

– Представляешь? – начал он, не глядя на товарища. – Один мужик-пенсионер в Ростовской области пришёл в строительный цех колхоза и заявляет: продайте мне доски – гроб себе буду делать. Прораб ошарашен! Говорит, что ты несёшь, Иван Иваныч, у нас же есть решение правления – покойникам гробы бесплатно делаем. А тот ему: «Это пока что делаете бесплатно, а там что-то ещё будет... В городах вон, читал, уж хоронят в полиэтилене...». Короче, так и не отговорили мужика, пришлось доски ему продать!

Виталий весело заржал.

Прыснул смешком и Егор:

– Эту-то историю где взял?

– В «Правде» печатали, – простодушно ответил Кузьмицкий. – С неделю тому...

Татьяна, улыбаясь, смотрела на них сверху вниз, подперев руками бока.

– А что, Виталя, – предложила вдруг она, – может, бросим к чёртовой матери копать? Картошка всё равно не выросла. А с этой мелочью возиться, только время терять! Всё равно придётся покупать её на зиму.

– Согласен! – быстро вскочил тот на ноги и чёрной от земли пятернёй взъерошил волосы. – Хотел то же самое предложить, да ты опередила...

– Поможешь мешки таскать?! – не то спросил, не то он приказал он бодрым голосом Егору.

Втроём они быстро завязали мешки красными кусками бечёвки, которые Кузьмицкий ножом всякий раз старательно отрезал от большого мотка, и

переместили весь урожай Кузьмицких поближе к штабелю мешков Чурсиных.

Вернувшись с прогулки Галина расстелила у обочины цветной тряпичный лоскут и выложила на него привычный с детства набор продуктов для обеда на природе: помидоры и огурцы, варёные яйца и сырки «Дружба», колбасу и хлеб, чай в термосе.

– Давай, присоединяйся, – кивнул жене Виталий, потирая от нетерпения руки.

И пока Татьяна вынимала из своей авоськи и укладывала рядом с провизией Чурсиных свою еду, Кузьмицкий отошёл в сторону от компании и принялся копаться в издавшем виды, пухлом кожаном портфельчике, с которым редко расставался в поездках. Извлёк из него на белый свет фляжку из белого металла, пару маленьких серебряных стаканчиков, потом ещё раз запустил руку в кожаное нутро и вытащил что-то, завернутое в вощёную бумагу с проступившими жирными пятнами.

– Ну, конечно, куда ты без своего сала! – заворчала на него Татьяна.

– Молчи, женщина, дай-ка лучше «складишок», – острым ножом Виталий ловко порезал на тонкие ломтики шматок солёного сала.

Все присели вокруг полевого «стола». Кузьмицкий налил из фляжки в стаканчики прозрачный пахучий напиток, один протянул Егору. Тот понюхал содержимое стаканчика:

– Самогонка? – спросил у товарища.

– Ага, – кивнул тот. – Проверенная. Давай, за урожай! – и опрокинул в рот содержимое посудинки.

Егор медленно выцедил свою порцию. Самогон приятно обжёг горло. Чурсин запил его глотком горячего чая.

Когда принялись за еду, Виталий налил и женщинам, потом – снова себе и Егору. Торопливо прожёвывая куски сала, хлеба, колбасы, он непрерывно рассказывал переложённые на свой лад истории, вычитанные или услышанные им где-то.

– Да помолчи ты хоть минуту! – пыталась остановить его Татьяна. – Вот же, воистину, болтун – находка для шпиона... – но остановить Виталия такими аргументами было невозможно.

Егор хорошо знал это и делал вид, что слушает товарища, кивал ему, думая о своём. Когда обед подходил к концу, на дороге показалась машина. Это был ещё один редакционный «Москвич» – так называемый грузовой «каблучок», за рулём которого сидел всё тот же Алик. Он резко затормозил возле копальщиков и шустро выскочил из кабины, радостно улыбаясь.

– Грузиться будем? – он распахнул двери фургона. – Чьи мешки вперёд?

– Сначала Чурсины, – ответил Виталий. – Мы – потом. Нас первыми выгружать будем.

– А мы все войдём в машину? – недоверчиво заглянул внутрь будки Егор.

– Не беспокойтесь, Егор Иванович, машина вместительная, слона перевезти можно, – успокоил Алик.

Егор с Аликом напряглись и покидали внутрь фургона мешки Чурсиных с белыми завязками, потом Егор с Виталием загрузили мешки с урожаем Кузьмицких, перевязанные красной бечевой. В будке «Москвича», действительно, ещё оставалось свободное место.

– Женщин я с собой в кабину посажу, – сказал Алик. – А вам придётся в фургоне ехать. Потерпите, я там лампочку включу, чтобы видно было. Как-нибудь доберёмся.

– Смотри, Алик, вези аккуратно. Сам понимаешь, мы с Егором – груз особый! – Виталий, побряхтывая, влез в будку и устроился на мешке. Егор присел рядом.

Фургон освещала тусклая лампочка. Притихший Виталий внимательно обследовал ближайшие углы и двери: в будке не было ни одной щелочки, и приходилось угадывать дорогу по толчкам и поворотам машины. После просёлка, на котором «Москвич» мягко подбрасывало на ухабах, вскоре выбрались на асфальт и поехали быстрее.

– Скоро будет пост ГАИ, и въедем в город, – заговорил, наконец, Кузьмицкий. – А знаешь, твой друг Михаил Сергеевич, всё же отказывается идти в суд, – он хитровато посмотрел на Егора.

– Не понял? – переспросил Чурсин. – Ты про бывшего генсека, что ли?

– Ага, – кинул довольный Кузьмицкий. – Он сейчас в Германии, в Бонне сидит. Его в наш Конституционный суд вызывают, чтобы выступил свидетелем на процессе по делу о КПСС. А он говорит: нет, ребята, моя позиция не изменилась: сказал – не пойду, значит, не пойду!

– Принципиальный, – кивнул Егор и поморщился. – Он бы со своей принципиальностью раньше дела делал. А то Союз развалил, а сам по границам катается...

– Да Бог с ним, – махнул рукой Виталий. – Я не про это хотел...

Он на секунду замялся, нахмурился и выпалил скороговоркой:

– Мы же – товарищи, помогаем друг другу. Ты – мне, я – тебе. Ты как?

– Ну, – не понял Егор. – Ты к чему?

– Прошу, как друга! – Виталий театрально приложил руку к сердцу. – Помоги семье не помереть с голоду, поделись картошкой. Куда вам столько? Ведь, не съедите!

– Ну, ты даёшь! – громко захохотал Чурсин. – Вы же десять соток посадили!

– Посадили, – согласился Кузьмицкий. – Только, сам видел, не уродилась... Слушай, много не прошу, три мешка всего.

– Ну, ты даёшь! – снова воскликнул Егор. – Не знаю даже. Один мешок ещё куда ни шло... У меня, Виталий, ведь тоже дети. А что Галина скажет?

– Так у вас двое, а у меня-то трое. А Галине не скажем, она и не заметит...

– Давай, пока один дам, – подумав, покачал головой Егор – А там видно будет. Сам знаешь, с картошкой не угадаешь: она до весны может не долежать, сгнить. Давай пока один, а там, посмотрим, если всё нормально, ещё поделимся...

Машина замедлила ход, повернула налево, направо и остановилась. Алик открыл дверь:

– Виталий Борисович, к вам приехали, давайте разгружаться.

Овощехранилище у Кузьмицких находилось прямо во дворе их дома. Подземное сооружение было укрыто под заросшим травой земляным холмом, внутри – прохлада даже в летнее время и длинный узкий коридор, с двух сторон которого ряды отделений-ячеек, каждое с отдельной дверью и с порядковым номером.

Виталий порылся в портфеле и кинул Егору связку ключей, тихо звякнувших в цепких пальцах Чурсина.

– Иди, открывай хранилище, нашу ячейку найди – номер двенадцать, там тоже замок. Свет включи, там выключатель слева от двери. А мы с Аликом пока мешки выгрузим, – Виталий уже тянул к себе крайний мешок, не дожидаясь помощи водителя.

– Так, может, сам откроешь, а я – мешки. Чего я буду с чужими замками возиться? – попытался возразить Егор.

– Нет-нет, чего ты будешь лишний раз спину ломать, – улыбнулся Виталий.

С замками Егору пришлось повозиться: они оба – на дверях в хранилище и в ячейку Кузьмицких – были с секретом, который без сноровки открыть было непросто. Однако минут через пятнадцать он открыл всё входы и даже, пошарив рукой в темноте по выбеленной стене, нашёл и нажал выключатель, яркий свет большой лампы под невысоким потолком осветил полки с рядами банок, закрома, подготовленные к новому урожаю.

Егор прикрыл дверь и вышел наружу. Возле «Москвича» лежали сваленные в кучу мешки, фургон был закрыт, а Галина с Татьяной и Аликом стояли возле активно жестикулирующего Виталия и от души хохотали в ответ на его очередную историю.

– Ну что, давай затарим ваше хранилище! – перебил Егор рассказчика.

– Нет, друг, – Виталий хлопнул его по спине. – Мы сами. А вы поезжайте. Алику ещё в гараж надо успеть вовремя.

– Да успею я... Ты мешок-то «нашей» взял? – начал было Егор.

– Говорю, езжайте! – «нажал» голосом Кузьмицкий и незаметно подмигнул Чурсину...

Алик довёз Чурсиных до их погреба на берегу Искитимки. Помог Егору выгрузить картошку из машины на землю, предложил:

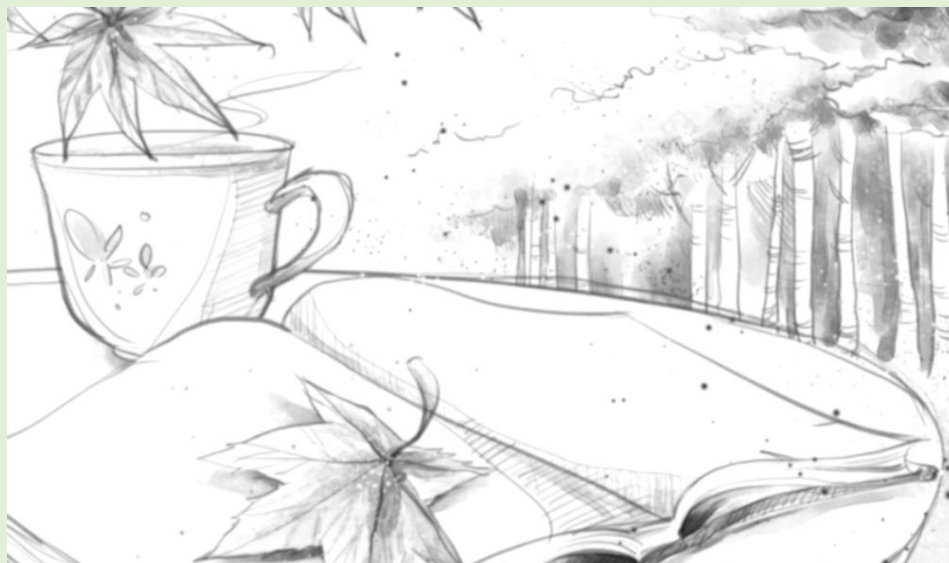
– Давайте, Егор Иванович, помогу в погреб ссыпать.

– А? - не понял Егор. – Погоди-ка, Алик... – он снова пересчитал свои мешки. Выходило, что двух недостаёт. «Вот ведь уболтал-таки, чёрт языкатый!», – изумлённо усмехнулся про себя. И решил Галине ничего не говорить.

г. Владимир, август 2018 г.

Из книги «Партийный хит сезона. Рассказы», Владимир, 2019 г.

Городские деревенские

Алёна осторожно приподнялась на скрипучей кровати, поморщилась от боли в спине и глянула в узкое окно спальни. Прямо у оконного стекла трепетала золотисто-красными тонкими зубчатыми листочками ветка рябины, растущая возле стены их деревенского дома. Оранжевая кисть рябиновых плодов под лёгким дыханием утреннего ветерка едва слышно постукивала по деревянной раме. Взгляд притягивал тёмно-зелёный хвойный лес, который высокой плотной стеной возвышался невдалеке. Ещё за окном на все лады пели птицы, изредка раздавался хриплый лай собаки.

«Сосна здесь растёт корабельная, – говорил Алёне муж Василий, когда они только примеривались к покупке этого дома. – Воздух от неё лечебный, как на курорте». Это довод и стал последней каплей, которая перевесила чашу весов в пользу покупки большого участка с домом под семейную дачу.

От вчерашнего субботнего дачного дня у Алёны с непривычки болели руки и ноги, ныла поясница. Василий мирно посапывал на своём краю кровати. В пятницу они впервые вырвались из своей квартиры и городской суеты ночевать в деревню. Вчера допоздна проводили в своём деревенском доме генеральную уборку, раскладывали привезённые на автоприцепе вещи и разбирали накопившийся от бывших хозяев усадьбы хлам. Устали невероятно, ужинали уже около полуночи, «вспрыснув» новоселье красным сухим вином. И мгновенно уснули на новом месте...

Чтобы не потревожить мужа, Алёна осторожно закуталась в халат, сунула ноги в мягкие тапочки и неслышно сошла на первый этаж, на кухню, чтобы приготовить нехитрый завтрак.

Старенький будильник показывал начало седьмого. Большая печь посреди кухни остыла ещё с вечера, и в помещении было прохладно. В кухонное окно была видна часть деревенской улицы, за которой вспыхивали в лучах невидимого за лесом небесного светила макушки деревьев.

Алёне всегда нравились сентябрьские дни бабьего лета. В такую пору на улицах их старинного областного центра, раскинувшегося в полтораста километрах от Москвы, вместе с жёлтой листвой в прозрачном воздухе парков и скверов носились сотни белёсых паутинок.

А вчера она с удивлением и радостью обнаружила мириады паутинок на деревенской улице, во дворе. Чем бы ни занималась, краем глаза ловила движение очередной паутинки: вот она опускается с высоты. Протянула руку: неудача, конец нити вдруг приподнялся, и вся она улетела кверху, словно убежала от протянутой руки. Поймала одну – пустая, тронула другую – на ней крохотный паучок.

Паутина кружила всюду, лежала на кустах, изгороди, траве – везде встречались отдельные или сбившиеся в хлопья тонюсенькие пряди. Иногда целые клетчатые облачка паутины проплывали по ветру, переливаясь в солнечных лучах, заставляя жмуриться от ярких отблесков световых зайчиков. «Осень... Утренних слёз паутина», – вспомнила строчку.

...За спиной Алёны дрогнули ступени – по крутой лестнице спускался вниз Василий. Она с удовольствием смотрела на мужа, на его крепкую, высокую фигуру, облачённую в ночную пижаму в крупную серую клетку, на его всклокоченные светлые волосы на голове, на улыбку до ушей на круглом заспанном лице.

– Привет, родная, – обнял он Алёну и чмокнул в щёку. – Извини, проспал, не слышал, как ты встала... Чего-то вкусненького напекла?

– Ничего особенного, – повела плечом Алёна, выключая электроплитку со скворчащей на сковороде порцией сырников.

Они уселись на табуретки за деревенский стол, накрытый просто: посредине на белой скатерти – баночка с букетиком полевых цветов. Тут же в глубоком голубом блюде со слегка выщербленным краем высилась

горка крохотных ароматных сырников, стояли расписные чашки и блюда. Алёна привезла сюда давно забытую посуду, которая уж много лет пылилась в кладовой городской квартиры. Василий взял в руки чайную чашку и посмотрел на просвет:

– Смотри-ка! – зацокал языком. – Я думал, мы от них лет сто назад избавились. Ан, нет! Вот что значит хозяйственная жена...

– Ешь давай! – зарделась довольная Алёна.

– Устал вчера как собака, – рассуждал Василий, с аппетитом уплетая один сырник за другим. – Согласись, и ты не ожидала, что на нашей даче дел невпроворот?! Зато погода отличная! Буду сегодня дрова колоть, ведь зима впереди, холода. Сколько дровишек надо, чтоб печку натопить?!

– Да уж, поняла вечером, – отозвалась жена, пробуя горячий чай.

Идея – занять дом в деревне, – как осенняя паутина, давно носилась в их семье. У компанейской Алёны немало семейных подруг на всё лето перебирались из пропахшего асфальтом города в свои загородные резиденции. Часто приглашали в гости её с Василием. Почти каждые выходные они ездили гащивать к друзьям на дачи, где жарили шашлыки, жарились на солнышке, купались в прогретых прудах или речках, рыбачили, вечерами пили вино, отмечая бесконечные дни рождения или просто так, пели под караоке и танцевали на траве или на застеклённых верандах. А на расспросы гостей про грядки, посадки, сорняки и урожай хозяева отмахивались, отделялись шутками, типа «своя ноша не тянет».

Наконец, прошлой весной Алёне так сильно захотелось, чтобы и у них в семье, было, как у всех, то есть, свой дачный участок, и лучше сразу с готовым домом, что она начала методично собирать информацию – где и что в сельской местности продают. И с лёгким на подъём мужем стала объезжать окрестные селения. Они побывали в десятке сёл и деревень, тщательно осматривая торгуемые усадьбы, подолгу беседовали и с хозяевами, и с их соседями, ведь хорошее соседство в деревенской жизни для щепетильной Алёны тоже было немаловажно.

Тем не менее, как говорится, «не срасталось». Не лежала душа к появляющимся вариантам: то не нравился покосившийся от времени старый домишко из почерневших от неумолимого времени брёвен, то участок был настолько мал, что, казалось, не развернёшься с настоящим огородом. А то не внушали доверия соседи, крепко «закладывающие за

воротник», или деревня была неустроенной – ни магазина, ни фонаря, а дорога в населённый пункт навевала тоску ямами да ухабами...

Василий молча соглашался с женой. За годы совместной жизни привык доверять и полагаться на её вкус, молча заводил семейный «паркетник», чтобы вернуться в городскую квартиру и начать поиск сначала.

На сразу приглянувшийся вариант наткнулись, как это часто бывает, случайно. Алёна увидела в интернете скромное объявление: двухэтажный деревянный дом с большим участком в тридцати километрах от города, хорошая дорога с асфальтовым покрытием. Внимание привлекла и строчка, что тамошние поэты даже стихи о посёлке сложили. В общем, решили съездить и посмотреть.

И сразу влюбились в Асерхово!

По хорошей погоде, да по ровному асфальту доехали быстро и без особого напряжения. Василий всю дорогу был непривычно возбуждён и разговорчив. «Я в компьютере смотрел, – вспоминал он. – Сначала идёт подъём перед Радужным, потом спуск после Федурново. А какая отличная дорога!» – нахваливал он, радуясь, что асфальт привёл их в посёлок и не закончился на ухоженных поселковых улицах.

Большое поселение со всех сторон обступал вековой хвойный лес. Несмотря на частокол огромных сосен и елей, он не казался мрачным и угрюмым, напротив, был ясен и приветлив, весь пронизан светом, а редкая травка в песчаном грунте из окна автомобиля смотрелась мягкой подстилкой, манившей прогуляться по ней босиком.

По широкому мосту пересекли окружённую зарослями тихую речку. И вскоре въехали на прямую, как стрела, длинную центральную улицу, застроенную двухэтажными жилыми домами с аккуратными фасадами. «Лесной проспект», – высмотрела Алёна вывеску с уличным названием.

– Давай прокатимся, посмотримся, что тут есть, – предложил Василий, сбросив скорость.

– Клуб-то! – показывал Алёне муж на другой улице. – Целый Дворец культуры...

На улицах, проложенных будто по линейке, было довольнолюдно. У многих домов стояли автомобили, бегали ребятишки, спешили с сумками хозяйки, неторопливо прогуливались с детскими колясками молодые мамы. Октябрьская, Школьная, Молодёжная – уличные названия,

конечно, не отличались от других российских селений. Однако проезды здесь были просторней и благоустроенней, чем у иных.

– Смотри, магазин, да большой! – подал голос Василий.

На автобусной остановке посреди посёлка толпилась кучка местного народа, внимательными взглядами проводившего их джип. На Школьной улице просторное здание школы соседствовало с красивой деревянной церковью с зелёной крышей и небольшим шатром под золотой главой купола, по бокам крышу украшали «луковки» крохотных куполочков, тоже поблёскивающих позолотой. Поражал оригинальностью и строгостью памятник героям Великой Отечественной войны: в узкий, высокий постамент «воткнули» что-то вроде длинного отполированного куска арматуры с пятиконечной звездой на конце.

Голубые, красные, зелёные кровли добротных частных домов и коттеджей радовали глаз, в открытых окнах плескались на сквозняке светлые занавески, в палисадниках за невысокими заборами буйно «полахали» яркие цветочные клумбы, сочной зеленью просвечивали кусты.

Они развернулись на Лесном проспекте, свернули на Заводскую улицу, выехали на Садовую. Медленно двинулись мимо ряда одноэтажных двухквартирных домов. Усадьба, которую искали, была самой последней – за ней начинался лес. Нужный дом возвышался гордо, но стоял не на «красной» линии, как соседние жилые постройки, а прятался внутри участка в окружении рябин. Зато на этой самой линии расположилась баня.

Джип проехал вдоль ровного забора, трава у которого была скошена, притормозил рядом с калиткой. Василий заглушил двигатель и опустил передние стёкла, чтобы лучше рассмотреть недвижимость. В салон машины ворвались птичьи голоса, собачий лай. Двухуровневый деревянный рубленый дом отсюда выглядел симпатичным высоким теремом, с узковатыми, правда, окнами.

– А что! – сказала Алёна, – Мне пока нравится...

Василий выждал ещё несколько секунд и нажал на клаксон. И в тот же миг калитка распахнулась, на улицу вышел худой невысокий мужчина лет сорока пяти, тёмноволосый, в застиранной футболке цвета мандарина, чёрном трико и растоптанных башмаках. Живые сливовые глаза светились неподдельной радостью.

– Здрасьте! – кинулся он к машине. – Вы же из города? Покупатели? Это вы мне звонили? Алёна? – сыпал он вопросами, помогая гостье выйти из авто. – А мы ждём вас, ждём, думаем, задерживаетесь... – повернулся он к Василию и уважительно поглядел на него снизу вверх. – Меня Павлом зовут, Пашей, – протянул гостю сложенную лодочкой узловатую ладонь. – Асановы мы...

Из калитки выглянули два коротко стриженных пацана – одному на вид лет двенадцать, другой поменьше.

– Пап, – позвал тот, что старше, – мамка спрашивает, почему во двор не заходите? Она стол накрывает...

– Скажи, идём, – Павел отступил в сторону, пропуская приезжих. – Заходите.

Палисадник перед домом больше напоминал травяную лужайку, где чего только не было: валялись напиленные чурбаки, детские игрушки, сломанные стулья и останки ещё какой-то мебели, от наполовину разваленной поленницы тянулся беспорядочный шлейф дров.

Посреди двора стояла высокая полная женщина неопределённого возраста в цветастом длинном халате и добродушно улыбалась гостям, ветерок шевелил выбившуюся из-под газовой косынки золотистую прядь волос. Стройная, выше среднего роста, светленькая Алёна рядом с ней казалась вчерашней выпускницей школы. Возле хозяйки вертелась ладная девочка-подросток, лицом и голубыми глазами – вылитая мать, а за подол женщины держался и испуганно смотрел на гостей кудрявый малыш.

– Здрасьте, – тягучим низким голосом произнесла Пашина благоверная, потом представилась, – Василина, – и пригласила гостей обедать.

Василий вопросительно глянул на жену, та категорично произнесла: «Нет! Сначала давайте всё посмотрим».

Ну, посмотрим, так посмотрим, согласились хозяева. Решили начать с земельного участка. Земли за домом, показалось Алёне, немерено. Причём, на одной – ухоженной – половине аккуратные ровные грядки наполнились урожаем, поблёскивала стёклами теплица, тянулись стройные ряды отцветшей виктории, а на ягодных кустах и яблонях урожай, напротив, ещё только наливался. Вдоль дорожек кустились розы, их жёлтые, розовые, красновато-коричневые, оранжевые головки радовали глаз.

На задах, на тщательно прополотых и окученных картофельных шеренгах – соток на восемь – с ботвы осыпались сиреневые и белые соцветия. Вдоль забора на этой стороне огорода росли долговязые, усыпанные недоспелыми бело-жёлтыми ягодами кусты малины. Зато примыкающий к этому оазису отрезок земли затянул высокий непроходимый бурьян.

Как заправский экскурсовод, Павел уверенно водил гостей, демонстрируя каждый кустик, каждое дерево.

– Тут по улице казённые дома настроены, все – на два хозяина, и всем хозяевам нарезали по пятнадцать соток. На нашем месте такой же дом стоял, да сгорел в одночасье... Когда мы место под дом с огородом выкупили, построились, хотели и брошенный соседний участок присоединить. Только у нас с Васей руки так и не дошли. А! Нам хватает... – деловито почёсывая то затылок, то загорелую шею, оглянулся он на жену, идущую следом за ними по доскам тротуарчика между грядок, следом за ней семенил малой, крепко держась за руку. За ними – мальчишки, их сестра замыкала процессию.

– Нам и этого не съесть, – подтвердила Василиса и, округлив глаза, выразительно посмотрела на Алёну. – Тут хоть и песок, а всё так и прёт, только не ленись полоть да поливать...

– Как же вы со всем этим справляетесь? – недоверчиво покачала головой Алёна. Жительнице города, ей трудно было представить, сколько труда требует такой огород.

– А, не бойтесь, – понимающе усмехнулась Василина, легонько разглаживая руками складки халата на груди. – Мы справляемся, люди справляются, и вы справитесь...

– У нас свой водопровод, – молвил Павел и потрогал ногой торчащую из земли возле яблони трубу с водопроводным краном, снабжённым круглым «барашком». – А воздух-то прямо целебный, на хвое настоян! – прибавил он, тоже глядя на Алёну.

– Так и есть! – согласился Василий. – Не могу надышаться... – и умолк от того, что жена незаметно ткнула локтем в бок.

По протоптанной в высокой траве тропинке дошли до бани с летней верандой. Алёна удивилась, что в ней нет даже предбанника: и раздевались, и мылись, и даже парились – всё в общем пространстве. «Не по-русски как-то...», – отметила она, но вслух ничего не сказала.

Ну а потом они ходили по дому. Хозяева дотошно демонстрировали каждый угол. И они обследовали сени, так назвал прихожую Павел, заглядывали в кладовую, под лестницу, рассматривали вид из окон, действительно оказавшихся узкими: «Чтобы зимой было теплее», – объяснил хозяин.

Внутри дом был устроен намного проще, чем хотелось бы покупателям. Первый этаж представлял собой одно общее помещение, посреди которого упёрлась в потолок широкая, выкрашенная известью, русская печь. У одного окна – длинный обеденный стол, у другого – накрытая покрывалом железная койка, недалеко от неё – разложенный диван-кровать с горкой разноцветных подушек и подушечек. Большой неразгороженной комнатой был и второй этаж, где тоже стояли двуспальная кровать и диван, на комод – старенький телевизор, было много разных других мелочей, без которых не обходится ни одна семья, тем более, многодетная. На верхнем этаже было устроено продолжение печи – что-то вроде камина. «Подтопка, – пояснил Павел. – Зимой с ней теплее».

Василина настряпала пирогов. «Эти с картошкой, – пододвигала она гостям тарелку со стряпнёй. – Вот – с капустой, с моркошкой. А эти с малиной, ребятишки их любят», – и она ласково потрепала самого маленького по кудрявой макушке. Малыш макал пирожок в блюдце со сметаной и деловито жевал. Молча ели и остальные дети, пироги запивали чаем, изредка поглядывали на городских.

В начале обеда Павел предложил попробовать ягодной наливки, поднял тост «за то, чтобы мечты сбывались». Василий отказался: «За рулём...». Алёна отпила из гранёного стакана и отставила его. Василина свой тоже отодвинула, а глава местного семейства всё подливал себе из трёхлитровой банки ароматную хмельную жидкость, покраснелся и разговорился...

– Мы ведь сюда из Киргизии перебрались, – он вытер губы тыльной стороной ладони. – Как Союз затрещал по швам, там такое началось! Они сначала всё с узбеками в Ошской области разбирались, митинговали, дрались до смерти, землю делили. А потом в 91-м независимость объявили, из Союза вышли и за русских принялись. Никакой жизни не стало... С работы увольняйся, квартиру отдай! Чужаки, мол! Хотя мы там

десятки лет прожили, на местном заводе с Васей вкалывали. Их у нас уже трое было, – кивнул Павел на ребяташек. – Мал мала меньше. Вот и решили в Россию уехать. Всю карту изрисовали, место хорошее искали. Я вам так скажу, – понизил он голос, – нету места лучше Асерхова... Места здесь чудные, хоть рыбалку возьми, хоть грибы, хоть ягоды. С работой, правда, туговато становится. Но вы же не на работу сюда собираетесь? – он отхлебнул из стакана.

– Какая работа! – воскликнул доедавший четвёртый пирожок Василий. – Нам под дачу... – и осёкся, почувствовав, как жена толкнула ногой под столом.

– Да лучшего варианта не найдёте! – хозяин пристукнул по столешнице кулаком. – Народ тут интернациональный, со всей России, потому и добродушный. Любых возьмите. Солдатовы, в посёлке живут, Куликовы, Ореховы, Бирюковы, Косолаповы. Рядом с нами соседи – одни из Красноярска прибыли, другие – из Костромы. Слышь, собака их тявкает? Люди сюда на заработки ехали, опять же за природой. Ведь посёлок, считай, новый, его строить начали в начале «пятидесятых», когда торфопредприятие появилось. Здесь на болотах торфа немерено, вот и решили добывать...

На всю страну объявили: требуются рабочие руки, жильё гарантируется. Вместе с торфоперерабатывающим заводом в Асерхово построили многоквартирные дома, школу, детсад, медпункт, почту, клуб, поселковую баню. Дорогу проложили, и не только асфальтовую, была и железнодорожная узкоколейка – до станции с романтическим названием Улыбышево – для вывозки торфа.

– Народу понаехало! Тыщи полторы, – со знанием дела рассказывал Павел. К концу «семидесятых» торфа и торфобрикетов выпускали до ста тысяч тонн в год. Все ближние болота в лесу перекопали, а выемки заполнила вода, отстоялась, очистилась. Кто-то запустил в эти рукотворные озёрца рыбу-ротана, и кроме удовольствия от купания местные мужики стали получать радость и от рыбалки.

– У нас эту рыбу головешками называют, – хозяин, привстав, снова наполнил свой стакан из банки. – У неё башка здоровая, а тело короткое, сантиметров на двадцать. На бычка похожа, если знаете. Мороза не

боится... И наши пацаны её рыбалют, – старшие мальчишки заулыбались, закивали головами. – Я её вялю, а Вася жарит... Вкусно!

– Тут в трёх километрах в лесной глухомани обалденное озеро Исихра, – продолжал нахваливать Павел. – Большущее, карстовое. На машине к нему не проедешь. Там в выходные вся наша деревня: гуляют, купаются, рыбачат, на лодках катаются. Да-да, лодки люди на озере держат! Красота, чистота, воду пить можно!

Он основательно глотнул и продолжил «водную» тему:

– Как в посёлок въезжали, нашу речку-то видели? А через дорогу от нашего дома пожарный пруд? Не заметили за травой? – Василий отрицательно покачал головой. – Увидите. Я в него как-то ведро мальков карася запустил. Теперь он подрос... Во! – отмерил он одной ладонью другую. – Мы его тоже рыбалим для интереса. Так что, если рыбалку любишь, не заскучаешь, – он панибратски похлопал по плечу жующего очередной пирог Василия.

Василиса потянулась за чайником и долила в чашки гостям и ребятишкам ароматного чая, Павел плеснул себе ещё настойки.

– Чем сейчас жители занимаются? – не утерпела Алёна.

– Щас всё расскажу! – вскинул подбородок Павел.

В 1980-х годах добыча торфа начала снижаться, пошли «вниз» и перевозки по узкоколейке. А потом и вовсе люди начали растаскивать железную дорогу по своим дворам. И чтобы народ не разъехался, власти решили устроить лесопильное производство – лесхоз.

– А как же?! – хозяин вытер кулаком губы. – Леса-то навалом... Местные рассказывали, что дело пошло хорошо. Дома на нашей улице именно лесхоз настроил для своих работников. Она и называлась Лесхозовской. Это потом её Садовой назвали. А народ до сих пор всё Лесхозовской называет...

Но к началу 2000-х, когда семья Павла в Асерхово перебралась, лесхоз тоже начал «сдуваться» под натиском рыночной экономики. Пошли увольнения, люди стали уезжать из посёлка. При всем при том местные умные головы снова нашли выход: привлекли частный бизнес и открыли на базе бывшего торфопредприятия завод автозапчастей.

– Я ведь тоже там работаю! Нас на заводе больше ста человек, – в чуть заплетающемся голосе Павла звучала такая гордость, будто, как минимум, производством руководил он. – Автоприборы делаем, комплектующие выпускаем для «мазов», «пазиков», «газиков». Разные термостаты, тахометры для легковушек... Я же слесарь, – определил, наконец, он своё место в заводской цепочке.

Павел, казалось, забыл, зачем приехали гости, с увлечением рассказывал про спидометры и стеклоочистители...

– Эх, жить бы, да работать... – вздохнул он, внимательно изучая свои мозолистые ладони.

– Почему же решили уехать? – поинтересовался Василий.

– Так беда у нас, климат малому не подходит, – он потянулся к малышу. – Нашему Паше, Пал Палычу. Аллергия у него. Врач советует срочно переехать в степную зону...

– И куда решили? – Василий примерился к очередному пирожку.

– В Белгородскую область, – приласкал затылок малыша Павел. – Нашли хорошую деревню, племзавод. Строиться будем.

Василина всё подкладывала стряпню, Алёна скромно пила чай да помалкивала. Пауза стала затягиваться...

– Спасибо вам! – поднялась Алёна. – Поедем мы...

– А как же... – растерялся Павел. – Что надумали-то?

– Пока не знаем, – гостя потянула мужа за рукав. – Подумаем... А за сколько продаёте? – как бы между прочим спросила она хозяйина, и когда он назвал сумму, округлила глаза. – Дорого! Нам не потянуть...

– Да как же!?! – всплеснул тот руками. – А дом-то! А огород! А воздух тут, не надышишься! Тут черничные ягодники прямо за околицей, в лесу полно брусники на полянах, на старых торфяниках клюкву собираем, – торопился он от волнения, приводя гостям всё новые выгоды.

Но Алёна снова твёрдо повторила: «Подумаем!» – и они с Василием уехали. Однако думали недолго. И усадьба, и посёлок в лесу им понравились. Поэтому приступили к торгу, ещё несколько раз побывав в Асерхове. Павел немного сбавил цену, хотя всё равно вышло недёшево, и пришлось брать кредит. С документами на покупку тоже повозиться довелось – не так всё просто оказалось в местном сельсовете. Да и Алёне, как говорится,

«загорелось» объединить ухоженный участок Павла и бесхозный соседний. «Представляешь? У нас будут свои тридцать соток! – мечтательно закрывала она глаза. – Соединим их, сад разобьём с лужайкой...». «Представляю!» – кивал Василий...

В конце концов, сделка состоялась, бывшие хозяева съехали, и новосёлы вознамерились полностью вступить в права деревенских собственников.

Взяли небольшой отпуск. Василий занял у знакомых автоприцеп для джипа, который они с Алёной доверху набили разобранной мебелью, стародавними ковриками и коробками с постельным бельём, полотенцами и посудой, шторами, одеждой и обувью, порошками и мылом, тазиками и вёдрами, купленными новыми лопатами и граблями, кулёчками и пакетами с семенами, набором инструментов и – на всякий случай – лекарствами, гвоздями и шурупами, бывшими в употреблении бытовыми приборами. Среди прочего были телевизор, уют, электроплитка, чайник. И много ещё чего, что годами копится в квартире запасливой хозяйки, которая пользоваться этим уже не хочет, а избавиться не хватает духу, зато отвезти старые вещи на дачу – в самый раз. Багажник и задние сиденья тоже загрузили коробками.

Сентябрь выдался тёплый и сухой, как и всё только что прошедшее лето. Пока ехали в деревню, Алёна с удовольствием разглядывала в окно, как берёзы играют яркой желтизной листьев в лучах солнца, любовалась на их кудрявые ещё кроны, покрытые свежей позолотой.

В свои деревенские хоромы они заехали в пятницу вечером. Василий снял со столбов одно из звеньев забора, загнал машину прямо на лужайку перед домом и вернул изгородь на место. Торопливо разгрузили прицеп, сложили его содержимое на первом этаже.

Прошлые владельцы оставили новосёлам кое-что из обстановки. На кухне ожидал слегка расшатанный, но исправный небольшой стол и пара табуреток, а наверху – скрипучая деревянная кровать, которую Павел решил не трогать, иначе развалится.

Василий с хозяйской неторопливостью обходил дом и двор, прикидывая фронт предстоящих переустройств усадьбы на свой лад. Алёна вначале тоже ходила за ним, на ходу раскладывая по местам кое-какие вещи, выдавала мужу ценные женские советы. А потом принялась колдовать над ужином из бутербродов, салата из припасённых в городе овощей. Чай

пили из стеклянной баночки и колпачка от термоса. «Сегодня как-нибудь перебьёмся, – успокаивала она. – Завтра всё распакую, заживём...».

В сентябре в этих краях темнеет рано. А в окружённом лесом посёлке смеркаться начало, как только солнечный диск скрылся за макушками сосен, и едва лишь закатные лучи выкрасили чистую небесную высоту в розовый цвет, на улицах воцарились мрачные сумерки. Но темнота продержалась недолго, прошло несколько минут, и на улицах, во дворах, усадьбах, на фасадах домов, площадках у школы, клуба и в других местах привычных деревенских тусовок разом вспыхнули электрические огни и рассеяли мрак, сделали уютным внешний вид посёлка. Даже собачий лай с соседнего участка стал радостней.

Наши новосёлы тоже включили лампочки в доме и во дворе – света оказалось маловато, но стало гораздо веселее – сидели на табуретках, мечтательно попивая остывший уже чай, и вели тихий, неторопливый разговор о том, как хорошо им будет жить в деревне. Решили завтра навести в доме и во дворе элементарный порядок, а в воскресенье погулять по лесу, разведать дорогу на ближайший водоём. Между тем в приоткрытое окно потянуло прохладой, а в доме и днём-то не было особого тепла, ведь печь не протапливали со дня отъезда старых хозяев.

– Холодновато! – зябко повела плечами Алёна и плотнее закуталась в любимую шерстяную чёрную кофту.

– Давай затопим печь, – предложил Василий, встал, закрыл окно и обнял жену за плечи.

– Пожалуй, – согласилась Алёна. – Только я не умею, топи сам.

– И я... – запнулся муж, – тоже не умею. Но надо же как-то начинать. Учиться будем...

Печь была знатной. Большая, кирпичная, выбеленная известью, она стояла посреди первого этажа, её широкая и толстая задняя стена уходила в потолок. Создатель этого сооружения сложил нечто среднее между старинной русской печью и теми печками, которые сегодня кладут современные печники. В её нижней части, у самого пола, было устроено широкое округлое подпечье, где держат запас дров, можно и обувь посушить. Чуть выше располагалось прямоугольное углубление – шесток для посуды, чайника, разных банок-склянок, там же лежал коробок спичек. Ещё выше была устроена топка с поддувалом. Вход в топку

закрывала квадратная чугунная дверца побольше, а в поддувало – узкая дверца поменьше.

Сверху топку накрыли чугунной плитой с двумя конфорками, накрытыми металлическими кольцами.

Василий с интересом изучал всю эту непростую конструкцию. Открыл топку, и на него дохнуло запахом сгоревших дров, на пол сыпанулись взметенные печным сквозняком крупинки древесной золы, он испуганно вернул дверцу на место. Обошёл кругом этот «агрегат» по производству тепла, обнаружил на его задней стене – на уровне груди – неглубокие ниши для лучшей теплоотдачи. Выше них увидел маленькую дверцу, что называют вьюшкой. А у самого потолка из кирпичной стенки печи торчал плоский металлический лист с рукояткой. «Задвижка», – догадался Василий и тут же пожалел, что не расспросил Павла, как управляться с печным хозяйством.

Алёна сидела на табурете и как заморожённая наблюдала за мужем. Тот принёс с улицы охапку крупных берёзовых поленьев, с шумом ссыпал их перед печью. Набил ими топку, вытащил из кармана куртки старую газету, развернул, скомкал и засунул этот бумажный ком под поленья. Чиркнул спичкой, но не успел поднести к бумаге – огонёк задуло печной тягой. Тогда он сложил вместе несколько спичек, поджёг, подождал, когда разгорятся и, прикрывая ладонью, поднёс к газете, та нехотя занялась пламенем, которое поползло узкой полоской по бумаге, высвечивая внутренности топки. Василий осторожно прикрыл дверцу и, сидя на корточках перед печкой, принялся ждать.

Алёна смотрела на него с умилением, удивляясь про себя, откуда он, родившийся и выросший в коммунальной квартире Санкт-Петербурга, среди брусчатки, асфальта и поребрика, умеет всё это? «Смотрите, аккуратнее там, – вспомнила она, как напутствовала её по телефону из Северной Пальмиры свекровь. – Мой Вася никогда в деревне не жил. Городской до последней жилочки», – то ли с сожалением, то ли с гордостью говорила она снохе.

Между тем, печь не считала нужным разгораться. Василий с удивлением обнаружил это, когда вначале приоткрыл, а потом и распахнул дверцу тёмной топки – газета превратилась в пепел, однако поленья не подожгла.

– Ну вот! – раздосадовано развела руками Алёна. – Подожди, – вспомнила она и кинулась в прихожку. – На, – вернулась и подала мужу бутылочку с жидкостью для розжига. – Только смотри, осторожней...

Василий плеснул жидкости на дрова, чиркнул спичку и только приблизил её к топке. Полыхнуло так, что он едва успел захлопнуть дверцу и затряс опалённой рукой. В печи затрещало. А Алёна, охнув, быстро намочила чаем вафельное полотенце и наспех обмотала мужу руку.

– Да не больно, – с виноватым видом говорил он. – Заживёт... – потом наклонился к затихшей печи. – А ведь опять не разгорелась!

Дрова, действительно, лишь почернели с краю.

– Давай по-другому попробуем, – потёр шею Василий. – Наверное, я много дров набил.

Он выгрузил их из печи, выбрал три полешка, прикинул и уложил в топке крест-накрест. С других поленьев содрал кору и тоже засунул в печь. Нашёл в прихожей ещё одну старую газету, разорвал на куски, каждый скомкал – и туда же. Посидел на полу, задумчиво глядя на творение своих рук, и прикрыл дверцу поддувала. Лишь потом осторожно поджёг газету, завитушки коры и оставил топку приоткрытой. Огонь занялся сразу, поленья разгорелись, защёлкали, разбрасывая искры по печной серёдке. Василий сунул ещё дров – в печи загудело.

– Научимся! – с победным видом поглядывая на жену, заявил он. – А как же иначе!

Печные бока потеплели, а с ними теплее стало и на кухне. Виктор всё подкладывал и подкладывал дрова, пока не закончилась вся охапка.

– Наверху пока холодновато, – сообщила ему с лестницы Алёна и прикрыла ладошкой широкий зевок. – Может, спать пойдём?

В топке ещё потрескивало. Василий потрогал нагретую боковину печи:

– Слышал, если заслонку закрыть, то тепло будет держаться дольше... Только не помню, дрова ещё должны гореть, когда её закрывают, или надо ждать, чтобы совсем прогорели...

Они подумали и решили: раз уж не знают точно, лучше не рисковать и оставить заслонку открытой. И улеглись спать. Невидимый поселковый морфей в сочетании с чистым воздухом, переполненным фитонцидами, в

считанные минуты разрешил им забыть о суете большого города, растворил во сне все их тревоги и волнения.

Спать пришлось в прохладе, зато спали крепко.

...А утром в субботу солнце снова взошло над землёй, радуя бесконечный, звучный хор местных птах. За этот первый деревенский день они «чёрту голову свернули», такой итог подвела потом за ужином Алёна.

Вначале утром они съели остатки вечернего скромного пиршества. И началось. Алёна мыла и скоблила до обеда верхний этаж. Скребла углы, сметала паутинки со стен и пыль с камина, а муж выносил во двор ненужный хлам от бывших хозяев. Она раскрыла настежь окна с пыльными разводами на стёклах и долго с удовольствием вглядывалась в сосны, желтеющие кусты, мелькавшие повсюду в воздухе паутинки. После перетряхнула с Василием кровать, тщательно вымыла окна, двери и дверные ручки.

Василий собрал из привезённых запчастей тумбочку, установил на неё и подключил телевизор, очистил от золы каминное нутро, помог Алёне повесить шторы. За первую половину дня он раз двадцать сбегал по лестнице вниз и поднимался на второй этаж то по собственной инициативе, то по просьбе жены – за «деревяшками», инструментом, телевизором, постельным бельём, шторами, ковриками и половичками, выплёскивал на траву грязную воду и наполнял ведро из кухонного крана чистой. Прилаживал к стенам вешалки для одежды, полки для белья и всякой всячины.

В перерывах между просьбами жены о подмоге успевал на дворовой лужайке собирать и укладывать в поленницу раскиданные перед домом дрова, «сгонял» в кучу цельные чурбаки, которые дети раскатали по двору, «выколупывал» из травы потерянные или забытые ими игрушки и другую мелочь. Он и пыльный чердак обследовал. Дневной свет туда проникал через небольшое прямоугольное окно, занавешенное куском старой простыни. Разного хлама там хранилось навалом, но он решил оставить его на потом.

Заглянул Василий и в сад-огород. Урожай с грядок прежние владельцы убрали, и на месте моркови, помидоров, картошки и рано срезанных вилок капусты тут и там из серо-жёлтой земли повылезли уже сорняки.

Заметил неубранный картофельный рядок, который, по всей видимости, оставили новосёлам.

Кусты смородины и крыжовника обвисли под тяжестью ягод, частые красные ягодные точки проглядывали и среди листьев малины. Деревья едва удерживали на ветвях обилие яблок. Зато на другой половине земли, которая теперь тоже принадлежала им, по пояс высился сплошной травяной сухостой. Землевладения казались необъятными. «Да-а-а...» – вырвалось у Василия растерянно и даже жалостно. Но он решил сегодня ничего не говорить жене про эту, ожидающую их, сторону «прелести» новой сельской жизни.

– ...Надо нам здесь холодильник завести, – сказала Алёна, когда они покончили с субботним обедом, и муж, сыто икнув, прислонился спиной к стене.

Василий установил двухконфорочную плитку. И она на обед разогрела борщ и тушёную картошку с мясом, приготовленные ещё дома. Он же к обеду принёс с огорода пучок свежих перьев лука-батун, стебельков кресс-салата, укропа, нарезал хлеб. Запили обед минералкой. «Чай будет вечером», – сказала Алёна.

Первый этаж напоминал им городскую квартиру-студию, где кухня безо всяких перегородок совмещена с гостиной. Железную койку, диван-кровать с разноцветными подушками и длинный обеденный стол бывшие хозяева забрали с собой.

После обеда Алёна мыла на кухне окна, а Василий укрепил расшатанные ножки старого квадратного стола, который Павел оставил им «на первое время», и садиться за него теперь можно было без опаски. Потом жена убиралась за печью, оттирала пятна на полу и на стенах, а муж приводил в порядок раковину в кухонном углу и водопроводный кран над ней. Он собрал и приладил на стену шкаф для посуды, закрепил простенький светильник на потолке, ввернул в него новые лампочки и включил верхний свет, потому что с улицы неумолимо надвигался сентябрьский вечер.

– Занавески не успеваю сегодня повесить, – пожаловалась Алёна. – Их ведь ещё погладить надо. Ну, да с улицы нас не видно... Завтра сделаю. – И она оставила в покое на печном шестке электрический утюг, за который было взялась.

Ещё часа три они провели в суете. Раскладывали вещи, одежду, распаковывали коробки. В одной отыскался старый будильник с механическим заводом и тихо, по-домашнему, затикал на краю стола. С печи просто смахнули пыль, решив при случае побелить её бока свежей известью. Алёна сложила в шкаф посуду, застелила стол белой скатертью. Уже в сумерках Василий сорвал несколько цветов, что росли на улице вдоль забора, вручил этот нехитрый букет жене и поцеловал в щёку: «С новосельем, родная!» «У, небритый! – дурашливо отстранилась Алёна. И пока она расставляла тарелки, крошила и резала продукты, он осторожно брился у раковины с холодной водой, поглядывая в небольшое зеркальце. Поздний ужин у новосёлов вышел хоть и скромным, но праздничным. Жена установила в центр стола банку с цветами, Василий ловко откупорил бутылку сухого красного вина. Чудесные котлеты и овощной салат Алёна тоже приготовила ещё в городе, здесь только разогрела еду.

За окном была непривычная для городских жителей тихая сельская ночь, по всей видимости, задремала даже соседская собака.

– Наверное, завтра в лес гулять не пойдём, – проговорила Алёна, убирая со стола. – Мы ведь ещё в огород не заходили...

– Почему же, – устало потягиваясь на табурете, ответил Василий. – Я заходил. Поле необъятное... Работы там!

– Ничего, – откликнулась жена. – Ты же знаешь, как говорят: глаза боятся, а руки...

– Да, знаю... – улыбнулся он. – Всё переделаем. А сейчас спать...

Печь этим вечером решили не трогать, памятуя о вчерашних хлопотах с ней, лишь теплее оделись на ночь...

И вот воскресным утром пили чай с сырниками – первым блюдом, которое Алёна испекла в этом доме, иначе городской творог грозил «не дожить» до нового вечера. «Устал вчера как собака, – рассуждал Василий, уплетая один сырник за другим. – Согласись, и ты не ожидала, что на нашей даче дел невпроворот?!»

Прихлёбывая чаёк, говорили, о погоде – пока стоит отличная, о гостях – если приедут сюда, надо подумать о спальнях местах, о том, что хоть тут лес да болота – комаров они ещё не видели.

Однако сколько ни сиди за утренним столом – время идёт, а работа стоит. «Мне папа в детстве говорил, – вспомнила Алёна, – трусливые у нас только глаза, зато руки значительно смелее... Пойду на огород, – поднялась она и медленно потянулась, разминая ноющие с непривычки мышцы.

– Надо с ним что-то делать.

Муж настроился колоть дрова, чтобы во время зимних наездов в деревню было чем топить печь. Крепкий увесистый колун он обнаружил в кладовой.

...Алёна бродила по земельному участку: на руках – хлопчатобумажные перчатки, в руках – непривычная лопата, – разглядывала ягодные кусты, урожай которых ждал новых хозяев, трогала ветви, склонившиеся под весом яблок, их тоже предстояло снять, иначе поломают ветки, любовалась розами, и они дожидались предзимней обрезки. Прикидывала, что в теплице надо повывёрнуть разросшиеся огуречные плети и голые кусты помидоров. А на дальних грядках, говорили ей более опытные в огородных делах подружки, надо посадить в зиму чеснок, можно и лук, и даже морковь, чтобы всё это весной раньше проросло – да на стол. «А травы-то! – возмущалась про себя Алёна. – Будто специально посеяли». Она то и дело нагибалась и обрывала стебли полевого вьюнка, пытавшегося опутать гибкими побегами с белыми цветамикокольчиками куст крыжовника, а то выдергивала из мягкой земли жёсткие стебли пастушьей сумки с крохотными треугольными листьями. Колючий осот приходилось тянуть из земли двумя руками – иначе его длиннющий корень не вытащить. Зато короткие суховатые кустики мятлика поддавались нетрудно, да и мясистые корни припозднившихся одуванчиков обрывались легко, сразу увлажняясь белым соком на месте срыва.

Алёна остановилась у клубничной поляны. Многочисленные усы растений крест-накрест переплели пересохшие без дождей земляные дорожки между грядками. Одни ягодные кустики успели обрасти свежей зеленью. На других были только засохшие и больные листья, которые надо удалять, размышляла хозяйка, рыхля лопатой тропинки и перерубая острым штыком земляничные усы. «Да и полить бы всё как следует, – мозговала начинающая огородница. – Нужно Васе сказать...», – она прислушалась к методичным ударам топора, которые раздавались за домом.

Работы, видела Алёна, действительно, был непочатый край. И безветренное утро с ярким солнцем, чистым воздухом и бесконечным щебетом птиц уже не казалось безмятежным.

В самом углу огорода она заглянула в компостную яму, забитую старыми листьями, небольшими ветками и хвоей. Ещё раз обошла эту, ухоженную, часть их большого теперь участка и направилась, наконец, туда, где землю покрывал плотный многолетний сухостой.

Заросли высотой в пояс состояли из осота с тысячами пушистых головок, похожих на мелкие одуванчики, и прилипчивого репейника. В беспорядке стояли шеренги шершавых ребристых стеблей и осыпавшихся колосьев куриного просо и овсяга, пересохших нитей вьюнка, серых пустых «пикулей» мышиного горошка, серебристых метёлок полыни. Здесь туго переплелись мириады сорняков, и, если к ним притронуться, издавали тихий шелест, напоминающий шуршание перелистываемых страниц книги.

Алёна оставила лопату, ткнув её в землю, прикинула, как удобнее рвать сухие сорняки, и обеими руками ухватила их столько, сколько уместили ладони в перчатках. Изо всех сил потянула на себя – одни стебли ломались, другие обрывались, третьи выдёргивались с корнями. Отбрасывала сухие пучки за спину и снова наклонялась за очередной порцией давно умерших растений. Устав, распрямилась, подперев кулаком ноющую поясницу, и безрадостно посмотрела на необъятный фронт травяного сухостоя. Казалось, нет ему конца и края. «Что же делать? – уныло думала она. – Тут траву за год не выдергать...».

И вдруг мелькнула шальная мысль: надо поджечь затянутое сухими сорняками пространство, размером едва ли не с треть футбольного поля! Совсем не опасно, размышляла она, ветра-то нет, до леса огонь не дойдёт – до ближних сосен далеко, ну, а баня... баня стоит в самом конце поляны. Да и баню от сухостоя отделяет тропинка в метр шириной – пламя не должно перескочить через неё... А что?! Проблему нужно решать быстро и кардинально. Как говорится, лучшая таблетка от головной боли – гильотина... «Сгорит враз, зато участок чистым станет, – тряхнула головой Алёна, отбрасывая последние сомнения. – Вася мне ещё спасибо скажет».

Она бегом направилась к дому, прошмыгнула мимо мужа, который со всего маха бухал колуном по очередному чурбаку, стоящему на крепкой

старой колоде. Он их одним махом разваливал на две половины, потом каждую колот пополам, а четвертушки чурбака – еще на три полена. Вокруг него валялось полным-полно свежих полешек. Он лишь кивнул жене, не останавливая работы.

Алёна нашла в прихожей пачку старых газет и выдернула одну, с печного шестка взяла коробок спичек – и снова бегом на участок.

Там разорвала газету, сунула куски в край сухотравья, зажгла спичку и поднесла к бумаге. Однако огонь потух, будто задутый невидимым дыханием. «Надо же, – усмехнулась она. – Газету поджечь не умею...». И снова чиркнула спичкой о коробок – опять неудача: крохотный язычок пламени бессильно колыхнулся и превратился в серый дымок. «Незадача! – чертыхнулась хозяйка, ей вдруг показалось, что по траве прошелестел ниоткуда взявшийся ветерок. – Да и Бог с ним, – подумала Алёна. – Если и подул, так не в сторону бани, нечего бояться».

Воспламенила третью спичку, дала ей разгореться, прикрывая ладонями, и осторожно двинула руку к газете, но, видно, передержала: спичинка успела прогореть и превратиться в чёрную закорючку, прежде чем коснулась бумажки. Погасла и четвёртая, не подожгла траву и пятая. Будто кто-то специально мешал ей. Алёна занервничала, от внезапно охватившего волнения задрожали руки: «Что же это?! Так и до обеда ничего не сделаю...». Она мотнула головой, откидывая прядь волос со взмокшего лба, несколько раз глубоко вздохнула, успокаивая себя, и снова взялась за коробок.

На этот раз газета сразу занялась: как порох вспыхнул обрывок бумаги, за ним – стебель, сухая травинка, другая, огонь взялся за траву мигом, заплясал рыжей волной, взвился кверху дымом, подхваченным резким порывом сквозняка, который подул, уже не скрываясь...

На Алёну словно столбняк напал: замерев, она заворожённо смотрела на дело своих рук.

– Алёна! – она вздрогнула от резкого мужниного окрика. – Ты что делаешь? Там горит что ли?! – Василий резво мчался к ней, на ходу подхватил одной рукой прислоненные к стене грабли, другой стаскивал с себя футболку. – Эй! – бежал и кричал он. – Горим! Ай! Пожар!

А огонь всё шире раздвигал полукруг на сухой траве, мгновенно превращая в пепел листья, стебли, головки цветов. Василий подскочил к

горящему краю, принялся с ходу отчаянно молотить по пламени и граблями, и влажной от пота футболкой.

– Что стоишь?! Туши. Сгорит, на хрен, баня! А по забору и до дома доберётся! – орал он в голос. – Или за водой беги!

Она очнулась от его воплей, стремглав метнулась к дому, схватила с земли пустое ведро. Ворвалась на кухню, с грохотом сунула ведро в раковину, открыла кран. От страха и нетерпения притопывала об пол подошвами кроссовок. «Господи! Что я наделала! Дура! – стучала кулаком по крану. – Давай, давай! Сгорим ведь...» – истово шептала она.

А вода текла тонкой струйкой – напор был небольшой. «Как там Вася? Вот же дура я! – думала в отчаянии. – Господи, помоги! – молила покаянно.

Увидела в углу большую тряпку – вчера ею мыла пол, запихнула в ведро, вынула и, не выжимая, с полупустым ведром и мокрой тряпкой помчалась на подмогу мужу, оставляя за собой тонкую влажную полосу. Увидела клубы дыма, углядела, что Василий как заведённый лупит по горячей траве, подала ему ведро, сама с остервенением ударила по огню тряпкой. К чести перемазанного сажей Василия, успела отметить, что у него получается брать верх над пожаром.

Жаркая битва длилась не больше четверти часа, а показалось, гораздо дольше. Открытого огня уже не было, дым, правда, ещё вырывался из сухой травы то тут, то там, но Алёна с мужем тут же яростно наваливались на него, отчаянно колошматили тряпьем по опасному месту, рвали тлеющие стебли и отбрасывали на чёрный выгоревший полукруг земли.

Кажется, на едва не разгоревшийся пожар в посёлке никто не обратил внимания, лишь в соседнем дворе взволнованно и глухо лаяла собака.

– ...Прости меня, Вась! – уже в сотый раз просила мужа Алёна. – Я же хотела, как лучше... Глупость сделала, но, правда, не специально. Штаны твои... Вот...

– Да, ладно, чуть полпосёлка не сожгли, а ты про штаны, – великодушно отмахивался Василий. – Обошлось, – говорил он, почёсывая обгоревшие брови и лишившиеся ресниц веки, поглаживая красные пятна на коленях, просвечивающих через дырки на прогоревших штанах. – Успокойся, хозяйка ты моя. Это наша деревенская жизнь налаживается... Хорошо, что баню сохранили, давай-ка сегодня её растопим, отмоемся.

Он сидел на табурете и морщился от боли, когда Алёна смазывала ожоги мазью Вишневского. Потом она хлопотала у плитки, готовила обед. Снова и снова прокручивая в голове случившееся, теперь она отчётливо понимала, что едва не спалила свою усадьбу, а с ней, может, и правда, – полпосёлка, что по её глупости засушливые лето и осень едва не сыграли с ними трагическую шутку. Поджилки дрожали от этих мыслей.

– Прости меня, Вась! – вымаливала она...

А он, тихо усмехаясь, уже в третий раз рассказывал, что уберечь от беды помогло его шестое чувство. Управляясь с колуном, он же краем глаза видел, как она зашла в дом, как быстро вышла назад с газетой в руках. «Я ещё подумал: зачем ей газета? Потом топор положил, думаю, устал, отдохнуть надо. Заодно посмотрю, что там Алёна делает. Будто подсказал кто-то... Только из-за дома вывернул, и вот оно – горит!»

За обедом допили остатки вина. Делать сегодня уже ничего не хотелось. Ещё посидели за столом, повздыхали, окончательно успокаиваясь, даже посмеялись над своей городской неприспособленностью к деревенской жизни, в которой, оказывается, вместо отдыха на каждом шагу их поджидала работа, да всякие неожиданности.

– Ничего, ничего, – утешал Василий. – Втянемся... – и отправился носить в баню воду, растапливать железную печку с каменкой.

– Ага, приспособимся, – вздыхала Алёна, складывая в поленницу нарубленные мужем дрова, а после этого наводила в бане порядок.

На улице галдела местная ребятня, гоняя мяч. Алёна видела, что они бросают любопытные взгляды в сторону их дома. Забеспокоилась: «Уйдём мыться, залезут сюда. Хотя, что тут брать? – она пробежала глазами по кухне, увидела утюг. – Разве что, утюг сопрут, – и решила спрятать его.

Взяла утюг, обмотала шнур вокруг его подошвы, походила по первому этажу. Куда? Не найдя надёжного места, поднялась на второй этаж и сунула утюг под подушку...

Баня вышла на славу! Хотя, конечно, раздеваться, мыться и, плеснув на каменку воды из ковша, хлестать себя веником, который Василий обнаружил на чердаке, потом натягивать одежду на влажное тело – и всё это в едином пространстве – не очень-то удобно. Но, в общем, им понравилось.

– Ничего, – пообещал Василий. – Дай время, я её перестрою.

Снова пили вечерний чай, капнув в него коньяку, плоскую бутылку которого Алёна привезла в одной из коробок. На улице искрилось усеянное звёздами небо. Начинающие дачники так устали за этих два выходных-рабочих дня, что Алёна молча клевала носом, тихо вздыхая, а муж отчаянно зевал и тёр кулаками глаза.

– Чего мучиться-то, айда уже спать, – позвал он.

Она поплелась за ним наверх, и, едва голова коснулась подушки, уснула мертвецким сном.

...Весь следующий воскресный день провели в саду-огороде. Правда, вначале с утра прокатились по посёлку, съездили в местный магазин – пора было пополнить запасы еды.

– Смотри-ка, какой цивильный магазинчик у них! – Василий лихо притормозил на площадке возле одноэтажного здания из красного кирпича.

Народу внутри не было. Продавщица – полненькая молодая брюнетка, назвавшаяся Анжелой, разложила перед Алёной на прилавке на выбор батоны копчёной колбасы.

– Любую берите, не пожалеете, – нахваливала она. – Все свежие.

– А вы к нам жить приехали или проездом? – поинтересовалась Анжела, стрельнув на Василия заинтересованным карим глазом.

– Жить, – хмуро ответила Алёна. – А что?

– Жить – это хорошо! – обрадовалась продавщица. – А то в последнее время из посёлка всё больше уезжают да уезжают. – А если жить будете, значит, постоянно будете покупать...

Они взяли колбасы, сыра, рыбных и овощных консервов, хлеба, молока с кефиром, соли. Сахару взяли – Алёна намеревалась поднатореть в варке домашнего варенья.

...Возились на огороде. Василий – в одной лёгкой футболке и шортах под тёплым солнцем – перекапывал грядки. Алёна собирала ягоду – до половины обобрала один из пяти больших кустов смородины, ссыпая крупные чёрные смородиновые горошины в картонную коробку, следом сюда же потом складывала полосато-зелёные, похожие на маленькие арбузики, плоды крыжовника. «Попробую их вместе сварить, – строила она планы. – Должно быть вкусно».

Пора было готовить обед, и она решила сварить картофельный суп. Благо картошку, морковку и разную зелень брала не на полках городского супермаркета, а на собственных грядках. Это новое обстоятельство и умиляло, и радовало. Подкапывая куст картошки, отчётливо вспомнила свою студенческую молодость: осенью студентов возили на колхозные поля – на помощь селянам в уборке. А ведь и грязь в поле, и дожди, и холод, размышляла она, зато как весело и легко было им, молодым, преодолевать всё эти трудности, не роптать, а распевать во всё горло вечерами у костра. «Ничего, – успокаивала себя. – У нас с Васей всё получится...».

Суп, сваренный из собственных овощей, вышел на славу. Василий ел и нахваливал: «Вкусно! Чувствую, отъемся я здесь».

– Ага! – в тон ему пошутила Алёна. – Сильно-то губу не раскатывай! – и дурашливо хлопнула по его спине кухонным полотенцем.

Почаёвничали, и Василий пошёл в огород – там было ещё копать – не перекопать. А Алёна решила, наконец-то, повесить на кухне занавески. Порывшись в одной из коробок, достала их, светлые с весёлым рисунком, но мятые-перемятые после долгой лёжки в городской квартире. Надо погладить, – она посмотрела на печь, куда ставила утюг, – его там не было. «Стоп, – окинула взглядом кухню в поисках прибора. – Да где же? Ведь помню, здесь была железка чёртова!» Сбегала на огород, спросила мужа: не видал ли? Тот пожал плечами: «Ищи! Кому он нужен?! Не пацанам же с улицы... – не успел договорить Василий, как Алёна хлопнула себя ладонью по лбу и зашлась от смеха, опустившись на землю.

– Ха-ха-ха! Вспомнила, Вася! Вспомнила! Пойдём, покажу, – потянула его за руку в дом, на второй этаж.

Здесь подошла к кровати со своей стороны, откинула подушку – утюг так и стоял тут, спрятанный от посторонних.

– Представляешь! – веселилась Алёна. – На утюге всю ночь спала и даже не почувствовала. Во дела!

– Да, – улыбался Василий. – Дела! Отдыхаем мы на нашей даче так, что ни ног, ни рук, ни головы не чуем!

...А сентябрьские деньки между тем проходили своей чередой, становясь всё короче, вечера – всё темнее. Под утро, на ещё зелёную траву падал

иней первых заморозков. Однако солнце не сдавалось, снова нагревало воздух, казалось, бабьему лету в этот год не будет конца.

Только птичий хор всё редел: не стало чивканья скворцов – по утрам, как в воду канули трели соловья – по вечерам. Над лесом день-два со звонким гамом кружили стаи каких-то мелких птах, потом исчезали, направляясь в южные края, а им на смену начинали «табуниться» новые птичьи косяки. В лесу становилось всё тише, кустарники окончательно пожелтели или покраснели, берёзовый лист непрерывно сыпался на землю. И только гордые сосны и ели зеленели, не признавая времён года.

Наши дачники работали на усадьбе, как говорится, не разгибаясь. Спешили подготовиться к зиме как положено. Понемногу знакомились с ближними соседями по улице, расспрашивая и выслушивая советы по уходу за почвой и растениями.

Василий всё копал земельные уголья, рвал сорняки, подрезал присохшие или надломившиеся ветви деревьев, кустов, белил известью стволы. Руками они достали яблоки с тех ветвей, что пониже, а чтобы снять урожай с тех, что повыше, Василий осторожно тряс крепкие стволы. Алёна резала яблочки и раскладывала на сквозняке желтоватые ломтики для сушки. Собирала ягоду, варила варенье. Обходила всё ещё цветущие розы. Посадила в зиму чеснок и лук, поглубже «утопив» в мягкую почву семена, и обозначила эти грядки сухими прутиками, как научила соседка «для лучшего снегозадержания». Обработала всю клубничную поляну и каждый день поливала её водой из железной лейки. Василий проредил малину, связал пучками её зелёные ещё высокие стебли и пригнул к земле – так, сказал ему сосед, они лучше переживут морозы.

Наводили порядок и в теплице: повырвали ботву, перекопали почву. Компостную кучу наполнили до самых краёв, скидывая в неё растительные остатки. Предавать их огню на костре, упаси Боже, боялись.

В лесу за это время побывали лишь раз. И то не для того, чтобы полюбоваться осенней природой, хотя не заметить лесной красоты было невозможно, даже если пришёл сюда с намерением набрать хвои и лапника – закрыть и присыпать ими озимые посадки и клубнику.

Разве думали они, мечтая о даче в духоте городского жилища, что их сельская жизнь будет такой неромантичной?! Ежедневно выяснялось, что работы здесь бесконечно много. А ведь до конца и не представляли,

сколько её ещё впереди, когда время от времени взором окидывали свои владения. Не привыкший к нагрузкам, городской организм по утрам нещадно отзывался то прихватившей поясницей, то ломотой во всём теле. «Вот тебе и удовольствие... Да тут адовой работы полно! Может, бросить всё, продать к чёртовой бабушке?!» – едва сдерживая слёзы, думала про себя иной раз Алёна. «Да, – с молчаливой грустью размышлял сам с собой и Василий. – Таких отпусков у меня ещё не бывало!» Но, к чести начинающих дачников, вслух эти мысли они почти не произносили, наоборот, как могли, поддерживали и подбадривали друг друга.

После недели сельской жизни завели правило: при первых признаках усталости или боли в спине – остановиться, отдышаться, сделать перерыв или вообще отложить дело на завтра.

– Как говорит моя мама, надо и на завтра работы оставить, иначе всё не успеем, – шутил в такие минуты Василий и ласково обнимал жену за талию.

– Айда лучше домой, чайку попьём...

– Берегите себя, не перетруждайтесь, – советовали им и их ближайшие соседи Шипуновы – крепкие ещё старики, поселковые старожилы – Андрей Иванович, светлый как лунь от благородной седины, неторопливый в движениях и рассуждениях, и маленькая, подвижная как ртуть, его жена Наталья Петровна, короткая причёска которой была выкрашена хной в каштановый цвет. – Оставьте себе время для общения, получите удовольствие от нашего воздуха. В мире такого нет! – и они обменивались между собой многозначительными взглядами.

– Так там пахоты-то... – возражал Василий.

– Вот увидишь, – уверял его сосед. – Дай срок, полюбишь Асерхово. Ждать будете каждую поездку сюда, – его супруга согласно кивала головой.

– Про наше Асерхово даже стихи сочинили, – привела гостям свой довод и Наталья Петровна и с выражением продекламировала несколько четверостиший.

Знакомство с Шипуновыми состоялось как-то само собой. Однажды Василий через забор спросил у ковыряющегося на своём участке соседа, чем на яблоне надо обработать место срезанной ветки?

– Погоди, – кивнул тот и скрылся в глубине сада.

Его не было минут пять, и Василий уже начал думать, что ждёт напрасно, но седая голова возникла возле изгороди. В одной руке сосед держал жестянку из-под консервов с жидкостью тёмно-вишнёвого цвета, в другой – маслянистый коричневатый комок.

– Это марганцовка с купоросом, – подал он Василию банку. – Этим сегодня место спила обрабатываешь. А назавтра, – протянул содержимое второй руки, – замазываешь его садовым варом. Я его сам делаю из воска, жира и канифоли...

– Я ж на своём участке и садовод, и бригадир, и агроном, и пахарь, – с самодовольным видом произнёс он и представился более конкретно. – Между прочим, меня Андреем Ивановичем зовут.

– Василий, – отрекомендовался Василий.

– А мы знаем, – добродушно усмехнулся сосед, скривив короткую белёсую щёточку усов. – А жена у тебя – Алёна. В деревне далеко слышать... Если надо чего, обращайтесь запросто, по-соседски. Всегда рады помочь.

Этим же вечером Василий с Алёной пили чай на уютной кухне Шипуновых. Наталья Петровна то и дело вскакивала из-за стола, подкладывала гостям варенье, джем, стряпню.

Мужчины молчали недолго – завели разговор о тонкостях садоводства, а хозяйка повела Алёну по дому, показывая расположение и обстановку комнат. Потом женщины вышли на крыльцо.

Соседский чистый, ухоженный двор посередине – прямо по земле – пересекала толстая, тугая как стрела стальная проволока, вдоль неё на цепи бегал чёрный лохматый пёс и громко радостно погавкивал. Когда Алёна с мужем ещё только пришли к соседям, Андрей Иванович на всякий случай закрыл собаку в дощатой будке в углу двора. Теперь же её выпустили.

– Какая большая, – удивилась Алёна. – Злая, наверное?

– Пупсик-то? Да нет, это он только с виду грозный, – махнула ладошкой Наталья Петровна и подошла к псу, который, встав на задние лапы и виляя хвостом, пытался положить передние ей на плечи и лизнуть в лицо.

– Фу, Пупсик! – хозяйка приземлила его на все четыре собачьих ноги и почесала довольную псину за ухом. – Можно погладить, – позвала она Алёну.

Та боязливо притронулась к косматому боку и тут же отдернула руку: собака повернула к ней голову и напряглась.

– Тебе надо его покормить, – предложила Наталья Петровна. – Я сейчас...

Она быстро принесла из дома говяжье ребро и незаметно сунула его гостю: «Дай ему... Да не бойся!»

Алёна с безопасного расстояния робко протянула лохматому кость. Пёс крепко ухватил зубами угощение и, гремя цепью, умчался на другой конец двора.

С того дня Алёна начала каждый день носить грозной на вид животине какие-нибудь угощения со своего стола. И, кажется, они подружились. Ведь всякий раз, как только она подходила к соседской калитке, Пупсик, почуяв гостью, весело гавкал и подвывал, а завидев её, радостно скакал по двору.

...Заросшую травой часть своего участка начинающие дачники решили оставить в покое – до следующей весны.

– Хорошо бы купить мотоблок, – мечтал вечерами Василий. – А что?! Так по весне и сделаем! С ним я мигом всё перекопаю.

К ночи холодало всё сильнее, и Василий теперь каждый вечер топил печь. Научился разжигать её пусть не с первой, то, максимум, со второй спички. Теперь он безошибочно знал, если дрова сгорали до мелкой золы и больше не чадили сизым дымом, пришло время закрывать заслонку в трубе, тогда кирпичные стенки печи дольше сохраняют тепло.

Понемногу они продолжали знакомиться с поселковыми достопримечательностями. Однажды под вечер съездили на речку Даниловку, неслышно протекающую по окраине Асерхово, посмотрели на серебристо-прозрачные воды и на берега, заросшие где-то густой высокой травой, а где – кустарником и жёлтолистыми сейчас берёзами.

А однажды посетили общественную баню, которая по деревенским меркам считалась просто шикарной. Тут выдавали ослепительно белые простыни и большие махровые полотенца. В будний вечер посетителей было немного. Мылись Василий и Алёна отдельно, ведь мужское и женское отделения, как положено, были отдельными. Природное недоверие к подобным заведениям у Алёны победил чистый моечный зал с шайками, скамейками и врезанными в кафельную стену кранами: из

одного – лишь поверни рукоять – тугой струёй бил кипяток, из другого шла ледяная вода.

По залу с хозяйским видом расхаживала дородная банщица неопределённого возраста в большом сероватом клеенчатом фартуке поверх тела. «Тётя Саша», – радушно представилась она Алёне.

– Попарю, коли пожелаешь! – предложила банщица слегка оторопевшей новенькой посетительнице. – Пойдём, девка, похлещу веничком, не пожалеешь... – улыбнулась тётя Саша, показав крупные темноватые зубы.

«Была не была», – тряхнула Алёна мокрыми волосами и вслед за рыжеволосой банщицей нырнула в распахнувшуюся настежь дверь парной. Оттуда навстречу им «выкатились» две разругавшиеся женщины немалого телосложения.

В парилке было так жарко, что Алёна тут же пригнулась пониже и села на нижнюю ступеньку полка.

– Нет! – решительно вдохновила её банщица. – Наверх полезай и ложись на живот... Расслабься, я сейчас.

Алёна услышала шипение воды на раскаленных камнях, её обдало густым горячим паром. Женщина извлекла из таза с водой сразу два берёзовых веника и склонилась над клиенткой, белое тело которой сплошь покрылось капельками влаги.

– Веник все недуги выгонит, – негромко произнесла она над Алёнином ухом и, держа по венику в каждой руке, начала легонько поглаживать ими свою клиентку. Та почувствовала, как горячие листья приятно скользят по ней: от головы – по спине, ногам, до самых пяток и обратно – по бокам к голове. Эти невесомые движения вызывали лёгкую дрожь. Минуту спустя тётя Саша приложила веники к Алёниной пояснице, прижав их на несколько секунд, затем переместила на лопатки, на подколенные суставы.

– Как ты, де-е-вонька? – вопросительно пропела она.

– Замечательно! – выдохнула Алёна.

А берёзовые ветки уже легко постегивали по бедрам, спине, икрам ног. Сначала били легко, потом всё сильнее. Банщица останавливалась, переставала хлестать, и, стремясь побольше захватить горячего воздуха, помахивала над дачницей вениками, вновь опускала их на распаренное

тело. И после двух-трёх сильных шлепков прижимала веники к мышцам спины, к пояснице, ступням.

– Я всех, кто пожелает, в парной пользую, – отдуваясь, говорила она, но, расслабленная до полусна, Алёна почти не слушала. – К нам сюда ездят даже из соседних деревень, из города, – не обращая внимания на молчание клиентки, тётя Саша продолжала рекламировать баню. – Кампаниями моются! Так, ещё бы...

Она свела веники на Алёниной пояснице, затем с силой медленно повела их в стороны: один скользил по телу в направлении головы, второй – к ступням, будто пытаясь растянуть лежащее туловище. Наконец, снова начала легко массировать и поглаживать вениками Алёну по багрово-розовой спине.

– Задремала? – тетя Саша потрясла её за плечо, возвращая в жаркую действительность. – Сейчас сделаем так: я хорошенько поддам, а ты полежи, сколько сможешь, и выходи.

Банщица трижды плеснула на раскалённую каменку из маленькой металлической кружки на длинной деревянной ручке и быстро вышла из парной. Алёну обдала волна такого немыслимо горячего влажного пара, что перехватило дыхание. Секунд через пять она уже была в моечной...

– Ну, как тебе? – спросил Василий, когда, расслабленные и покрасневшие, они сидели в мягких, слегка потёртых креслах комнаты отдыха и прихлёбывали горячий, ароматный чай из небольших гранёных стаканов.

– Это чудо какое-то! Деревенское волшебство! – Алёна откинулась на спинку кресла. – И всего за сто рублей.

...Вот и к ним во двор пришли чистота и порядок: сорняки повывёргивали, все чурбаки порубили на дрова и сложили в ровную поленницу, мебельные обломки, старые игрушки и прочую рухлядь и мусор сожгли в печи. Немало сделали и в саду-огороде – там, правда, работе не было конца-края, однако и здесь наши дачники с основным осенним объёмом справились.

Налаживался уют и в доме. Дошло до того, что Алёна пробовала стряпать блины на ловкой чугунной сковороде, раскаляя её на печной плите. Василий ел их с нескрываемым удовольствием и нахваливал, цокал языком от наслаждения и одобрительно кивал головой.

Лёжа перед сном в кровати, они уже начинали строить планы своего дачного будущего: обговаривали перестройку жилища и бани, переустройство сада.

– Может, мы с тобой уже в деревенских превращаемся? – поглаживая уставшую поясницу жены, спрашивал у Алёны муж.

– Ага, деревенские горожане, вот мы кто, – ехидничала та в ответ. – Или может, городские деревенские...

Очередная неделя в Асерхово подходила к концу, а, значит, подходил к концу их первый дачный «отдых». По ночам холодало ещё сильнее, днём солнце пыталось брать своё. А дождей всё так и не было.

В последнюю пятницу отпуска Алёна начала упаковывать вещи, которые надлежало везти в город. Конечно, коробок теперь получалось меньше: они не заполнили и половины крытого брезентом прицепа. Вечером Шипуновы позвали их на прощальный ужин. Кроме того, Наталье Петровне не терпелось похвастать перед соседями цыплятами, купленными Андреем Ивановичем на откорм.

Василий «сгонял» на машине в магазин, взял бутылочку коньяка: «Кажется, неплохой, – продемонстрировал он жене этикетку трёхзвёздочного напитка известной марки. – Хотя, как говорится, пока не попробуем, не узнаем».

Алёна собрала «подарок» для своего любимца – Пупсика: завернула в тряпицу суповую косточку, вчерашний блинчик, колбасные обрезки. А пес, словно в предчувствии лакомства, залиvisto лаял и призывно завывал.

Поэтому, как только они с Василием зашли в соседский двор и поздоровались с хозяевами, Алёна сразу начала осторожно раскладывать угощение на земле перед собакой. Несмотря на вроде бы установившуюся дружбу с Пупсиком, она по-прежнему побаивалась лохматого, приближалась к нему лишь на расстояние вытянутой руки.

Пёс замер, ожидая, когда она закончит ритуальные движения, склонив набок большую голову, он внимательно следил за её действиями, смачно облизываясь. Она отступила в сторону, и собака тут же подскочила к угощениям. Первым в её пасти мгновенно исчез блинчик, он был съеден так быстро, что глотательного движения не удалось заметить ни гостям, ни

хозяевам. Мигом исчезла и колбаса. Потом Пупсик ухватил кость и ускакал с нею в будку.

– Балуешь собаку, – добродушно пожурил Андрей Иванович. – Так он сторожить нас перестанет...

– Не ворчи, ворчун, – оборвала его Наталья Петровна. – Пойдёмте-ка лучше в курятник, цыплят посмотрим. Такие они красивые, потешные!

– Чего на них смотреть? – хозяин незаметно подмигнул Василию. – Вы идите, а мы с Васей пока коньячку попробуем, – мужчины скрылись за дверями веранды.

А женщины, разговаривая, двинулись через двор туда, откуда доносилось энергичное попискивание птенцов. Курятник находился в том же углу усадьбы, что и собачья будка. И только хозяйка взялась за дверную ручку, потянула дверь и отступила в сторону, пропуская гостью вперёд, как из будки внезапно выскочил Пупсик, зло рыкнул – шерсть на загривке встала дыбом – и, клацнув зубами, вцепился сзади в икру Алёниной правой ноги, прокусив клыками мягкие ткани.

– Ой-ой-ой! – громко закричала Алёна от боли и неожиданности.

Обернувшись на крик Наталья Петровна, мигом подскочила к зверюге, всем телом навалилась на неё, оттаскивая от гостыи.

– Фу, Пупсик, фу! – вопила она и колотила пса по голове. Кобель выпустил Алёнину ногу, резким движением стряхнул с себя хозяйку и, гремя цепью, скрылся в будке.

На крики из дома выбежали мужчины. Раскрасневшийся Андрей Иванович кинулся к жене:

– Что? Укусил?! – заревел он белугой на её молчаливый кивок. – У-у-у! Убью, гад! – он схватил лопату и черенком принялся шуровать в недрах будки, откуда в ответ неслось глухое ворчание и испуганный скулёрж.

Василий присел возле Алёны, оторопело рассматривая её рану, кровь из которой текла и капала на утопанную собакой землю.

– Алёна, что? Потерпи, сейчас перевяжем... Бинты какие-нибудь, Наталья Петровна...

Та встрепенулась, кинулась к крыльцу: «В дом, в дом её! Сейчас я!»

Василий подхватил на руки ослабевшую от боли и испуга Алёну и понёс на веранду. Здесь Андрей Иванович быстро разложил кресло-кровать, на

него поместили стонущую женщину. Пострадавшую ногу в шесть рук обмывали, обтирали смоченной в марганцовке салфеткой, прижигали зелёной, бинтовали.

– Нечего думать! – взял Василия за локоть Андрей Иванович. – Надо ехать в медпункт!

– Да-да! – поддержала Наталья Петровна. – Там всё сделают как надо...

Василий снова подхватил притихшую жену на руки и почти бегом направился к себе во двор. Соседка вызвалась проводить. Уже через минуту джип выехал на вечернюю улицу, а вдогонку ему нёсся приглушённый, будто извиняющийся лай Пупсика.

На Заводскую улицу, где расположился медпункт, они домчали молча. В коридоре серого одноэтажного здания царил полумрак, лишь настольная лампа за столом дежурного освещала усталое лицо немолодой женщины в белом халате, которая, склонившись над столом, писала в толстой амбарной книге. Она подняла голову и встала навстречу Василию, который нёс на руках Алёну.

– Выручай нас, Марковна! – выступила из-за его спины Наталья Петровна.

– Наш Пупсик соседку укусил... Алёнушку...

– Идите за мной, – скомандовала Марковна и включила верхний свет. – В процедурную её, – она распахнула одну из десятка выходящих в коридор дверей.

В процедурной всё сияло белизной.

– Чего застыл? – рявкнула Марковна на Василия. – Клади её на кушетку, – тот осторожно опустил свою ношу на застеленное белой простыней жёсткое ложе.

– Посмотри, Марковна, что там наделал наш поганец, – иступлённо шептала Наталья Петровна на ухо строгой хозяйке заведения, которая тщательно мыла руки. – Помоги! Сделай, что можно...

– Иди, Наталья, иди, – оборвала её эскулапша. – И парня своего заberi, в коридоре ждите... Не малая, а не понимает, что нельзя лезть к цепному псу!

– Да мы... вместе были... В курятник пошли... Не ожидали... – начала сбивчиво Наталья Петровна. – Цыплят посмотреть... Алёна Пупсика вроде прикормила...

– Говорю, в коридор идите, мешаете! Без вас разберусь, – Марковна вытолкала сопровождающих из кабинета и захлопнула дверь.

Василий с соседкой присели на стулья у стены и принялись ждать. Василий молчал, то и дело тяжело вздыхая. А Наталья Петровна раз за разом спрашивала сама себя вслух: «Как же так? Ну, как так?!» – и сокрушённо качала головой...

В эту ночь Алёна долго не могла заснуть, перебирала в памяти детали ужасного вечера... Укус отдавал тупой болью. Марковна, непрерывно ворча, срезала бинты, тщательно вымыла ногу хозяйственным мылом, промыла рану.

– Крови много было? – сердито спросила она у стонущей Алёны.

– Что? – не поняла та.

– Крови, говорю, много вытекло?

– Да, – кивнула пациентка. – Текла.

– Это хорошо! – похвалила вдруг фельдшерица, колдуя над её ногой.

«Вот живодёрша! Мне больно, а ей крови побольше давай!» – думала Алёна, отвернувшись к белой стене.

А Марковна терпеливо объясняла:

– Если укус кровоточит, вместе с кровью из раны выйдет и слюна. Собака у Натальи, конечно, привита от бешенства, но кто его знает, исключать вероятность нельзя... Поэтому уколю антибиотиком и от столбняка – тоже, ведь нам сепсис не нужен. Раны хоть небольшие, но рваные, так что шовчик сделаю. Терпи, девонька, раз к такой собачине полезла, не побоялась, – и она дала Алёне выпить две таблетки анальгина.

– Значит, так, – инструктировала она Василия, передавая с рук на руки перебинтованную хромающую жену. – Если будет температура или покраснение, или увеличение лимфоузлов, или отёк ноги, или гной появится – срочно к врачу. Если аппетит пропадёт у неё или бессонница, или депрессия накатит, или повышенная раздражительность – тоже к врачу. Спиртного – ни-ни...

– Вот и бессонница у меня, – с тревогой думала Алёна, лёжа рядом с мирно посапывающим мужем.

А мысль о том, что пыталась подружиться с собакой, вообще раздражала до невозможности:

– Чёртов Пупсик! А я-то дура наивная!

От света уличного фонаря на потолке покачивалась причудливая тень оконного переплёта, в стекло едва слышно однозвучно постукивала ветка рябины. Боль в ноге утихла. Алёна улеглась поудобнее и заснула.

Ей приснилось, будто бродит она одна по солнечному хвойному лесу, вслушиваясь в мотив ветра, играющего макушками сосен. До неё доносится тихий шелест и такие же тихие шаги...

Вдруг всё вокруг потемнело, стволы огромных деревьев едва угадывались во мраке. Зато звук монотонных шагов усилился, словно кто-то невидимый прогуливался в ночи. Алёне стало так страшно, что мурашки пошли по коже. Она хотела убежать, но не могла сдвинуться с места, лишь тревожно прислушивалась.

Мелодия звуков изменилась: послышался резкий скрежет железа, чьи-то далёкие крики ужаса и боли. Она уловила в крошечной темноте треск разгорающихся поленьев, потом – нарастающий рёв свирепого пламени. Он постепенно становился всё громче, всё напряжённее, пока не превратился в сплошной вой. И потом – тишина, наполненная пустотой и ужасающим одиночеством. Она напряжённо вслушивалась в безмолвие, но как ни силилась, не могла понять, что за звуки раздавались вначале, о чём они говорили ей... И внезапно проснулась.

Темнота в комнате стала серой, Алёна хорошо различала знакомые предметы – каждый на своём месте. Муж тихо спал рядом. «Это всего лишь страшный сон», – подумала она. Однако кожа на руках была влажной от пота, да и тревога не отпускала. Показалось, что в комнате душно, трудно дышать, и она решила открыть окно.

Повернулась на бок, сразу почувствовав боль, опасно ступила на холодный пол, прихрамывая, подошла к подоконнику, осторожно отодвинула одну из штор, приоткрыла оконную створку. И испуганно отшатнулась: с ночной улицы в лицо дохнуло горячим воздухом.

Ей было знакомо это раскалённое дыхание ночи: в памяти мгновенно всплыл знойный отдых в Египте, где побывали с мужем пару лет назад. Со страхом Алёна начала всматриваться в чернеющую под звёздным небом стену леса. Ей почудилось, что в глубине чащи на мгновение мелькнуло и растворилось во тьме призрачное облачко малинового зарева. «Пожар! –

поняла сразу, и, затаив дыхание, вглядывалась во мрак. – Лес горит, точно! Что-то надо делать!» – однако за окном ничего больше не было видно.

– Вась... – тихо позвала она, муж коротко всхрипнул, но не пошевелился. – Вася! – окликнула Алёна громче. – Вставай, кажется, лес, горит. Надо что-то делать!

– А? – оторвал голову от подушки Василий. – Ты чего не спишь? Болит? – он посмотрел на светящиеся стрелки наручных часов. – Третий час... Может, анальгин примешь?

– Если лес горит, деревня тоже может загореться? – не слушая его сонного бормотания, спросила Алёна, не отрывала глаз от окна.

– Ты о чём? – муж, кажется, пробудился. – Где горит?

– Лес, похоже, горит... – повернулась к нему Алёна. – С улицы жаром пышет...

В этот миг в соседском дворе завыл Пупсик, ему вторила другая собака, третья.

– Да ты что! – подскочил к жене Василий и настежь распахнул окно. – Бог ты мой! – он склонился над подоконником, вглядываясь вдаль. – Точно, горит где-то далеко! – ткнул пальцем в сторону леса. – Но запаха нет, значит, ветер не в нашу сторону.

Василий окончательно проснулся, включил свет, тщательно закрыл окно и начал одеваться.

– Сделаем так, – натягивая джинсы, начал он инструктировать жену. – Я пойду будить соседей, а ты звони по мобильнику, вызывай пожарных. Потом одевайся, документы не забудь и – на улицу! Да ногу береги. Жди меня во дворе, лучше, прямо в машине. Как прибегу, сразу рванём в город. Вещи мы собрали. Даже если наша усадьба не сгорит, хватит тут отдыхать...

– Андрей Иванович! Андрей Иванович! – Василий старался перекричать собачий лай и пинал ногой калитку соседей. На веранде включили лампочку, дверь открылась, и на освещённом крыльце показался взлохмаченный сосед в майке и кальсонах:

– Кто здесь? – щурясь от света и всматриваясь в темноту, спросил он. – Что случилось? – и крикнул рвущейся с цепи собаке. – Пупсик, молчать! Ты, Василий? – узнал, наконец, соседа. – С Алёной плохо?

– Да нет, – с чисто русской «определённостью» громко ответил Василий. – Сейчас я, – он осторожно вошёл в калитку и вдоль забора пробрался к крыльцу. – Доброй ночи, Иваныч, – поприветствовал соседа. – Кажется, пожар в лесу. Вон в той стороне...

– Да нет, – в тон ему ответил сосед. – Там бы зарево было!

С минуту они внимательно всматривались в безмолвную черноту лесной полосы.

– Кажется, правда, есть что-то, – Андрей Иванович нервно поскрёб пальцами по груди. – А я и то думаю: небо звёздное, похолодать должно к утру, а оттуда теплом тянет. Местность в той стороне Гнилым углом называют, – пояснил он Василию. – Там торфяники, когда-то из них торф брали. Потом озёра стали, зарыбились. Народишко из города туда рыбачить ездит. Само собой, без ухи не обходится. Костёр толком не загасили. А сушь-то знатная всё лето и, считай, весь сентябрь. Похоже, торф и загорел... Или подземный пожар, или низовой... Ветер от нас дует, вот гари и не чуем. И не дай Бог, ветер переменится! – востропел Андрей Иванович. – Пожарных надо вызывать!

– Алёна уже вызвала, – доложил Василий.

– Тогда давай соседей будить, – Андрей Иванович нервно пригладил свою шевелюру. – Ты по левой стороне улицы пойдёшь, а я по правой. Только штаны надену, – и он торопливо потопал в дом.

Минут через сорок по улице в сторону леса промчался пожарный автомобиль, обдавая тёмные дома тревожно-красным светом мигалки и мощным рёвом сирены. К этому времени уже десятка полтора машин и с дачниками, и с коренными жителями рванули из посёлка в сторону города.

...Алёна дремала на заднем сиденье джипа и не заметила, как вернулся Василий. Вздогнула, когда он забарабанил пальцами по стеклу машины, открыла дверцу:

– Домой едем, Вася?

– Погодим, – Василий ласково погладил жену по щеке, тронул её за подбородок. – Пока ветер в сторону леса дует, мы с мужиками решили пожарным помогать. Ну, а как? Посёлок ведь наш, нам и спасать... Ничего? Подождёшь? Как нога?

– Терпимо... Ноет, правда. Я ещё таблетку приняла, – муж помог Алёне выбраться из машины.

– Пойдём в дом, – он крепко взял её за локоть. – Одну что-нибудь попроще...

Утренние сумерки понемногу вычерчивали линию горизонта над лесом, возвращали привычный вид находящимся во дворе предметам. А с той стороны неба, где день за днём вот уже несколько месяцев подряд поднималось солнце, бесчисленными стадами сказочных чудовищ напоздали низкие серые тучи.

Муж наскоро переоделся и убежал на улицу, где в сторону леса тянулись поселяне с лопатами, пилами, топорами. Алёна, не раздеваясь, улеглась в кровать, баюкала раненую ногу и забылась тревожным сном на этот раз без сновидений.

Проснулась она от того, что перестала чувствовать затёкшую больную ногу. Когда попыталась сесть в постели, показалось, что в ногу разом воткнули сотни острых иголок, пришлось подождать несколько минут, пока не восстановилась нормальная чувствительность. Ковыляя, спустилась на первый этаж, кое-как приготовила чай с бутербродами и позавтракала без аппетита. Будильник показывал начало одиннадцатого, но в доме было мрачно из-за непривычно пасмурной погоды. Серый день угнетал, не покидала и тревога за мужа.

Василий явился около полудня. Возбуждённый, говорливый, грязный, он источал терпкий запах дыма, лицо блестело от пота и липкой сажи. Прогоревшую во многих местах старую куртку скинул в угол.

– Есть хочу как волк! – приобнял он Алёну. – Мы там с пожаром бьёмся, бьёмся...

– Сначала умойся, – мягко отстранилась жена. – Я картошки нажарила с колбаской...

– Поем и отвезу тебя на перевязку, – говорил Василий, торопливо проглатывая еду. – Потом снова в лес побегу помогать, – делился он планами на ближайшие часы.

– А когда же домой, Вася? – спросила Алёна, подкладывая ему добавки.

– Если всё нормально будет, вечером уедем... Там торфяник горит, представляешь? – по его возбуждённому голосу Алёна чувствовала, что

ему хочется рассказать подробности, поэтому молчала, кивала, поддакивала, мысленно складывая из его слов картину разыгравшейся рядом с посёлком беды.

Действительно, подтвердили пожарные, нерадивые туристы вчера не потушили на торфянике костер, и огонь ушёл сначала вглубь почвы, а потом язычки пламени неуверенными рыжими зверьками то там, то тут побежали по хвойному опаду и валежнику. Из-за страшного лиха в лесу тревожно стрекотали сороки. Зверюшки убегали, скакали, ползли прочь от огня, спасая свои жизни, задыхались в дыму.

Пожар был низовой, он снова исчезал в земле, и казалось, что больше уже ничего не произойдёт, однако огненные ленточки, цепляясь за сухую траву, за высушенный солнцем лесной хлам, двигались дальше. Фронт огня передвигался будто нехотя, металась раздробленные стволами деревьев обрывки пламени.

Василий даже вилку отложил, живописуя, как один раз столб огня всё-таки взмыл к небу – вспыхнула старая, но ещё зелёная пихта, разбрасывая вокруг гигантский сноп искр. Как люди кинулись гасить её. Если бы промедлили, рядом загорелась бы ель, а за ней – одно дерево за другим... «Если бы ты не разбудила, – похвалил Василий Алёну, – оно бы разгорелось! И так жарко! Мы наперерез огню копаем канавы, отрезаем ему путь, срываем сухой дёрн. Пожарные через рукав водой заливают и ручными насосами. Дымит, конечно, дышать тяжело... Представляешь, я ни разу в жизни не был в горящем лесу. Теперь знаю, огонь рывками наступает и негромко так под землёй взгудывает...», – произнёс Василий незнакомое Алёне слово.

В медпункте ей сделали укол и перевязали ногу. «Рана хорошая, не гноится», – похвалила медсестра, которая сегодня вела себя намного спокойнее, чем вчера вечером. Даже пошутила: «До свадьбы заживёт».

Когда, возвращаясь с перевязки, подъезжали к дому, из-за своей калитки выглянул Андрей Иванович. Увидев соседей, вышел на улицу. Василий притормозил.

– Молодец! – склонившись к окну машины, похвалил Алёну сосед. – Посёлок, можно сказать, спасла...

– Ага, – заскромничала та. – Нога болела, вот и не спалось... Может, Пупсика надо благодарить, – съехидничала.

– Да-а! – опустил глаза Андрей Иванович. – Убить его, гада, мало... – и перевёл разговор на другое. – Мы огонь гасили, а он всё движется! Вот ведь какая сволочь!

– Сейчас снова пойдём, – встрял Василий. – Надо дело до конца довести.

– Я не пойду, – вздохнул сосед. – Устал, не могу. Там пожарных понагнали, без нас уже справятся.

– Нет, я пойду, – твёрдо заявил Василий. – Обещал мужикам, что на перевязку сгоняю и вернусь.

Он загнал машину во двор, чмокнул жену в щёку и исчез. «Осторожней!» – только и успела шепнуть она.

...Ей казалось, что после обеда время остановилось. Алёна, не торопясь, приготовила ужин, помыла посуду, убралась на кухне. Включила телевизор, перебрала несколько каналов, но не хватило терпения вникнуть ни в одну из передач. Потерянно бродила по двору, то и дело посматривая на улицу. Ближе к вечеру из леса потянулись добровольные огнеборцы – чумазные мужики.

Она спрашивала у них, как там на торфяниках?

– Кажется, победили, – отвечали ей. – Пожарные заканчивают дело...

– А где же Василий? – удивлялась она.

– Вася? Там ещё, – кивали они в сторону леса.

В пустом тихом доме стало так одиноко, что Алёна не усидела и отправилась к соседям. Осторожно вдоль забора шла по соседскому двору, где вдоль проволоки метался Пупсик, приветствуя её радостным лаем. С веранды выглянула Наталья Петровна:

– Алёна! – обрадовалась она гостье. – Иди, не бойся, не достанет, – и сердито крикнула собаке:

– Уймись, аспид! – отчего пёс сразу замолчал, лёг на землю и принялся колотить по ней лохматым хвостом, оскалив в добродушной улыбке все свои сорок два собачьих зуба.

Наталья Петровна принялась собирать на стол.

– Андрюша отдохнуть прилёт, – сообщила она. – Сейчас подниму.

– Нет-нет, не надо, – остановила Алена. – И на стол не собирайте, я есть не хочу... Тревожно что-то, – зябко передёрнула плечами. – Васи всё нет.

– Придёт, – участливо откликнулась хозяйка. – Не думай плохого. Скоро явится наш Василий.

Они немного посудачили о том о сём, и Алёна поплелась домой. Лишь когда над посёлком нависли сумерки и с неба начало накрапывать, пришёл Василий, большой, измученный, – глаза на усталом, измазанном копотью лице ввалились. Притихший, пропахнувший дымом, он улыбался Алёне из последних сил.

– Помыться бы, – сказал он, стаскивая с себя мокрую от пота, грязную, дырявую от прожогов одежду.

– А я не догадалась баню затопить! – Алёна округлила с досады глаза.

– Да и ладно, – успокоил Василий. – Я сегодня и напарился, и нагрелся досыта. Всё равно, айда в баню, сольёшь мне...

В нетопленной бане он намыливал голову, грязные руки и живот, растирал их жёсткой мочалкой, похохатывал, покрикивал, когда Алёна лила на него холодной водой, смывая мыльные потёки.

Сели ужинать. Алёна поставила перед мужем полную тарелку, сама, подперев голову, смотрела, как он неторопливо ест, основательно пережёвывая. А Василий жевал всё медленнее, с трудом открывая слипающиеся глаза. В конце концов, не съев и трети, положил вилку на стол, тяжело вздохнул:

– Домой шёл – слюной исходил, думал, слона съем... Извини, спать хочу, не могу. Пойду, лягу... Утром сразу поедем домой, – и поплёлся наверх.

Алёна убрала со стола, затолкала в топку грязную мужнину одежду, чтобы в следующий приезд сжечь её. Походила по дому, прикидывая, всё ли приготовлено к отъезду, и тоже решила лечь. И только, погасив свет, притихла в нагретой Василием постели, прижавшись к его тёплому боку, сразу заснула...

А через пару часов её разбудил странный звук, который шёл сверху. Не открывая глаз, Алёна пыталась понять происхождение этого громкого то ли шороха сухой травы, то ли шелеста старых газет. Правда, на этот раз она не чувствовала тревоги. Но всё же поднялась и как только подошла к окну, всё стало ясно: подсвеченные уличным фонарём, по стеклу стекали струи проливного дождя. Это его мириады крупных частых капель гулко барабанили по крыше, стучали по отливу подоконника.

– Вот это дождь! – тихо обрадовалась Алёна. – Вась, – потрясла мужа за плечо, – дождь пошёл... Да проснись ты! На улице настоящий ливень!

– А? – с трудом разлепил глаза Василий. – Дождь? Это хорошо... – он повернулся на бок и снова заснул.

Ливень не прекратился и утром.

– Хорошо, что я прицеп брезентом как следует «запечатал», – похвалил сам себя Василий, вернувшись домой с утренней разведки. – Знатно поливает, вчера бы так! Если ты готова, можем ехать.

Они по обычаю присели на минутку перед дальней дорогой. Алёна суеверно покрестила кухонные углы от недобрых людей, перекрестилась сама: «Господи, благослови!» – и выскочила за мужем на промокший двор.

Рассекая лужи, джип помчался по пустынным улицам посёлка. Перед глазами его пассажиров непрерывно мотались «дворники», смахивая водные потоки с лобового стекла. Дождь не унимался, косыми струями отчаянно бил по крыше и окнам автомобиля, сбивал последние жёлтые листья с деревьев и кустов. То на миг утихал, то опять принимался с новой силой изливаться и шуметь. Однако Алёне радостно было взирать на этот вселенский потоп, который, казалось, освежал не только природу, саму душу после долгих, утомивших землю жарких дней, принёс с собой забытый запах свежести и мокрой травы.

Василий крепко держал руль, всматриваясь в дорогу. Алёна вспоминала прошедший отпуск, который многое переменил в её жизни, в их семейной жизни. В это хмурое дождливое утро думалось о светлом, о хорошем. Не было никакой грусти, никаких мрачных мыслей и сожаления о потерянном времени. Казалось, что всё теперь будет хорошо, что впереди у них с Василием только счастье, которое угадывалось сквозь размытую дождевую пелену.

Где-то внутри неё, вторя переменчивому ритму дождя, рождалась мелодия, которую она начала машинально выстукивать пальцами по подлокотнику сиденья... «Белый туман и заманчивый запах черники, Шёпот листвы, под ногами струится ручей. А меж деревьев заката чуть ясные блики – наше Асерхово точно не спутать ни с чем...», – беззвучно шептала Алёна пришедшие откуда-то из памяти строчки.

г. Владимир, февраль-апрель 2019 г.

Из книги «Партийный хит сезона. Рассказы», Владимир, 2019 г.

Оглавление

ОТРЫВКИ ИЗ ПОВЕСТЕЙ

Галкинус (<i>Из повести «Галкинус (Семейные хроники в государственном разрезе)»</i>)....	5
До свиданья, детский сад! (<i>Из повести «Спасти шахтёров»</i>).....	59

НОВЕЛЛЫ (Из сборника «На картошку»)

Горячее молоко.....	80
На картошку.....	84

РАССКАЗЫ

Щепотка земли (<i>Из цикла «Кавказские истории»</i>).....	89
<i>Из сборника «Партийный хит сезона»:</i>	
Деревенский эскорт.....	102
Находка для шпиона.....	150
Городские деревенские.....	175

Об авторе

Сергей Черемнов – коренной сибиряк, кузбассовец.

Родился в Прокопьевске 12 января 1956 года в семье шахтёров. Учился в прокопьевской средней школе № 3. Затем окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета (1978) и отделение журналистики Сибирского института социального управления и политологии (ныне Сибирский институт управления, г. Новосибирск, 1990).

Работал корреспондентом, завотделом промышленности, главным редактором городской газеты «Шахтёрская правда» в Прокопьевске. Несколько лет был собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс» по Прокопьевску, Киселёвску и Прокопьевскому району.

В 1987 году переехал в Кемерово, где заведовал сектором печати, телевидения и радиовещания Кемеровского обкома партии. В 1991 году стал главным редактором организованной им с коллегами первой негосударственной областной телерадиокомпании «Агентство информации Кузбасса – АИК».

В 1994-1995 годах руководил пресс-службой Законодательного Собрания Кемеровской области первого созыва.

В 1996-1997 годах в Москве возглавлял пресс-службу Министерства по делам СНГ Российской Федерации. После этого около пятнадцати лет трудился начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области – пресс-секретарём губернатора Кузбасса.

В 2015-2020 годах был заместителем председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области.

Член Союза журналистов (1982). Заслуженный работник культуры РФ (2007). Награждён Почётной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации и Российского профсоюза работников культуры (2006). Лауреат премии Кузбасса (2005). Имеет и другие награды Кемеровской и Владимирской областей, Законодательного Собрания Кемеровской области первого созыва, Союза журналистов СССР. Удостоен Почётного знака «За заслуги перед профессиональным сообществом» Союза журналистов России.

Лауреат журнала «Огни Кузбасса» за 2017 год в номинации «Проза» за серию рассказов.

Автор сборников рассказов «На картошку» (2015), «Ёршик с ангиной» (2018), «Партийный хит сезона» (2019), «Сибиряки на Варварке» (2021), «Капчагайские рассказы» (2024); повестей «Галкинус» (2020), «Бонины радости» (2020), «Спасти шахтёров» (2023); фотоальбомов «Харизма» (2004), «Миры и мироздания» (2005), «Фоторакурсы» (2006), «ФотоФакты или Пьер Ришар, Владимир Путин, Лео Бокерия и ужин у президента Украины» (2018); книги очерков «Мои земляки – прокопчане» (2024), серии книг очерков «Творческие люди» – о журналистах, литераторах и деятелях других сфер культуры Кемеровской области, а также книг и справочных изданий по истории журналистики Кузбасса.

Сергей Черемнов
ГОРОДСКИЕ
ДЕРЕВЕНСКИЕ
повести
рассказы
новеллы

Литературно-художественное издание

(Электронная книга)
Компьютерная вёрстка,
оформление и создание pdf – автора книги
Редактор Нина Михайловна Инякина
Консультанты:
Галина Николаевна Черемнова
Наталья Георгиевна Круглякова

В книге использованы фотоиллюстрации из Internet
Подготовлено к публикации 10.03.2025 г.

© Черемнов С. И.,
г. Кемерово,
2025 г.